

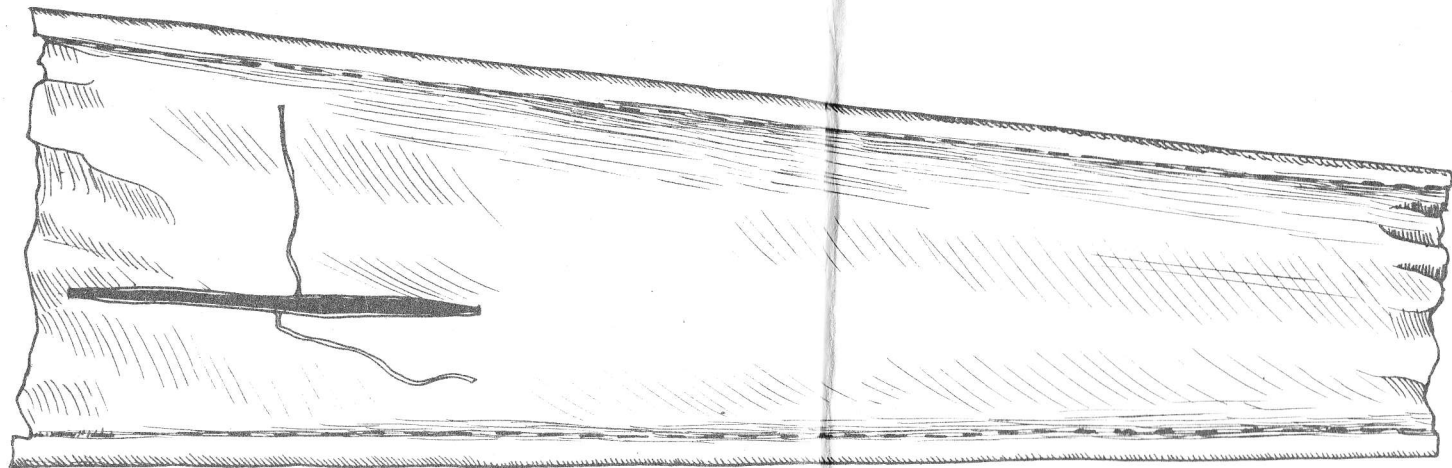
902.7
Л47

К

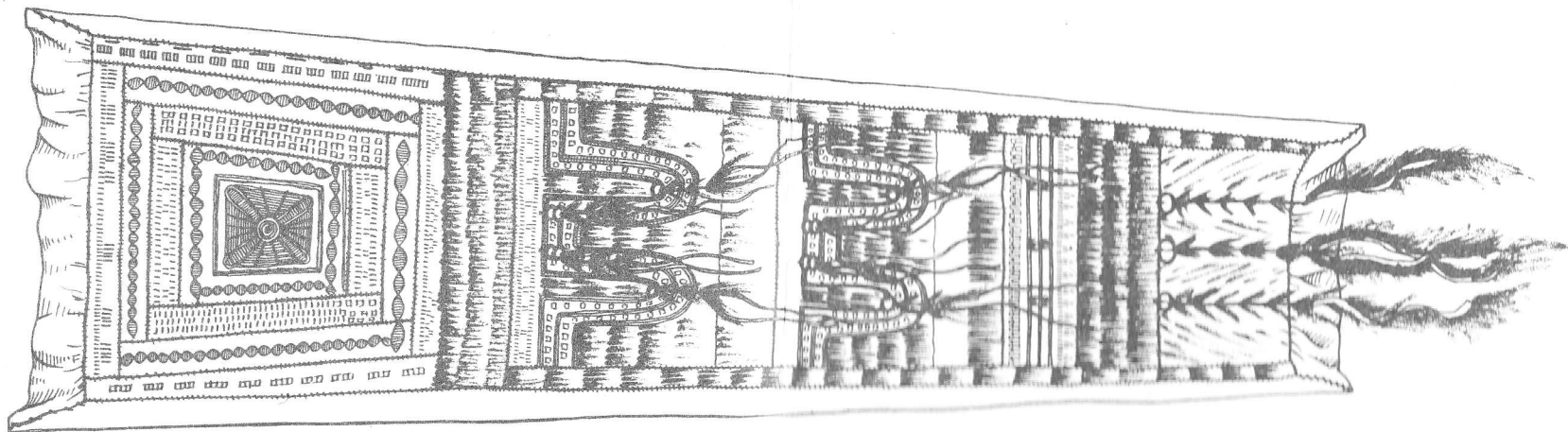
В. В. ЛЕОНТЬЕВ

**ПО ЗЕМЛЕ
ДРЕВНИХ
КЕРЕКОВ**

*Первому читателю —
дорогому сыну Сереже
посвящаю эту книгу*

84 CM

В. В. Леонтьев. Чукотка.

17P

902.7
147

ВЛАДИЛЕН ЛЕОНТЬЕВ

ПО ЗЕМЛЕ ДРЕВНИХ КЕРЕКОВ

Записки этнографа

42622
2

Местком МОАО
БИБЛИОТЕКА

Магаданское
книжное издательство
1976

Загадка побережья Берингова моря

К концу XVII века в России уже знали, что далеко на востоке, за рекой Ковымой, там, где восходит солнце, есть большой Каменный Нос, река Онанда и богатая соболями земля Камчатка. И живут там большие и малые народы: ламутки, омоки, одулы, чувандзи, ходынцы, анаулы, коряки, алкторцы, чюхчи, сидячие чюхчи, зубатые чюхчи, камчадалы, курилы. Сообщили эти вести первые русские землепроходцы Иван Москвитин, Михаил Стадухин, Семен Дежнев, Владимир Атласов и другие.

С этого времени племена Северо-Востока входят в тесный контакт с русским народом, появляются новые сведения о жизни, занятиях и обычаях этих людей.

В середине XVIII века подробное описание племен Камчатки дал выдающийся русский ученый С. П. Крашенинников.

«Иные из них живут как лопари, переходя с места на место с оленьими табунами своими; другие по рекам, в Восточное и Пенжинское море текущими, не переменив жилищ своих и имея от ловли рыбной или морских зверей пропитание, а иные по островам, лежащим около Курильской лопатки, питаются морскими зверьями, рыбкою и всякими извергаемыми из моря и растущими около берегов вещами, как например репою морскою, капустою, раками и прочая. Первые живут в юртах из оленьих кож, а прочие в землянках...

Природных тамошних жителей считается три народа: камчадалы, коряки и курилы... Итак камчадалы с южной стороны имеют в соседстве курилов, а с северной коряков. Коряки смеж-

ны с чукчами, юкагирами и ламутками, а курилы с камчадалами и японцами»¹.

Это было первое классическое описание народов Камчатки, но по-прежнему в этнографии Северо-Востока оставалось все еще много белых пятен. Не было ясности в названиях «сидячие чюхчи» и «зубатые чюхчи». И лишь после того, как были приведены сравнительные данные о языках этих племен Г. А. Сарычевым, удалось установить различия.

«Кочующие чукчи образом жизни и наречием их языка весьма сходны с оленными коряками... Сидячие же отличаются от них как наружным видом, так и нравами, а более неприменными своими жилищами, образом жизни, несходством языка, который у них совсем отличный и подходит близко к наречию кадьяхских островитян...

...Из сего сходства наречий жителей острова Кадьяха и сидячих чукчей заключить можно с некоторой вероятностью, что некогда они составляли поколение одного рода, хотя ныне разделяет их расстояние полутора тысяч верст, считая от Кадьяха к северу по американскому берегу до Берингова пролива. Может быть сие пространство берега населяют жители однородные с кадьяхскими островитянами и сидячие чукчи принадлежат к одному поколению, но по времени и обстоятельствам принуждены были от них отделиться и, перешльв Берингов пролив, поселиться на берегах Чукотской земли»².

Так впервые было установлено близкое родство алеутов и эскимосов и их отличие от коряков и оленных чукчей. Но ко времени путешествия Биллингса — Сарычева (1791—1792) среди чукчей уже было четкое разделение на оседлых, занимавшихся морским промыслом, и кочевых, выпасавших многочисленные стада оленей. Оседлые, или, точнее, приморские чукчи, по типу

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949, с. 357—378.

² Г. А. Сарычев. Путешествие капитана Биллингса через Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижне-Колымского острова. СПб, 1814, с. 67—68.

хозяйства, образу жизни мало чем отличались от эскимосов, в культуре чукотского морского промысла было много эскимосских заимствований. Однако приморские и кочевые чукчи составляли единое племя, единый язык и называли себя как те, так и другие словом «лыгыравэтылат» — «настоящие люди». Поселения приморских чукчей перемешались с эскимосскими. Смешанное расселение приморских чукчей и эскимосов на Чукотском полуострове, сходный образ жизни и тип хозяйства еще долго вносили неясность в термин «сидячие чукчи», и часто под этим словом имелись в виду и приморские чукчи и эскимосы, а некоторые исследователи давали им совершенно иные названия. Так, например, Федор Литке, совершая в 1828 году плавание от залива Лаврентия до Камчатки, не выделяет приморских чукчей и называет их коряжским словом «номоло» (правильно — «нымылг'ын».— В. Л.)¹, а американских эскимосов — «энкаритауле»² («йыкыргавылыт» — буквально «дыряворотые».— В. Л.), — так называли чукчи эскимосов за обычай прорезать щеки или губы и вставлять украшения из кости или камня — лабретки. Ф. П. Врангель называл эскимосов чукотским словом «онкилон»³ («ан'к'альын» — «приморский», «береговой».— В. Л.). И лишь в конце XVIII — начале XIX веков в литературе закрепляется слово «эскимосы» от индейского «эскимо», что означает «сыроед», «поедающий сырое мясо, рыбу»⁴, а среди чукчей было установлено четкое деление их на приморских — «ан'к'альит» и кочевых — «чавчыват».

Проблема происхождения народов Северо-Востока продолжала волновать ученых: географов, историков, этнографов и филологов.

К середине XIX века были собраны большие материалы по языкам этих народов. В языковом отношении они не могли быть

¹ Ф. П. Литке. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин», 1826—1829. М., ОГИЗ, 1948, с. 219.

² Ф. П. Литке. Указ. соч., с. 225.

³ Ф. П. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. М., 1948, с. 310—311.

⁴ Г. А. Меновщиков. Эскимосы. Магадан, 1959, с. 16.

отнесены ни к тунгусо-маньчжурам, ни к финно-уграм и самоедам. В то же время и между этими племенами не было языкового единства. Исходя из исторических сведений и географического расселения, Л. И. Шренк дает довольно логичную и стройную картину отдаленного прошлого севера Сибири и создает «палеоазиатскую» гипотезу. Согласно этой гипотезе, эскимосы, алеуты, чукчи, коряки, ительмены, юкагиры, чуванцы и кеты, жившие в Западной Сибири, являются лишь остатками древнейшего населения Азии — палеоазиатами, предки которых были оттеснены на Крайний Северо-Восток движением с юга тунгусо-маньчжуров и тюрков¹.

Так возникла и вошла в научную литературу «палеоазиатская» гипотеза Л. И. Шренка, а вместе с ней и термин «палеоазиаты», сохраняющийся до настоящего времени.

Дальнейшее изучение языков этих племен позволило выделить более мелкие родственные группы: 1) эскимосско-алеутская (эскимосы и алеуты); 2) чукотская (чукчи, коряки и ительмены); 3) юкагирская (юкагиры и чуванцы); 4) нивхская (нивхи) и 5) кетская (собственно кеты, котты, арины, ассаны).

Генетическим родством эти группы языков не связаны между собой, а юкагирский и нивхский языки генетически изолированы, но термин «палеоазиаты» условно сохраняется в литературе и под ним понимается пять языковых групп².

Казалось, были ликвидированы все этнографические белые пятна на Крайнем Северо-Востоке, определены и классифицированы все племена по языкам, материальной и духовной культуре. Но вот в конце XIX века в географической и исторической литературе появляется сначала название «чукмари», а потом — «кереки».

Кто же такие кереки? Каким генетическим родством связаны они с племенами Северо-Востока? Каково их происхождение?..

¹ И. С. Вдовин, Н. М. Терещенко. Очерки истории изучения палеоазиатских и самодийских языков. Л., 1959, с. 3.

² И. С. Вдовин, Н. М. Терещенко. Указ. соч., с. 4.

Как свидетельствует история освоения Чукотки и Камчатки, русские землепроходцы продвигались двумя основными путями: на Камчатку — из Анадырской крепости бассейном реки Пенжинь, на Чукотку — рекой Анадырь, затем по берегу моря на север. Вследствие этого «земля кереков» оказалась в стороне. До начала XX века побережье Берингова моря от Анадырского лимана до мыса Олюторский, где, как предполагают ученые-историки, в XVII веке жили кереки¹, для этнографов и археологов оставалось неисследованным, а в географическом отношении береговая линия от мыса Наварина до поселения Хатырка была нанесена на карте пунктирной чертой. Известный этнограф и лингвист Владимир Иванович Иохельсон в своей монографии «Коряки» писал, что «...перед посещением Джезуповской² экспедиции ни один белый человек не проникал во внутрь керековской территории».

В. И. Иохельсон не совсем прав. Так, в 1728 году к южному мысу Анадырского залива подходил Витус Беринг. Этот мыс был им назван мысом Святого Фаддея. В 1777 году для сбора ясака побывал в районе мыса Олюторского капитанармус Иван Анкудинов. Он составил подробную записку, привел интересные этнографические сведения. «Оная записка означает, — писал Т. И. Шмалев, — что на Хатырке неплатежных коряк множество и живут в земляных юртах в трех жилах, четвертое от Хатырки во отдаленности к Анадырскому устью; пропитание имеют морскими зверми, птицею и рыбою, також собираемыми кореньем и ягодами»³.

¹ Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. Приложение: Карта расселения народов Сибири в XVII веке. М., 1960, с. 557.

² Эта экспедиция была организована в начале 1900 года на средства миллионера Джезупа. Руководил ею известный американский антрополог Франц Боас. Для участия в этой экспедиции были приглашены русские этнографы В. Г. Богораз и В. И. Иохельсон, которые собрали богатейший этнографический и языковой материал о народах Камчатки и Чукотки. Их монографии были изданы в Америке.

³ М. О. Косвен. Из истории этнографии коряков в XVIII в. — «Сибирский этнографический сборник», IV. М., 1962, с. 286.

В этих же документах указывается, что в устье реки Хатырка побывали два купеческих судна.

В сентябре 1828 года вошел в губу Святого Гавриила Федор Литке на военном шлюпе «Сенявин». Губу он назвал именем корабля Витуса Беринга, а высокий, приметный мыс, за которым берег круто загибался к норд-весту, — мысом Наварин «в честь достопамятной победы», высокую коническую гору на этом мысе — горой Гейден, по имени «достойного нашего адмирала, в этом сражении российским флотом командовавшего»¹.

По преданиям кереков, в губе Святого Гавриила было большое поселение, но неблагоприятные ветры не дали возможности Федору Литке задержаться здесь, и он вынужден был отойти к мысу Олюторскому и вернуться на Камчатку. Вполне возможно, что с корабля «Сенявин» мореплаватели могли и не заметить керекских жилищ на берегу, так как еще живы были воспоминания о жестоких межплеменных войнах и керекки старались ставить свои жилища в укрытых местах.

В 1885 году владивостокский купец Миндрольм сваряжает китобойную шхуну «Сибирь», «снабжает ее товарами для опыта торговли с инородцами Севера и отправляет ее с инструкцией обойти все побережье Камчатки и, если бы оказалось возможным, дойти до мыса Сердце Камень в Ледовитом океане»². Шхунной командовал смелый и решительный шкипер Фридольф Гек, который описал побережье Берингова моря от мыса Дранкинского до самого Анадыря протяженностью более чем 350 миль.

По распоряжению Приамурского генерал-губернатора на этой же шхуне был отправлен чиновник А. А. Ресин, в задачу которого входило дать точное описание расселения инородцев. Шхуна «Сибирь» побывала в бухтах Анастасия, Дежнева, лагуне Опука, на Туманской, в Анадырском лимане и прошла дальше на север. Ресин приводит интересные данные о народах Северо-Востока.

¹ Ф. П. Литке. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин», 1826—1829. М., ОГИЗ, 1948, с. 217.

² А. А. Ресин. Очерк инородцев русского побережья Тихого океана. СПб, 1888, с. 2.

«Главную часть населения составляют коряки, смежные с Камчаткой, и чукчи на Чукотском полуострове и к северу от р. Анадырь, — писал А. А. Ресин. — Между ними (по Апукинскому и Туменскому берегу) живет народ, сродный по языку как тем, так и другим, вероятно, происшедший от браков между коряками и чукчами и известный в общежитии под именем чукмари»¹. Название «чукмари» происходит от распространенного на Камчатке названия чукоч «чухмарье»².

В конце XIX века в документах и литературе появляется термин «керекки». Вводит его в научный оборот Н. Л. Гондатти, управляющий Анадырской округой, который побывал на «земле кереков» и собрал небольшую коллекцию материальных предметов быта, охоты и искусства. Что означает это слово, пока невозможно объяснить, но, видимо, оно заимствовано от чукчей, которые так называли этих загадочных людей. «К числу народностей, — писал Н. Л. Гондатти, — населяющих Анадырский край, относится и народ керекит. Язык этого народа непонятен ни чукчам, ни ламутам, ни даже корякам. Чукчи отделяют керекит от коряков, признавая их совершенно отдельным народом»³.

В 1900—1901 годах по «земле кереков» проехал известный этнограф и большой специалист по палеоазиатам Владимир Германович Богораз. Он отметил, что в происхождении кереков большую роль сыграли эскимосы, однако «в действительности (керекки. — В. Л.) представляют собой наиболее примитивные отпрыски коряцкого и чукотского племени»⁴. Но этот вывод В. Г. Богораз не подтверждает никакими документальными материалами.

В 1937 году более подробное обследование кереков производит Н. Б. Шнакенбург. На основе собранных материалов он приходит к выводу, что «тип хозяйства, материальный быт и язык свидетельствуют о принадлежности «керэков» к приморским ны-

¹ А. А. Ресин. Указ. соч., с. 36.

² В. Г. Богораз. Чукчи, ч. 1. Л., 1934, с. 3.

³ Н. Л. Гондатти. Анадырские очерки. Хабаровск, 1897, с. 217.

⁴ В. Г. Богораз. Чукчи, ч. 1. Л., 1934, с. 3.

мылахан-корякам. Нет никаких оснований выделять «кэрэков» как самостоятельную народность»¹.

Но Н. Б. Шнакенбург ограничился исследованием южной группы кереков, живших на территории Корякского национального округа в бухте Анастасия и на озере Мимыльгыттын (Нерпичье озеро), которые испытали большое влияние со стороны коряков апукинцев и алюторцев. В то время как несколько изолированная и лучше сохранившая черты материальной культуры мейнышьильгинская группа кереков осталась им совершенно неисследованной.

В 1957 году в окружном центре Чукотского национального округа в поселке Анадырь встретился с кереком Нутавой ведущий специалист по чукотско-камчатским языкам, ныне доктор филологических наук Петр Яковлевич Скорик. Побеседовав с Нутавой, который хорошо помнил свой родной язык, Скорик заинтересовался керекским языком, записал фольклорные тексты, грамматические примеры по фонетике, морфологии и синтаксису. После он дополнил материалы по керекскому языку, обобщил их и, сравнивая с другими языками, пришел к выводу, что керекский язык является самостоятельным языком, в котором отмечается значительное влияние чукотского и корякского языков и выявляются элементы эскимосского языка². Изучение керекского языка продолжается, и это поможет разрешить проблему происхождения кереков.

В декабре 1969 года я был направлен в Беринговский район Чукотского национального округа уполномоченным по проведению Всесоюзной переписи населения. Этот район был выбран не случайно: в задачу входило установить точную численность

¹ Н. Б. Шнакенбург. Нымыланы — кэрэки. — «Советский Север», 1939, № 3, с. 103.

² П. Я. Скорик. К вопросу о классификации чукотско-камчатских языков. — «Вопросы языкознания», 1958, № 1; К вопросу о сравнительном изучении чукотско-камчатских языков. — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1958, т. XVII, вып. 6; Чукотско-камчатские языки. — В кн.: Младопшшменные языки народов СССР. М. — Л., 1959; Керекский язык. — В кн.: Языки народов СССР. Т. 5. Л., 1968, и др.

кереков, хотя официально такие маленькие народности, как кереки, не учитывались и входили в графу «прочие национальности».

Первое знакомство с кереками в поселке Мейнышьильгино Беринговского района вызвало у меня живой интерес: отличный от других народностей Чукотки физический тип, плавный и звучный язык, своеобразие фольклора, при обработке которого выявились интересные этнографические особенности кереков в образе жизни, обычаях, занятиях, жилищах, космогонических представлениях и т. д.

Восстановить сейчас этническую историю кереков представляет большие трудности. И первая трудность заключается в том, что кереков, знающих свой родной язык, древние обычаи, традиции, осталось не более двух десятков человек. «Прежде, — писал Н. Л. Гондатти, — это племя было многочисленно, но от частых голодовок некоторые поселки совершенно вымерли»¹.

«Если бы не Советская власть, — сказал мне в 1971 году старший керек Михаил Иванович Етынкеу, — то ты сейчас не разговаривал бы со мной — мы все умерли бы с голоду». Действительно, к приходу Советской власти духовные и физические силы керекской народности были подорваны, и через десяток лет она исчезла бы бесследно.

Между тем изучение проблемы происхождения кереков может внести ясность в процесс формирования народов Северо-Востока, разрешить загадку побережья Берингова моря. Возможно, кереки — это и есть представители самой древней народности, населяющей Крайний Северо-Восток нашей страны.

С 1970 года Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт Дальневосточного научного центра АН СССР начал вести плановые исследования по керекской проблеме. В связи с этим мне удалось несколько раз побывать у кереков. Был собран большой фактический материал: записаны

¹ Н. Л. Гондатти. Анадырские очерки. Хабаровск, 1897, с. 178.

керекские сказки, получены сведения от чукчей и коряков; в Москве, Ленинграде и Магадане выявлены литературные и архивные источники, в которых имелись данные о керекках и тех местах, где они обитали; изучены коллекции Ленинградского отделения Института этнографии СССР, среди которых были и керекские, переданные в свое время Н. Л. Гондатти в музей. В результате трехлетней исследовательской работы накопился солидный материал. Но для окончательного разрешения керекской проблемы не хватало самого главного: предметов быта, искусства, орудий охоты, по которым можно было бы выявить типичные черты керекской культуры.

С этой целью в 1972, 1973, 1975 годах было намечено провести исследования на побережье Берингова моря от Анадырского лимана до поселка Хатырка. Полученные сведения подтвердили, что именно на этом участке побережья и располагались древние и более поздние керекские поселения, а центром всей керекской жизни был Наваринский «полуостров». Ставилась задача: выявить все древние и более поздние поселения на этом участке побережья, собрать подъемный археологический материал и все сведения от коренных жителей об исследуемых местах и стоянках.

Первая экспедиция была совершена летом 1972 года с художником Виктором Кошелевым, вторая — летом 1973 года с сотрудником нашего института, опытным тундровиком Эдуардом Гунченко, и третья — летом 1975 года с аспирантом-археологом Александром Ореховым.

В настоящих очерках мы делаем попытку не только описать поиски этнографа, его удачи и промахи, но и современную Чукотку, ее природу, животный мир и, самое главное, рассказать о встречах с интересными людьми, населяющими этот суровый и труднодоступный уголок земли.

1. ЗЕМЛЯ РЕКА

Анадырский лиман

Еще в начале пятидесятых годов мне приходилось пересекать Анадырский лиман на вертком каюке, ходить на нем в устья рек Волчихи и Таваймы, бывать на Толстом мысу у речки Черной. И позднее, работая матросом на катерах с такими опытными старшинами, как Василий Добродеев, Иван Желнов, я избородил лиман вдоль и поперек, подымался вверх по реке Анадырь, выходил в море, бывал на Туманской, на Русской Кошке. Но подлинно узнать море и его капризы помогли мне морские охотники чукчи и эскимосы, с которыми я не раз промышлял моржей и китов в проливе Беринга.

Опыт морских путешествий, казалось, накопился солидный, и я был уверен в своих силах и мореходных познаниях.

Чтобы можно было заглянуть в любой уголок побережья, где жили кереки, обследовать лагуну, ее горловину, пройти по мелководной реке вверх, мы выбрали не катер, не вельбот и не байдару, за которой нужен очень тщательный уход, а дюралевую туристско-прогулочную мотолодку марки «Прогресс» с мотором «Вихрь». Она устойчива, быстроходна, мелко сидит в воде и надежна, а мотор «Вихрь» достаточно быстро гонит лодку.

Как мы ни спешили скорее выйти в море, но наша лодка с оборудованием была доставлена самолетом из Магадана только в начале августа. Наконец-то 14 августа 1972 года все формальные и хозяйственные дела были улажены, и мы с напарником художником Виктором Кошелевым отчалили от Второй бухточки города Анадыря, прошли устье Казачки, миновали причалы морского порта и взяли курс на мыс Дионисий.

Погода словно приветствовала наш выход. Ровная, спокойная гладь лимана, яркое ослепительное солнце. Было не «по-чукотски» жарко. Виктор, оставшись в одной тельняшке, достал здоровенную «амбарную» книгу, предназначенную для судового журнала, и сделал первую запись: «14 августа... 12 часов 07 минут (по моим). Тьфу-тьфу!.. Наконец-то поехали...»

Но погода не умиротворяла нас. Я знал, как коварен Анадырский лиман, страшно коварен.

Южная его часть мелководна, берега низменные и илистые. Северными ветрами загоняет сюда всякие отбросы, которые выносит река Анадырь в лиман. Отбросы скапливаются, нагромождаются, всасываются в ил и гниют. Не зря эту часть лимана называют Гнилой Угол. Если уж попадешь сюда на какой-нибудь плавучке, то не сразу выберешься. В отлив, чтобы выйти на сухое местечко на берегу, надо шлепать пешком по вязкой, чавкающей грязи, придерживая сапоги за голенища, километра два, в прилив же — петлять на лодке и тыкаться в отмели, выискивая фарватер какой-нибудь речушки, впадающей в лиман.

Северная сторона лимана глубокая, берег галечниковый, сухой и чистый. Через каждые десять-пятнадцать километров в воды лимана врезаются низкие косы. Одна называется мыс Заселения, другая — Саломатова, третья — мыс Николая, затем мыс Василия и завершается берег лимана мысом Русская Кошка. Уже одни эти на-

звания свидетельствуют о том, что со времен первых русских землепроходцев и до наших дней основной путь на Чукотку проходил у этого берега. И действительно, фарватер прижимается к северному берегу. Этим путем и идет суда к столице Чукотки — городу Анадырь.

Старый морской волк капитан Анадырского морского порта В. Ф. Сотников советовал нам идти к Земле Гека северным берегом, а потом пересечь лиман у Русской Кошки. Совет опытного моряка был вполне разумным, но все же пересекать лиман от Русской Кошки к Земле Гека мы не решились. Лучше уж в случае нужды пройти два-три километра по вязкой грязи Гнилого Угла, чем попасть в хаотическую толчею волн на фарватере и быть вынесенным сильным отливным течением в море.

Наш «Прогресс» полз, как утюг, буравя тупым носом воду. Новый двадцатисильный мотор «Вихрь» проходил еще обкатку и работал не в полную мощность. Да и лодка была загружена порядочно: 160 литров бензина, шестиместная палатка, тент, спальные мешки, надувные матрацы, двухместная резиновая лодка, продукты и другие необходимые вещи. К тому же лиман хотя и был на этот раз приветливым, но своим сильным встречным течением не хотел выпускать нас в море. Мы все же не унывали и уверенно продвигались вперед.

В 13 часов 22 минуты прошли восточный склон горы Дионисия, который и образует одноименный мыс. Вблизи он кажется высоким и обрывистым, издали же малоприметен и сливается с береговыми обрывами. От мыса Дионисия повернули к Земле Гека.

Земля Гека и Русская Кошка — косы, напоминающие чуть приоткрытые ворота, которые как бы оберегают вход в Анадырский лиман. И если бы не мощное течение реки, то ворота захлопнулись бы, закрыв доступ к сердцу Чукотки. Косы низки, и их не видно издали, лишь в сумерках они начинают перемигиваться между собой мая-

42622

ками, показывая судам узкое горло лимана. На этот раз видимость была хорошей, но перед нами простиралась безбрежная гладь моря и где-то за горизонтом скрывалась Земля Гека. Пришлось замерить азимут и взять курс по компасу.

Справа по борту чуть виднелась низкая полоска — берег Гнилого Угла, позади возвышалась над тундрой двумя покатыми вершинами гора Дионисия, а там, за ней, едва просматривался в дымке город. И чем дальше мы уходили от берега, тем ниже и ниже становилась полоска земли. Наконец она исчезла, и гора Дионисия как бы повисла в воздухе. Издали она чем-то напоминала лежащего богатыря с огромным животом, широкой грудью. И мне невольно пришло на память предание, рассказанное жителем села Канчалан Петром Тымнеквыным¹.

ПРЕДАНИЕ О ГОРЕ ДИОНИСИЯ

Когда-то, давно-давно, жил с матерью недалеко от моря силач по имени Тэмыль — Надломленная Игла. Он был таким сильным, что одним щелчком разрушал горы, переставлял вершины, валил леса. Но от его силы страшно страдали люди: он издевался над ними, жестоко избивал, отбирал все, что они с таким трудом добывали на охоте.

Однако все чаще стал задумываться Тэмыль: «А вдруг люди смогут украсть мою силу, которая хранится в звезде², висящей над льдами моря, и я стану слабым и хилым?»

¹ Предание записано методистом окружного Дома народного творчества М. К. Такакавой.

² «Хранить силу в звезде» — этот элемент, видимо, заимствован из русского фольклора. (Прим. авт.).

А в это время в стойбище Вээн¹ родился мальчик. И дали ему имя Вэльвылевыт — Воронья Голова. Он рос так быстро, что уже в восемь лет мог нести на себе восемь бурых медведей и восемь белых.

Однажды мать говорит Тэмылю:

— У нас кончается жир, скоро светильники погаснут.

Тэмыль стал собираться на охоту в море, чтобы добыть нерп, а матери сказал:

— Следи за звездой над морем, чтобы она не упала. Появился человек сильнее меня. Он пока еще маленький, и зовут его Вэльвылевыт.

Вэльвылевыт, хотя и жил в тундре, но тоже промышлял морских зверей. Охотился он и на этот раз. Вот и встретились Тэмыль и Вэльвылевыт.

— Оо, пришел человек! Кто ты и откуда?! — спрашивает его Тэмыль.

Вэльвылевыт очень испугался, увидев Тэмыля, — таким большим тот был, что и с горой не сравнишь.

— Вэльвылевыт я из Вээна, — ответил мальчик. — А ты кто?

Тэмыль, услышав имя Вэльвылевыт, даже вскрикнул от испуга, но, поборов страх, стал думать, как бы расправиться с этим маленьким человеком.

— Давай поиграем и узнаем, кто из нас ловчее — ты или я? — предложил Тэмыль.

— Давай, — согласился Вэльвылевыт. — Только как будем играть?

— Да вот так! — сказал силач Тэмыль и начал дуть на море.

Поднялся такой сильный ветер, что разбушевалось море, разломало лед. Лыдины громоздились одна на другую, а некоторые даже высоко в небо взлетали. А Тэмыль все

¹ Вээн — буквально «зев», так северные чукчи называют место, где стоит город Анадырь.

дует и уже стал поворачиваться в сторону Вэльвылевыта — хочет сдуть его в море.

Вэльвылевыт догадался, быстро влез в голенища торбасов Тэмыля и ждет, когда тот кончит дуть.

— Эй, Вэльвылевыт, где ты?! — закричал Тэмыль. Подождал — никто не отвечает. — Утонул Вэльвылевыт. Я опять самый сильный человек на земле! — обрадовался он.

— Да вот я! Не сдул ты меня в море!

Испугался Тэмыль, услышав голос Вэльвылевыта, задрожал от страха.

— Теперь я начну! — крикнул Вэльвылевыт. Вылез он из торбасов Тэмыля и начал дуть.

Поднялся ветер, забурило море, лед раскрошило, огромные льдины вверх полетели. Повернулся быстро Вэльвылевыт к Тэмылю и дунул на него изо всех сил. Снесло силача в воду, но не утонул он. Ведь выше гор был Тэмыль, и море ему едва до колен доставало.

— Ну, хватит играть. Все равно ты не победишь меня — высоко таится моя сила, — сказал Тэмыль. — Через десять лет снова встретимся. И тот, кто победит в состязаниях, тот и будет хозяином всей чукотской земли!

И разошлись они в разные стороны.

Десять лет упражнялся Вэльвылевыт. Горы с одного места на другое переставлял. Большая была гора Кончан, обломил он ее вершину и перенес в Вьэн, там поставил. И сейчас есть в Вьэне вершины и скалы, перенесенные Вэльвылевытом. А гора Кончан по-прежнему возвышается у входа в Канчаланский лиман, только ее вершина буд-то чем-то срезана.

Окреп и возмужал Вэльвылевыт так, что кухлянка и штаны на нем лопались, когда он садился.

А Тэмыль все это время только и думал о том, как бы побольше насытиться. Утром он съедал десять моржей и десять нерп и даже не варил их. Вечером же с жадностью поглощал пятьдесят нерп и двадцать восемь оленей. Он

считал, что только еда прибавит ему силы, и совсем не тренировал себя. Тэмыль рассуждал: «У меня есть звезда, в ней хранится моя сила. И я стал таким толстым, что Вэльвылевыт не победит меня».

Прошло десять лет. И вот встретились Тэмыль и Вэльвылевыт.

— Оо, пришел Вэльвылевыт! Ну-ка скажи: «Кух-кух! Мои глазки, как у мышки», — начал надсмехаться над Вэльвылевытом Тэмыль, сравнивая его с мышью.

— Да, пришел! А ты, Тэмыль, так растолстел, что живот ремнем придерживаешь! — ответил Вэльвылевыт.

Ох и рассердился Тэмыль, задрожал от гнева.

Услышали тундровые люди, как загудела земля — это два силача чукотской земли борются начали.

Долго боролись. В тундре уже тепло стало — весна давно наступила. Снег на сопках растаял. Птицы везде летают. А бороться силачи еще зимой начали. Никак одолеть друг друга не могут.

— Давай отдохнем, — вдруг сказал Тэмыль.

Решив так, силачи разошлись, пошли спать по своим ярангам.

Когда Вэльвылевыт переходил реку Анадырь, увидел мышку, она еле плыла по воде. Взял он ее и положил в шапку. Три дня проспал Вэльвылевыт в яранге — так устал. Проснулся и снова в дорогу засобирался.

— Куда ты, Вэльвылевыт?

Оглядывается Вэльвылевыт и не может понять, кто его спрашивает.

— Да это я — мышка. Вытащи меня из шапки.

Вспомнил Вэльвылевыт про мышку, достал ее из шапки и рассказал, куда он собирается.

— Теперь послушай моего совета, — сказала мышка. — Как только стемнеет, на небе покажется яркая звезда. Знай — сила Тэмыля в ней. Если достанешь звезду, то ты победишь, — сказала мышка и убежала в тундру.

Задумался Вэльвылевыт, как быть. И наконец придумал. Он сделал длинный и крепкий чаат — аркан. Вышел вечером из яранги и метнул чаат в звезду, но не достал. Тогда надвизал чаат — и снова метнул в звезду. На этот раз набросил. Подтянул Вэльвылевыт звезду и положил себе за пазуху.

Долго спал Тэмыль — только через десять дней проснулся.

— Оо, пришел Тэмыль! Чем же ты теперь подпоясался?! — засмеялся Вэльвылевыт, увидев слишком толстого Тэмыля.

А Тэмыль, оказывается, десять раз обмотал вокруг себя китовые кишки, чтобы живот не болтался и не мешал боротся.

— Посмотри, Тэмыль, что достал мой чаат, — сказал Вэльвылевыт и вытащил из-за пазухи звезду.

Вздрыгнул Тэмыль, завертелся, заметался. Ударил Вэльвылевыт камнем по звезде, и рассыпалась она. Тут и упал Тэмыль. Шапка его в море отлетела и превратилась в остров, а сам Тэмыль горой стал.

Эта гора рядом с Вэном — Анадырем стоит, и называется она Тэмлян.

Давно-давно это было. Только старые-старые люди помнят.

А русские потом назвали Тэмлян горой Дионисия.

Все...

Есть еще и другое объяснение названию горы Тэмлян. Об этом рассказал мне уроженец Земли Гека Василий Александрович Этлену.

Пошли раз женщины за ягодами и корешками к горе. И вдруг одна из них нашла красивую иглу из моржовой кости. Заспорили женщины. Всем хотелось иметь эту иглу. Стали они отбирать ее друг у друга и сломали. С тех пор и называют эту гору Тэмлян — Сломанная Игла.

А про остров Алюмка, который стоит, как скала, напротив мыса Заселения, говорят, что это часть обоза с награбленным добром.

Как-то давно-давно возвращались с богатой добычей чукчи с Телькепской тундры. Шли они через лиман большим оленьим обозом — муульын. Но тут их стали враги наступать. Погнали быстрей оленей чукчи. Уже вот-вот на берегу будут, как вдруг оборвалась часть обоза и превратилась в остров. По-чукотски он называется «Пэрэчээн» — взятое отрезано.

Много преданий и легенд бытует на Чукотке. И все они не просто плод пустой фантазии. Созданию каждого из них послужил, вероятно, какой-то повод в реальной жизни. Так, предания о Тэмыле-силаче и острове Алюмка, пожалуй, относятся к тем временам, когда чукчи-оленьеводы стали продвигаться на юг, то есть примерно к началу XVIII века. В основу рассказа о костяной игле, возможно, тоже положен действительный случай.

Пока я вспоминал предания, мой напарник Виктор Кошелев, выставив вперед свою бороду как русский землепроходец, уверенно вел «Прогресс». Его лицо и вся осанка выражали глубокое удовлетворение. Виктор давно просился со мной в экспедицию, и вот в этом году наконец осуществилась его мечта. Ему страстно хотелось попутешествовать по Чукотке, увидеть и познакомиться с жизнью и бытом чукчей. Виктор художник. И тема его творчества — современная Чукотка, ее замечательные люди.

На пути нам встретился небольшой плотик, унесенный, наверно, приливом с какой-нибудь рыбалки. По древнему обычаю любая вещь должна иметь свое назначение. И вот, будто зная об этом, три пестрые нерпы облюбовали этот плотик (не болтаться же ему без дела на воде), расположились на нем, греясь на солнышке. Шкурка на нерпах обсохла и приятно серебрилась. От удовольствия

они часто переворачивались на плотике, отчего его сильно раскачивало, и подставляли теплым лучам то бок, то брюшко. Ничто не нарушало покоя разнежившихся нерпочек. Но приближающийся гул нашего мотора спугнул их, и они неохотно сползли в воду и еще несколько раз выныривали из воды и, казалось, с укоризной смотрели нам вслед.

На воде появилась рябь, и через некоторое время задул свежий встречный ветер. «Прогресс» вздрагивал на мелких волнах, в лодку полетели брызги. Пришлось натянуть тент. И снова стало сухо и тепло. Впереди показался низкий холмистый берег. Слева он сходил на нет — там начиналась Земля Гека, которую еще не было видно, справа холмы прерывались, образуя широкое устье реки Автаткууль. На этом слегка возвышенном берегу могли быть следы древних поселений, поэтому, приняв штурвал от Виктора, я направил «Прогресс» в устье реки. Минут через сорок мы ткнулись в песчаную косу.

Река Автаткууль (правильно по-чукотски Агтаткооль) означает «перегонная река» («агтат-ык» — гнать, перегопять; «куул/коол» — ручей, река, протекающие в большом углублении). Название, возможно, появилось во времена, когда чукчи-оленеводы осваивали эту часть побережья. Через реку Автаткууль, в среднем ее течении, шел путь к богатым летним пастбищам в долинах рек Ныгчеквээм и Туманская. Впадает Автаткууль в южную часть лимана, в 20 километрах от мыса Гека. Устье реки широкое, просторное, с глубоким фарватером, по которому в нее могут входить небольшие катера и шлюпки. Течение слабое. Берега низкие, илистые и болотистые. Километрах в пятнадцати от устья на маленьком островке залегают большими группами нерпы.

Совершив пеший маршрут по косе и холмам вдоль берега, мы не обнаружили следов старых стоянок ни оседлых жителей, ни оленеводов и лишь вспугнули своим

посещением несметные стаи гусей. Они с гогом поднялись в воздух и направились в глубь тундры. На подходе к лодке на нас выскочил щенок-песец, видимо, промышлявший гусей. Заливисто твякнув, он вытянул хвост и скрылся за поворотом косы.

Мы решили здесь переночевать, а утром двинуться дальше.

Жилища Нигрина

Рано утром мы ступили на Землю Гека. Побродили среди развалин старого, когда-то многолюдного поселения Нигринутэтэги. Остатки его лежат у зеленых бугров на узкой косе, которая отделяет лиман от Анадырского залива. От землянок сохранились лишь стойки — обрушившиеся стены из дерна. Постепенно они затягиваются слоем песка и гумуса и превращаются в то, что через столетие археологи назовут «культурным слоем».

Мы молча обходим поселение. Остановившись у одного небольшого котлована, уже обильно проросшего травой. В 30-х годах здесь была школа. В ней начинал обучаться грамоте будущий чукотский поэт Виктор Кеулькут. Из дверей школы и окон он смотрел в просторную даль тундры, на цепи синееющих гор, в безбрежное пространство моря. Здесь и на Туманской, где он родился, видимо, и проснулась в нем любовь к чукотской природе, которую он позже воспел в своих стихах. В этой же школе учился мой друг и однокурсник по Ленинграду чукча Николай Гиутегин, впоследствии партийный работник. Здесь, на этом маленьком клочке земли, зарождалась новая чукотская культура. Многие выходцы из этого селения сейчас трудятся и живут в городе Анадыре и в благоустроенном селе Алькатваам.

Вскоре мы двинулись дальше и минут через двадцать были у мыса Гека.

В Анадыре нам сказали, что Земля Гека необитаема. Каково же было наше удивление, когда мы встретили здесь людей. Это были рыбаки из совхоза «Коммунист» Беринговского района и участники двух гидрографических экспедиций. Правда, они не постоянные жители, а сезонные. Зимой Земля Гека действительно необитаема. Но рыбаки здесь нисколько не чувствуют себя оторванными от Большой земли. Два раза в сутки они выходят на связь с совхозом, их хорошо обеспечивают свежими продуктами, одеждой, в их распоряжении моторные лодки.

Коса Земли Гека на двенадцать с лишним километров тянется на северо-запад. Она низкая, и наиболее высокие места ее покрыты тундровой растительностью; в южной ее части, называемой Нигринутэтэгын — конец земли Нигрина, разбросано несколько небольших озер. Северная оконечность Земли Гека является юго-западным входным мысом в Анадырский лиман и называется мыс Гека, по чукотски — Нигрин. От мыса Гека в юго-западном направлении тянется песчано-галечный остров Айванк'ытрын — «южная, заветренная коса». На старых картах этот остров отмечен как коса, сейчас же он разделен небольшим проливом, в котором мы нашли удобную безопасную стоянку для лодки. Видимо, коса подвергается небольшим естественным изменениям, связанным с постоянно меняющимися приливными и отливными течениями.

В прошлом и до недавнего времени Земля Гека была оживленным местом, здесь находилось большое поселение.

На всем протяжении косы обнаруживаются следы древних землянок. Они представляют собой высокие холмообразные бугры с углублением — западом посередине. Больше всего землянок находится в одном-двух километрах от мыса Гека и у основания косы в местечке Нигри-

нутэтэгын. Все участки поселений поросли густой травой.

Жилища были расположены группами — по пять-восемь и более. Одни из них стояли в ряд, другие — полукругом в виде подковы. В некоторых группах жилищ более крупные землянки находились в центре и соединялись малыми ходами. Основная часть жилищ овальной, почти круглой формы, но встречаются и квадратные. Все они имели выходы в юго-западную сторону, то есть в сторону понижения косы, которая выше у берега моря и сходит почти на нет у лимана. Во многих землянках у выходов и стен небольшие ответвления. Видимо, это были кладовые для запасов пищи и различных хозяйственных предметов.

Планировка и система расположения землянок очень своеобразна и отличается от системы старых поселений приморских чукчей и азиатских эскимосов.

Как правило, типичным признаком старых поселений приморских чукчей и азиатских эскимосов были остатки торчащих китовых челюстей, которые служили подставками для байдар и летнего имущества, а также большие мясные ямы — «увэрат» с выходом и крышкой из китовой лопатки, обилие китовых костей, часть которых использовалась для строительства жилищ и мясных ям. Отсутствие костей китов в конструкциях жилищ Земли Гека, возможно, объясняется спецификой хозяйственного уклада ее обитателей. Видимо, китобойный промысел у жителей Земли Гека не был развит и предметом добычи были главным образом моржи, тюлени, рыба. Основным строительным материалом служил плавник, которого на косе в изобилии, и дерн.

Какому же народу могли принадлежать жилища на Земле Гека?

Конкретно ответить на этот вопрос пока трудно, нужны еще дополнительные серьезные исследования. Но уже сейчас можно отметить своеобразную конструкцию жи-

лиц на Земле Гека, отличную от чукотских землянок «к'легран» и «валк'ыран», эскимосских — «нынлю» и корякских — с раструбом-выходом наверху. О том, что жилища на Земле Гека имели прямой вход с небольшим наклоном вниз, свидетельствует сама планировка землянки и ширина входа, позволяющая свободно пройти человеку. Раструба, видимо, не было, так как при разведывательном раскопе обнаружено незначительное количество дерева. При обрушении кровли жилища с раструбом должен был бы, на наш взгляд, отложиться слой в следующем порядке: растительный покров, слой песка, который мог быть нанесен в течение длительного времени, остатки раструба в виде многочисленных балок, затем слой дерна с песком и снова — деревянные перекладки, а после пол землянки. В землянках же Земли Гека сразу после растительного покрова и слоя песка обнаруживаются деревянные перекрытия, обгоревшие снизу камни очага и пол жилища, засыпанный галькой.

Из рассказов Афанасия Васильевича Кутынкеу, уроженца Земли Гека, выяснилось, что людей, которые жили в древних землянках, называли описательно: «нутэск'ычыку вальты» — «в земле находящиеся». Название племени «керекит» современные жители Земли Гека не слышали. В тридцати метрах от маяка на север расположена группа жилищ. Как утверждают Кутынкеу и чукчанка Гетуваль, здесь, на этом месте, и жил некий Нигрин, глава общины древних обитателей.

Во второй половине XVII века коренные обитатели Земли Гека были оттеснены на юг русскими землепроходцами, занимавшимися промыслом моржовой кости. Долгое время коса была необитаема, и лишь в XIX веке сюда переселились энмеленские приморские чукчи и основали поселение в местечке Нигринутэтэгын. Они занимались рыболовством, промыслили нерпу, моржа, охотились на песцов, вели оседлый образ жизни.

В 1929 году мыс Гека был сдан в концессию японцам, которые пробыли здесь три года. В 1930 году организовывается простейшее товарищество по совместному лову рыбы и промыслу и рыббаза Акционерного Камчатского общества (АКО). С уходом японцев рыббаза перешла на мыс Гека, а товарищество — на Туманскую. В 50-е годы оно реорганизуется в колхоз и объединяется с колхозом «Коммунист» Беринговского района. Небольшая часть жителей Земли Гека переселилась в Анадырь.

Сейчас у мыса Гека сохранились еще дома первой рыббазы АКО. Но они только летом заселяются рыбаками из совхоза «Коммунист». В местечке Нигринутэтэгын остались лишь стойки чукотских землянок-избушек — обрушившиеся стены, сложенные из дерна. Последний житель покинул это место в 1958 году.

По следам Семена Дежнева

Известно, что после того, как Семен Иванович Дежнев основал в 1649 году зимовье в верховьях реки Анадырь, чуть выше современного поселка Марково, он совершил несколько промысловых походов за моржовой костью в устье реки Анадырь.

«Да прошлого ж 162-го году (1654 г.— В. Л.) на корге ходили мы в поход на коряцких людей, что оне от той корги живут недалеко, и на корху под нас тайно убойства для приходят, и зверя морскова моржа промышляют для корму. И мы, яз, Семейка, с товарицы, на них ходили и дошли их 14 юрт в крепком острошке...»¹ — писал в своей «отписке» в 1655 году Семен Иванович Дежнев.

¹ Подлинные документы о плавании С. И. Дежнева. — В кн.: Русские арктические экспедиции XVII—XX вв. Л., 1964, с. 139.

На какой «корге» — косе добывал моржей Семен Дежнев?

На каких «коряцких людей» ходил он в поход?

Где встретился он с этими людьми, кто эти люди: чукчи, коряки, кереки, эскимосы?..

В исторической литературе, посвященной плаванию Семена Дежнева, в одних случаях указывается, что он добывал кость и встречался с «коряками» на Русской Кошке, в других — на Земле Гека. Кстати, до 1885 года, когда было обследовано побережье Анадырского залива русскими мореплавателями, на старых картах землепроходцев и исследователей название Русская Кошка относилось то к Земле Гека, то к современной Русской Кошке. — северо-восточному входному мысу в Анадырский лиман. И лишь в конце XIX века южная коса у входа в лиман получает постоянное название в честь отважного исследователя и шкипера Фридольфа Кирилловича Гека. По-чукотски Земля Гека — Н'игрин, а Русская Кошка — Чегройн'он.

Словами «корга», «корха», «кошка» раньше называли длинные галечные косы, далеко вдающиеся в море или заливы. Таких кос много на побережье Анадырского залива, а в лимане — мыс Заселения, косы Саломатова, Николая, Русская Кошка, Земля Гека.

На какой же из них промышленники моржей первые землепроходцы?

В своей «отписке» Семен Дежнев очень точно и образно описывает моржовое лежбище и указывает его место: «...И нашли усть той Анадыри реки корга за губою вышла в море. А на той корге много вылегал морской зверь морж, и на той же корге заморный зуб зверя того. И мы, служивые и промышленные люди, того зверя промышленники и заморный зуб брали. А зверя на корге вылегал добре много на самом мысу вокруг с морскую сторону на полверсты и больше места, а в гору сажень на 30 и

на 40. А весь зверь с воды с моря на землю не вылегал; в море зверя добре много у берегу...»¹

Действительно, не все моржи залегают на суше. Большая часть стада обычно держится на плаву у берега на расстоянии одного-двух километров. Многие из них, надув воздушные мешки на шею, спят на воде. А на суше они лежат так плотно, что негде камню упасть. И лишь фраза «...а в гору сажень на 30 и на 40» заставляет морж заставить задуматься. Обычно моржи укладываются у неприступных скал и никогда не поднимаются на пологие склоны. Видимо, под словом «в гору» Семен Дежнев подразумевал расстояние от воды в глубь суши. Насколько мне знаком Анадырский лиман, галечных пляжей здесь не встречается. Правда, таковые есть у мыса Дионисий, но они очень далеко от моря и доступны к этим пляжам мелководны. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что под словом «корга» Семен Дежнев подразумевал не пляж перед скалами, а галечную косу. И упоминая в «отписке» «коргу за губою... в море», он, видимо, имел в виду не мыс Заселения или косы Саломатова и Николая, а Русскую Кошку или Землю Гека. «Губою» же он называл Анадырский лиман. От Русской Кошки и Земли Гека уже начинается чистая светлая морская вода и отмечается большая глубина. К тому же по своей биологической природе моржи не могли заходить далеко в лиман, поэтому на других косах едва ли они образовывали лежки. Не исключено, конечно, что отдельные особи заплывали по лиману до мысов Обсервации и Александра.

Расстояние между Землей Гека и Русской Кошкой восемнадцать километров. По сведениям чукчей, которые часто посещали Русскую Кошку, на ней нет следов древних поселений — «ралк'анит». И действительно, коса не-

¹ Подлинные документы о плавании С. И. Дежнева. — В кн.: Русские арктические экспедиции XVII—XX вв. Л., 1964, с. 136.

удобна для заселения человеком. Она низкая, узкая и подвержена постоянным естественным изменениям, в сильные штормы через нее перекачиваются волны. Следовательно, на Русской Кошке не могло быть поселений и во времена Семена Дежнева. Вместе с тем коса была удобным местом для залегания моржей.

На Земле Гека мы обнаружили целые группы землянок. На всем протяжении косы видны следы древних жилищ, а на острове Айванк'ытрын, как говорили коренные жители, в прошлом тоже было богатое моржовое лежбище.

В «отписке» Семена Дежнева указывается, что «оне (коряцкие люди.— В. Л.) от той корги живут недалеко...». Следовательно, там, где казаки собирали кость и добывали моржа, поселения не было. Таким местом могла быть Русская Кошка. Но, с другой стороны, там же говорится, что «на корху под нас тайно убойства для приходят, и зверя морскова моржа промышляют для корму». Невольно возникает вопрос, зачем же жителям Земли Гека надо было «тайно» промышлять моржей на Русской Кошке, если рядом с их поселением было моржовое лежбище, где они могли заготовить себе достаточно запасов на зиму? Это можно объяснить тем, что на Земле Гека рядом с моржовым лежбищем располагалось поселение и, вероятно, при определенных погодных условиях моржи могли и не выходить на лежку (при ветре, который дул со стороны поселения на лежбище и нес запах дыма и жилья, во время сильного прибоя и при других обстоятельствах). *

Из «отписки» явствует, что первопроходцы не сразу встретили аборигенов и узнали о них позже. Вполне допустимо, что жители Земли Гека тоже не каждый год промышляли моржей на Русской Кошке и выходили на нее лишь в тех случаях, когда не было моржа на Земле Гека.

«...Юрты у них большие: в одной юрте живет семей по 10-ти»,— говорится в «отписке». На Земле Гека древние землянки были большими, они глубоко уходили в землю и располагались группами, тесно примыкая друг к другу. Сверху землянки обкладывались дерном, и щели между ними засыпались песком и землей. С первого взгляда могло создаться впечатление, что это одно огромное жилище, «крепкий острошек», в котором разместилось бы десять и более семей.

Путь землепроходцев из устья реки Анадырь к Русской Кошке и Земле Гека лежал у северного берега лимана, где проходит основной фарватер. Изменится фарватер со времен Семена Дежнева не мог, потому что вся юго-западная часть лимана, так называемый Гнилой Угол, очень мелководна, а каких-либо следов на гидрографических картах, то есть углублений старого русла фарватера, нет. Установившийся путь по фарватеру в первую очередь выходил к Русской Кошке, напротив которой лежала Земля Гека.

Можно предположить, что Семен Дежнев добывал моржей на косе Русская Кошка, а встретился с аборигенами на Земле Гека. Встреча эта была немирной. И, возможно, после нее аборигены и покинули Землю Гека, отошли на юг к Туманской и мысу Барыкова.

Древние жилища — землянки, судя по обожженным, обрушившимся кровлям, обнаруженным при разведывательных раскопах, были не просто покинуты, а сожжены и разрушены, но утверждать, что это следы Семена Дежнева, пока нельзя, так как точных доказательств не имеется.

Кто же они, древние жители Земли Гека? Чукчей землепроходцы уже тогда знали хорошо, а эскимосов они называли «зубатыми людьми» за обычай носить в щечках костяные вставки.

Возможно, это керекы или коряки?..

«Камак» — жертвенное место

Мы с Кутынкеу сидим на гребне косы и пьем чай, Виктор пристроился около лодки на берегу протоки и с вдохновением что-то вырезает из дерева. Я давно собирался выбросить из лодки полутораметровый кусок хорошей березы, как лишний груз, но Виктор каждый раз уговаривал меня не делать этого. И теперь я был рад, видя, как в его руках обыкновенная чурка превращается в произведение искусства.

— Нытэминнэткин! Мастерит! — заметил мне по-чукски Кутынкеу.

— Ии, да, — ответил я. — Он художник, любит мастерить.

День у нас на этот раз был удачным. Мы тщательно обследовали несколько землянок, разобрались в структуре расположения древних жилищ, сделали интересные находки. И сейчас, прихлебывая остывший чай, я рассматривал небольшие фрагменты керамики, обнаруженные на месте землянок.

Первый, более крупный фрагмент представлял собой часть края какой-то посуды толщиной 1—1,5 сантиметра и слегка обожженной с обеих сторон. В четырех сантиметрах от края на внутренней стороне керамики сделан небольшой выступ в виде карниза, на лицевой стороне в трех сантиметрах ниже венчика — какие-то знаки, напоминающие след собачьей лапы. Возможно, эти знаки случайные, образовавшиеся во время сушки и обжига, а может быть и нет?

Второй фрагмент керамики меньшего размера. Часть венчика, в отличие от первого, слегка утолщена и немного оттянута вовнутрь. Толщина черепка у венчика один сантиметр и книзу заметно утончается. Вылеплен он, как и первый, рукой древнего мастера, материал — глина

с примесью песка и мха. Предположение, что эти фрагменты могли относиться к каким-то емким глубоким сосудам типа горшка, исключалось, так как если смотреть сбоку, то не заметно в них округлой или выпуклой формы. Скорее всего это были какие-то большие плоские изделия. Я взял циркуль, линейку и на листе бумаги восстановил окружность этих предметов. Первый получился диаметром 28—30 сантиметров, второй — 32 сантиметра.

— Что же это могло быть?! — стал я размышлять вслух.

— Это плютца, — сказал мимоходом Кутынкеу, словно эта вещь была ему хорошо знакома.

— Какие блюдца? — удивился я.

— Плютца, очень большие, как тарелки, — пояснил Кутынкеу, очерчивая руками большой круг.

«Для чего нужны были такие «тарелки»? — продолжал я размышлять. — Возможно, на них выкладывалась пища и они служили в качестве подносов? Подобных глиняных изделий не было ни у чукчей, ни у эскимосов. У них поднос — «к'эмэн'ы» обычно выдалбливался из дерева и имел удлиненную прямоугольную форму с закругленными углами».

— Их раньше много находили, — перебил мои мысли Кутынкеу.

— Интересно! Расскажи-ка!

— Я не помню, в каком году это было, — начал Афанасий Васильевич, — тогда я еще был ребенком. Как-то сюда, на Землю Гека, приехало много людей. Это были и торговцы, и охотники из Вьэн — Анадыря, Усть-Белой, Маркова и еще откуда-то из других мест. Все они с жадностью набросились на моржовые черепа, которые были уложены полукругом около старых землянок, и стали выбивать из них клыки и зубы. Нам было непонятно, как можно тревожить то, что положили древние люди. Мы

всегда относились с большим уважением к старым жилищам и почитали духов древних людей, принося им в жертву кусочки пищи. Но пришельцы были неумолимы и жестоки. Когда они раскидали все черепа, повывивали клыки и зубы, то начали разрывать старые землянки. Однако моржовых клыков они больше не находили, зато очень часто им стали попадаться вот такие большие блюда из глины, — Кутынкеу показал на мой рисунок на бумаге. — Я никогда не видел их у чукчей и эскимосов. Пришельцы же просто выбрасывали эти блюда, и они разбивались на мелкие кусочки. Вот такие кусочки, наверно, и вы нашли.

После я узнал, — продолжал Кутынкеу, — что один какой-то американский богатый человек решил построить себе дом из моржовых клыков и для этого послал сюда своих людей. Не знаю, построил он себе дом или нет, но все было разрушено и раскидано.

Мы с Виктором несколько раз обходили древние жертвенные места «камакат», как их назвал Кутынкеу. Что означает конкретно это слово, наши знакомые объяснить не смогли, но сказали, что так назывался деревянный столб, который ставился у жертвенного места. Мейныпильгинские керехи подобное жертвенное место называют «камак». В керекском языке есть слово, созвучное «камак», но оно имеет совершенно иное этимологическое значение: «к'амак'ам» — «блюдо», «поднос». По-чукотски блюдо, поднос — «к'эмэн'ы». Возможно, что все эти слова имеют общую связь с жертвенным местом «камак», где производились благодарственные и охранительные жертвоприношения духам животных, которые пришли якобы к ним «в гости».

Некоторую разгадку этому слову дает В. Г. Богораз. Он пишет: «Амулеты, сделанные из дерева, называются «ок'-к'амак» (мн. число: «ок'-к'амак'ыт»), что означает «деревянные духи». Интересно отметить, что слово «к'а-

мак» — коряцкое и очень редко употребляется у чукоч»¹. В примечании В. Г. Богораз дает дальнейшее объяснение этого слова. «Слово «к'амак» означает у коряков злой дух и тождественно слову «кала» (у чукоч «кэлы»). Оно употребляется в русско-чукотском жаргоне в смысле «умирать», «смерть», «черт». У чукоч «к'амагрытын» означает также «клык мамонта», «кость мамонта» (буквально «чертов зуб»). У коряков «ок'-к'амак» название большого деревянного песта, представляющего «хранителя деревни» и укрепленного где-нибудь на ее окраине»².

Как видно из выдержки, высказывание В. Г. Богораз совпадает с объяснением А. В. Кутынкеу, что это деревянный столб, ставившийся у жертвенного места. К сожалению, на Земле Гека мы не обнаружили таких священных столбов, но А. В. Кутынкеу и М. М. Геутваль подтвердили, что подобные столбы сохранились на Туманской.

Из сказанного можно заключить, что «к'амак» — это жертвенное место, на котором в качестве тотема возвышался столб-охранитель. Жертвоприношение состояло из кровопомзания и кормления духов из специальных сосудов «к'амак'ам» у священного столба, рядом с которым выкладывались черепа съеденных животных, также получавших свою порцию благодарственного жертвоприношения.

Определить какой-либо порядок, систему на жертвенных местах «камакат» было невозможно. И лишь на самом мысу Гека мы находили моржовые черепа, выложенные полукругом. Кутынкеу объяснил, что жители Земли Гека, уже после ухода жадных пришельцев, пытались положить их так, как они были разложены древними людьми. А в местечке Н'игринутэтэтын, там, где начинается

¹ В. Г. Богораз. Чукчи, ч. II. Л., 1939, с. 49.

² В. Г. Богораз. Указ. соч., с. 49.

коса, мы сделали небольшой раскоп на месте «камак», расположенном на небольшом сухом бугре в полукилометре от старого поселения. Моржовые черепа лежали в беспорядке, весь холм был изрыт и разрушен. В центре, на вершине холма, мы сняли сорокасантиметровый слой дерна, проросшего корнями полярной ивы, и на глубине пятидесяти-шестидесяти сантиметров нашли обломок деревянного полоза от чукотской легкой оленьей нарты «эчеэтик» и большой кусок камня-песчаника. Обломок полоза хорошо сохранился, видимо, он случайно заброшен туда лет 30—40 тому назад.

Афанасий Васильевич Кутынкеу, присутствовавший при раскопе, как бы мимоходом заметил, что и оленеводы, приходившие из тундры, втыкали в «камак» свежие веточки кустарника. Случайно брошенная фраза навела на размышления: видимо, древние жители Земли Гека поддерживали какие-то связи с оленеводами. Но вот какие — это еще нужно было разгадать.

Рассказ Кутынкеу о варварском отношении пришельцев к памятникам старины встревожил меня. Правда, рассказанное им случилось давно. В нашей стране с первых лет Советской власти государством принят закон об охране древних памятников, и за нарушение этого закона установлена уголовная ответственность. Под строгую охрану государством взяты и такие памятники на Чукотке, как Пегтымельские наскальные петроглифы, Уэленский, Эквенский, Чинийский могильники и другие. Но Чукотка хранит в себе еще много тайн о заселении этой суровой земли, о смелых и мужественных людях, которые еще в глубокой древности пришли сюда, освоились, смогли приспособиться и выжить. И нужно очень бережно относиться не только к тому, что окружает нас в настоящем, но и к тому, что связывает с далеким прошлым.

При нас на Земле Гека работали еще две экспедиции: одна из Ленинграда, другая из Владивостока. К ленин-

градцам у нас нет претензий. Они очень хорошо, аккуратно работали, а после того, как стали свидетелями нашей беседы с А. В. Кутынкеу и М. М. Геутваль и услышали много интересного о Земле Гека, они еще бережнее начали относиться ко всем древним находкам и даже старались нам помочь в поисках. А вот экспедиция из Владивостока оставила о себе своеобразный «памятник». На месте, где жил Н'игрин, они устроили свалку мусора из консервных банок, битых бутылок и другого хлама. Если до них над Землей Гека пролетали, курлыкая, журавли, рядом гоготали гуси, кричали в болотце утки, парили чайки, то после них всякая живность исчезла...

— Много думаешь — чай остынет, — прервал мои размышления Кутынкеу.

— Что?.. — переспросил я и поднес кружку с остывшим чаем к губам. — А ничего, сейчас другой вскипятит.

В это время к нам подошел Виктор.

— Вот тебе на память, — сказал он и протянул Кутынкеу ложку, вырезанную из березы.

Кутынкеу долго и внимательно разглядывал ее и наконец тихо произнес:

— Это, наверно, Н'игрин? — Он показал мне ручку ложки, на которой Виктор попытался представить себе лицо древнего человека, хозяина Земли Гека.

— Ии, да, наверно, — ответил я.

Вынужденное возвращение

Вначале мы нашли приют на Земле Гека у ленинградских геологов Научно-исследовательского института геологии Арктики. Они обосновались капитально, с полным комфортом в полсотне метров от маяка. Белая двойная па-

латка, похожая на купол парашюта, была хорошо заметна издали. Она-то и привлекла наше внимание. Внутри палатки тоже было просторно, чисто и уютно, горела газовая плита. В тридцати метрах от первой палатки стояла вторая, в которой с рассвета до темноты тарахтели по очереди движки, питая радию. Ребята вели стационарный образ жизни и давали постоянные пеленги гидрографическому судну, работавшему в Анадырском заливе.

— Располагайтесь как дома, — предложил нам приветливый и гостеприимный начальник отряда Юрий Илларионович Кануткин после официального и взаимного представления и знакомства.

— Уж не с Чукотки ли вы родом? — спросил я начальника. — Фамилия у вас почти чукотская: «каноткин» — по-чукотски «макушка головы».

— Нет, — рассмеялся Юрий Илларионович, — хотя на Чукотке не в первый раз.

Жора Егоров захопота у плиты, и лишь Виктор Бельский сидел, не отходя от передатчика.

После обильного и вкусного ужина мы заснули глубоким сном. Но вдруг среди ночи проснулись от страшного грохота волн. Наспех одевшись, мы выскочили наружу. Поднялся шторм. Сильным северо-восточным ветром катило огромные валы, которые с гулом обрушивались на косу. Волны безжалостно хлестали наш «Прогресс» и закидывали его галькой. Общими усилиями мы оттащили лодку к палатке и укрепили заодно оттяжки антенн, которые под сильными порывами ветра ослабли, расптав штыри, отчего могли рухнуть мачты на землю.

Хотя и гостеприимны были геологи, но мы решили обосноваться поближе к рыбакам и сменить стоянку нашего «судна». Как только стихло, мы перешли в глубокую и уютную протоку между островом Айванкытрын и Землей Гека. Здесь при любом ветре всегда тихо, и можно спокойно оставлять «Прогресс» на яоре.

Земля Гека была исхожена вдоль и поперек, осмотрены все котлованы землянок, жертвенные места. Конечно, мы не могли произвести настоящие капитальные раскопки. Это дело большой археологической экспедиции, которая, возможно, обнаружит загадочные «плютца», найдет таинственные жертвенные столбы «камакат», наткнется на следы пребывания здесь Семена Дежнева и подтвердит или отвергнет наши научные гипотезы.

20 августа решили еще раз сходить в устье реки Автаткууль, подняться, насколько возможно, вверх. Я надеялся встретить поблизости оленеводов, которые к этому времени всегда выходят к берегу моря. Взяли проводником А. В. Кутынкеу.

Погода хорошая. Гулом «Вихря» мы подняли большие стаи уток-гаг и савок-морянок. Они с неохотой снимались с воды и, делая круги, пролетали перед самым носом лодки. Вошли в устье реки и вскоре чуть выше низкого острова пристали к берегу.

Грязь, ил чуть ли не по колено. Кутынкеу остался у лодки. Ему тяжело ходить: еще в детстве после какой-то болезни ноги у него свело носками вовнутрь.

Идем по тундре. Под ногами чавкает спелая сочная морошка. Невольно ложимся на кочки и пригоршнями кладем вкусную ягоду в рот. У нас уже давно неважно с продуктами, а рыба во всех видах так приелась, что на нее и глядеть неохота. Решили добыть какую-нибудь живность. Двумя удачными выстрелами сбили пару гусей. Ничего интересного в историческом и археологическом отношении на берегах реки не обнаружили, не встретили и следов пребывания оленеводов.

В седьмом часу вечера тронулись в обратный путь. Спустившись по реке и выйдя из устья, я, срезав значительный угол, направил «Прогресс» прямо на нашу стоянку. И вдруг напротив местечка Нигринутэтэгын встал мотор: кончился бензин. До берега около километра, как

назло, подул резкий встречный ветер. Полтора часа выгребались на веслах, а затем бечевой тянули лодку с сидящим в ней Кутынкеу вдоль берега. И только в крошечной темноте, измученные и уставшие, в час ночи забрались в спальные мешки.

Подходило время двигаться дальше по намеченному маршруту, но возникло непредвиденное препятствие: не хватало горючего. До Туманской мы смогли бы сделать сорокакิโลметровый перегон. А дальше?.. На веслах и бечевой? Нет, это исключалось. Тяжкий опыт уже был. У рыбаков запасов горючего не оказалось, ленинградцы могли нам одолжить всего две канистры бензина. Этого мало. Посоветовавшись, решили вернуться в Анадырь.

21 августа. Понедельник.

Для моряков, говорят, тяжелый день. Но мы готовимся: если позволит погода — идем в Анадырь. В 20 часов покинули тихую проточку и гостеприимную Землю Гека.

Анадырский лиман на этот раз показал нам свое коварство. Дул свежий восточный ветер, набегали крутые волны. А тут еще начал барахлить мотор. Ветер усилился, и мы решили переночевать в устье реки Автаткууль.

Рано утром пошли в сторону Анадыря, взяв курс на гору Дионисия. Вскоре утреннее спокойствие нарушил резкий юго-восточный ветер. Пришлось еще ближе прижаться к берегу. Пристали к мысу косы Стрелка. Берег галечный, крутой, рядом проходил глубокий фарватер реки Автаткууль. Под самым берегом выныривали любопытные глазастые нерпы, показывались белые спины белуг.

Часа через три ветер стих и мы двинулись дальше. Но вскоре над горой Дионисия нависла облачная шапка, которая сначала закрыла северную вершину, а затем и всю сопку. Гладь лимана покрылась темными пятнами ряби, навалились сначала мелкие, а потом крутые и высокие

волны. Я так наприжимался к берегу, что в самой вершине Гнилого Угла выскочили на отмель. Ночевать на грязном илистом берегу, до которого надо шлепать еще километра полтора, было не очень-то приятно. «Прогресс» сидел на мели, в борт гулко ударялись волны. Мы стояли в лодке и всматривались вдаль. Лиман был покрыт белыми барашками, вода в нем бурлила, как в кипящем котле.

— А что, если выйти на метровую глубину? Там таких волн не должно быть, — предложил я Виктору.

Через час мы были напротив устья ручья Хиузный. Обходить мыс Дионисия при таком ветре не решились, поэтому умышленно выскочили на отмель, которая здесь начиналась в пятистах метрах от берега.

Ночевали в лодке на берегу. Всю ночь дул сильный порывистый ветер, брызгал мелкий дождь. С рассветом стало немного тише, а в одиннадцать часов, когда наступил полный прилив, почти совсем стихло. Мы свободно столкнули лодку и через час были в Анадыре, где разбили свой лагерь на Второй бухточке.

Мысль продолжить маршрут не покидала меня. Я договорился с капитаном морского порта В. Ф. Сотниковым, что он нас, как только установится погода, подбросит вместе с «Прогрессом» и запасом горючего до Земли Гека на лоцманском катере «Пилот». Но наступали чукотские осенние шторма, а прогноз погоды на сентябрь был неутешительным. Все время шли мелкие нудные дожди, дули неблагоприятные для нас восточные ветры. Ничего не оставалось, как отказаться от поездки и перенести исследование на следующий год.

Первая экспедиция оказалась неудачной. Хотя мы и имели теперь полное представление о Земле Гека, собрали устные сведения и небольшой археологический материал, но все это нисколько не приблизило нас к разрешению керекской проблемы. Намеченный маршрут не был выполнен.

6 сентября мы пересекли лиман и в поселке Шахтерский сдали лодку на хранение научному сотруднику мерзлотной станции, которая является отделом нашего института, Александру Сергеевичу Любомирову.

— Все будет в порядке, — заверил меня Любомиров и тут же, загрузив «Прогресс» полевыми вещами, ушел на нем на реку Тавайма, где стоял его отряд, проводивший исследования.

Я с грустью провожал глазами ставший родным и близким нам «Прогресс» и не думал, какое тяжелое испытание ожидает его.

II. СТРАНА ТУМАНСКАЯ

У разбитой лодки

В 1973 году я решаю продолжить этнографические исследования кереков. За зиму все было тщательно продумано, учтен опыт плавания к Земле Гека, детально изучены карты, лоции, заранее разрешена проблема с горючим и подобран надежный и опытный напарник. Виктор Кошелев не смог принять участия в экспедиции, его заменил Эдуард Гунченко. Родился и вырос Эдуард на Чукотке, не раз совершал рискованные походы на каюках и карбасах по самым безлюдным и опасным местам, спускаясь и поднимаясь по бурным рекам, каждый год летом работал в полевых геологических партиях. Участвовал он и в археологических раскопках, хорошо знаком с жизнью и бытом чукчей.

По плану намечалось выйти в маршрут во второй половине июня, как только вскрыется Анадырский лиман, но надо было еще подготовить лодку и другое мореходное оборудование. Поэтому 29 мая я уже был в Шахтерском. Эдуард задерживался и должен был прибыть в середине июня.

Погода на Чукотке стояла теплая, солнечная. Но лиман еще был крепко скован льдом, и лишь на поверхности появилась вода. Снег в тундре быстро таял и оседал.

Я был рад, что мне удалось на этот раз выехать пораньше: можно будет не спеша подготовить лодку, подтянуть заклепки, прошпаклевать, покрасить и установить дополнительные приспособления к дистанционному управлению. Все же мы шли в море, а море шутить не любит. Но радость моя была преждевременной, неожиданно возникла помеха, не предусмотренная планом научных исследований.

Меня будто кувалдой по голове ударили, когда сказали, что лодка находится в тундре на берегу реки Таваймы в двадцати километрах от Шахтерского.

— Да ты не волнуйся, Владилен,— попытался успокоить меня Саша Любомиров, который принял в прошлом году на хранение наш «Прогресс». Протерев свои очки в массивной оправе, он добавил:— Лодка надежно спрятана. Мы ее затащили в овражек и накрыли брезентом...

Саша — научный сотрудник Анадырской мерзлотной станции. Летом он ведет кочевой образ жизни. Пешком исходил междуречье Волчихи и Таваймы, изучая вечномерзлые грунты тундры, оттаивая их надеждами и термодатчиками для будущего использования под посевные луга. Зимой он в оцепенении замирает над письменным столом за бесконечными пересчетами цифр и расшифровкой диаграмм.

Но сейчас была в разгаре весна, интенсивно оттаивали мерзлые породы. И Сашу неудержимо потянуло в «родные места». Уже на следующий день после моего приезда он взбудоражил работников станции, и они стали собираться на вездеходе в тундру. Им надо было проверить объекты наблюдений, завезти в балки кое-какое оборудование для летних работ и продукты. Поехал с ними и я. Закончив свои дела, они на вездеходе подошли к месту, где были оставлены на хранение наш «Прогресс» и «Прогресс» мерзлотной станции.

То, что я увидел, потрясло меня. Лодки лежали под обрывом на берегу озера. Летом оно высыхает и зарастает сочной травой. Но сейчас озеро было заполнено весенними водами. И когда откопали «Прогрессы», то они напоминали гробы, опущенные в могилы. Вокруг них в снегу была пробита траншея, которая тоже наполнилась желтой талой водой. В длинных резиновых сапогах я прошел по траншее вдоль лодок. Их нижние борта все еще были крепко схвачены льдом. И мне показалось, что лодки, по неизвестному науке закону вечной мерзлоты, не вытаскивают из льда, а, наоборот, от нагрева днищ на солнце еще глубже оседают в лед. Надежды, что они быстро вытасят и всплывут, не было.

— Да ни черта!.. Не волнуйся, Владилен,— пытался успокоить меня Любомиров.— Главное — лодки целы и невредимы. Пригреет солнышко, и они будут лежать, как на блюдечке...

При развороте вездеход случайно съехал назад, скользнув по льду, и вспорол гусеницами левый борт нашего «Прогресса». Положение становилось безвыходным: срывалась экспедиция, летели к черту плановые исследования, а самое главное — неминуемо быстро бежало время. В двадцатых числах июня, когда мы должны были уже на плаву, начал вскрываться лиман, а лодка все еще лежала в тундре.

24 июня подъехал Эдуард Гунченко. Мы решили на следующий же день любым способом выбраться к лодкам. Закупили продукты, взяли необходимые инструменты, заклепки, листы дюрала и вечером выехали в тундру. Но на этот раз нам преградила путь Волчиха. Речка вскрылась, и переправляться на вездеходе было рискованно. К счастью, между устьями рек Волчихи и Таваймы была чистая вода, лед отжал к Толстому мысу.

— А может, пройдем на «казанке»? — предложил я Эдуарду.

— Попробуем, — согласился он.

В ночь на 26 июня мы покинули Волчиху, вышли в лиман и понеслись на «казанке» в устье Таваймы. Я сидел за мотором. Гунченко настороженно всматривался в мутную поверхность воды и извещал меня о появлении крупных льдин.

Солнце клонилось к самому горизонту, и за кормой кровавым следом тянулось рассеянное лодкой отражение полуночной зари. Две чайки, будто привязанные, следовали за нами. Иногда они резко падали в воду, что-то выхватывали из нее и начинали драться. Неприятные то-скливые крики этих попутчиков постепенно слабели и растворялись в разноголосом гомоне птиц по мере того, как мы втягивались в устье Таваймы. Долина реки — сплошные озера, густо заселенные гусями, утками и куличками.

На высохшем дне одного из них в километре от реки ждал нас злосчастный «Прогресс»...

Мы с Гунченко стоим у лодки и размышляем. Рваные, исковерканные борта наводят на грустные раздумья. Сможем ли мы здесь, в тундре, без специальных приспособлений, отремонтировать лодку, чтобы она выдержала морскую волну? Пробойны серьезные: поврежден шпангоут между первым герметичным отсеком и вторым, нарушена и скоткана перегородка, изуродован и смят борт у днища и основательно вмята левая скула носа.

Было ясно одно: на время придется забыть специальность этнографа и превратиться в слесаря.

— Ладно, Эдик, давай сначала устроим себе жилье, а там за дело, — говорю своему приунывшему напарнику.

Вскоре между берегом реки и большим озером зеленым бугром поднялась палатка. Задымил костер, запахло, казалось, на всю тундру крепко заваренным чаем. Утки, плавающие у самой палатки, встревожились, отплыли к

другому берегу и юркнули в осоку. Затихли в ближайших кустиках и кочках певчие птицы. Присутствие человека насторожило пернатых обитателей тундры.

Пока Эдуард основательно крепил палатку на случай неожиданного ветра, я взял канистру и решил сходить за водой к озеру. Но не успел сделать и двух шагов, как увидел гнездышко куличка-плавунчика, вспорхнувшего у меня из-под ног.

— Ээ, так можно случайно и раздавить твое будущее потомство, — сказал я куличку, тревожно попискивающему в маленькой лужице. Чтобы этого не случилось, воткнул рядом колышек. Но через несколько шагов вновь вспугнул серенькую пташку, вылетевшую из-под кустиков полярной ивы. «Нет, так дело не пойдет», — решил я и вернулся к Эдуарду. Вдвоем с ним, ползая по кочкам, мы тщательно обследовали место около палатки и поставили еще несколько колышков. Сначала пташки беспокойно попискивали и чирикали, а потом, признав в нас добрых соседей, успокоились и забрались в свои гнезда. И даже дым костра уже не мешал им высидывать своих птенцов.

Чай взбодрил нас, и мы принялись за дело. Я пошел на озеро к лодке разведать путь, по которому придется волочить ее к палатке, а Эдуард занялся поисками дров для ночлега и прочего, что могло бы пригодиться нам для ремонта лодки.

Следы современной деятельности человека проникли и в этот отдаленный уголок тундры: повсюду среди кочек торчали ржавые трубы, ломы, доски, консервные банки, бутылки и ящики. Тундра брезгливо поглощала эти случайные на ее теле предметы, а ползучие лишайники обволакивали то, что еще не успело скрыться под слоем дерна. В дополнение ко всему мы нашли тяжелую кувалду, деревянные брусья и куски брезента. Теперь у нас было все для ремонта, и мы отправились к «Прогрессу».

Перевернули его на киль и попробовали тащить по тундре, но двух человеческих сил явно не хватало.

— Да-а, так мы и за неделю не уволокнем лодку отсюда, — едва выдохнул из себя Эдуард.

Но тут мы вспомнили, что у нас есть блоки, которые специально взяли, чтобы вытаскивать лодку на берег. Принесли блоки. Обвязали лодку по всему корпусу прочным капроновым фалом, второй конец закрепили за трую, крепко уложенную между крутых кочек.

— Ну, аттау! Давай! — скомандовал я.

Я поддерживал лодку на киле, а Эдуард, впрягшись в лямку, потянул конец фала. Заскрипели блоки, лодка легко сдвинулась с места и плавно, хотя и медленно, пошла по тундре.

Нещадно палило солнце. Кругом вились тучи комаров, лезли в глаза, рот и нос, но пора размножения еще не пришла, и потому укусы их не были столь болезненными. Лодка шла легко, как по воде. Часа через три мы были у озера, на противоположном берегу которого стоял наш лагерь. Спустив лодку на воду и усевшись на правый борт так, чтобы пробоины оказались над водой, мы на веслах с попутным ветерком вскоре добрались до места стоянки. А еще через некоторое время наш «Прогресс» стоял на стапелях.

Так началась наша экспедиция, так совершил свое первое плавание в этом году «Прогресс».

Не было еще и пяти утра, как я открыл глаза. В палатке монотонно жужжали несметные полчища комаров. За палаткой слышалось гоготание гусей, летевших, видимо, на кормежку в устье Таваймы, щебет птиц и попискивание куличков. Эдик сладко спал, с головой закутавшись в спальный мешок. У самого его носа, который слегка высывался наружу, настойчиво кружились комары, выискивая «площадку» для посадки. Вставать не хотелось, но и спать тоже. Вдруг я вздрогнул от неожиданного удара.

Что-то мягкое, но крупное стукнулось о палатку и скапнулось на землю.

— Что?! — испуганно вскочил Эдуард, откинув капюшон спального мешка.

— Не знаю, — прошептал я и осторожно высунулся из палатки, прихватив с собой на всякий случай заряженный карабин.

Все было спокойно. Но рядом на небольшом озере устроили драку два самца савок-морянок, воинственно набрасываясь друг на друга. И даже когда один из них нырял, то второй, взлетев, прямо с высоты камнем падал на соперника в воду, так что во все стороны фонтаном разлетались брызги. Наконец один из них, лишившись своего длинного хвоста, с трудом поднялся в воздух. Противник еще долго преследовал его. Брачная пора прошла, все самки сидели на гнездах. Что же не поделили савки? Я обошел кругом палатку. За мной выполз и Эдик. Но следов нарушителя нашего спокойствия мы так и не обнаружили. Вероятно, это и был один из самцов-драчунов.

Наш лагерь оказался в центре бурной птичьей жизни. Рядом несла свои спокойные мутные воды Тавайма. В ста метрах от нас раскинулось сравнительно большое Гагарье озеро. Мы расположились на перешейке. То и дело с Таваймы на озеро проносились парами и поодиночке утки, рядом в лужицах, оживленно подергивая головками, плавали симпатичные плавунчики, набрав высоту, пел свою весеннюю песню бекас-барашек. Тундра была прекрасна. Она жила, пела и как бы спешила за короткое чукотское лето отдать все, что имела, своим обитателям.

Но красота красотой, а дело делом. Надо было спешить. Эдуард занялся приготовлением завтрака, а я пошел к «Прогрессу», чтобы на месте обдумать, с чего начинать.

День был тяжелый. Мы поправили кувалдой спрингер, большой круглой чуркой слегка выдавили скулу в носовом отсеке и сделали попытку выровнять рваные края пробоин. Но упругий дюраль никак не поддавался ударам деревянных киянок. Пришлось, подсовывая кувалду с наружной стороны, обрубать края зубилом, а после зачищать драчевым напильником. И лишь на следующий день мы наложили первую заплату. Лодку одним бортом спустили на воду и в ужасе замерли, увидев, что там, где мы наложили заплату, как через решето, побежала вода.

Тут же выдернули лодку на берег.

— Первый блин комом, — едва выдавил я из себя и в изнеможении опустился на деревянный брус.

Эдуард устало присел рядом. И без того сутулый, он ссутулился еще больше и безнадежно вперил взгляд куда-то вдаль, на озеро.

— Будем начинать сначала, — подытожил я, подсчитав ссадины и царапины на руках. — Материалов не хватит. Придется идти в Шахтерский.

Эдуард не стал возражать и спустя некоторое время, взвалив на плечи резиновую лодку, легко и быстро зашагал по тундре.

Была пятница. Договорились, что он вернется во вторник вечером.

Залепив лейкопластырем царапины на руках, я взялся за дело. Вмятины на «Прогрессе» не поддавались никаким ударам, и тогда я решил вырезать эти места. Просверливая дыры и расширяя их надфилем, я всовывал пожовочное полотно и со страшным визгом, от которого утки шарахались к другому берегу, стал удалять на лодке «болячки».

Через три дня, нагруженный пластинками дюралья, заклепками, паяльной лампой и продуктами, вернулся пешком Эдуард.

Испытание «Прогресса»

(Из дневника Эдуарда Гунченко)

Мы измотались за эти дни, ремонтируя лодку, и так крепко спали, что не слышали рева «Вихря».

Проснувшись, я с удивлением увидел русую шевелюру и массивные очки Любомирова.

— Саша, как ты сюда попал?

— Здрасьте! — сказал он чуть хрипловатым голосом. — Как попал? На «казанке»!

— А как же Тонкий мыс!.. Там ведь волна?! — удивились мы. Сегодня действительно над тундрой гулял добрый ветер, даже пенились барашки волн на реке.

— Ни черта! — ответил Саша, поживаясь в сырой одежде. — Главное, приехал и даже чай вскипятил, а вы все дрыхнете. Хотя, должен заметить, — вы молодцы. Заплаты заделали, как на заводе.

Не откладывая ни минуты, уже втроем мы начали доклепывать пробоины. Еще четверо суток почти без сна, в тучах озверевших комаров, под жгучими лучами солнца, а иногда и под каплями мелкого теплого дождя мы не отходили от лодки. Последнюю заклепку торжественно забили поочередно в злополучный шпангоут, который лишь на третий раз выгнулся на чурке, прогретый паяльной лампой. И вот, сверкая нитрокраской, очаровывая своими изящными и стремительными обводами, стоял «Прогресс», готовый принять на себя удары волн.

Владилен полушутливо заметил:

— Ну вот, вкалывали-вкалывали, а работы и не видно.

Действительно, с двух-трех шагов заплаты были почти незаметны.

Мы перенесли свой «Прогресс» на берег Таваймы, туда же перетащили и лодку Любомирова. До самого вече-

ра устанавливали ветровое стекло, тент, налаживали дистанционное управление.

Затем последним мазком кисти нанесли на борта лодки номер МАА-406 и надпись «Экспедиционный» с эмблемой СВКНИИ.

На другой день с утра усилился ветер, пошел дождь. Но нам не терпелось начать испытания и сменить кувалду, дрель и молотки на штыковую лопату, фотоаппараты, рулетку, карандаши и ручки. Уходили теплые светлые дни июля, наши соседи-птены давно уже выклевались и покинули свои гнезда, а мы все еще копошились в безлюдной и в историческом отношении неинтересной тундре, не сделав ни одного шага по осуществлению научной программы.

К полудню дождь перестал, и у берега Таваймы, как у причала, встали три маломерных судна: два «Прогресса» и «казанка». Мы быстро свернули лагерь. Как и договорились, пошли в кильватер друг к другу: впереди Владилен, за ним я на «казанке» и замыкал шествие Любомиров.

Дул резкий встречный ветер. «Казанка» легко шла по следу «Прогресса». Светло-зеленого цвета, с ярко-красным верхом и черными номерами на бортах, «Прогресс» плавно скользил по волнам — и это радовало.

Вскоре мы вошли в устье Волчихи. Как ни уговаривал нас Любомиров отдохнуть на его «усадебке», мы все же решили идти в Шахтерский. Время — золото.

Я пересел к Владилену. У Тонкого мыса нас встретила крутая волна. Владилен старался прижать «Прогресс» к берегу, а иногда выходил на волну и вел лодку так, чтобы она всей плоскостью днища падала в пропасть волн, а меня просил внимательно следить за залеченными местами. В отсеках было сухо — вода не проникала в лодку. Первое испытание «Прогресс» выдержал.

Ночевали на рейде напротив Шахтерского. Хорошо

спалось под тентом в «Прогрессе». Слегка покачивало лодку, убаюкивая нас. Не мешали назойливые комары.

Утром решили забрать остатки полевого снаряжения с «мерзлотки», необходимую аппаратуру, заправиться горючим и перебраться в Анадырь, откуда начинался наш маршрут.

АНИМС (Анадырская научно-исследовательская мерзлотная станция) — отделение СВКНИИ. Здесь, в Шахтерском, ее называют просто «мерзлотка». Это удобное и единственное пристанище полевых отрядов Академии наук СССР, которые ведут свои исследования во всех направлениях на Чукотке. Весной, как птицы на гнездовья, спешат на «мерзлотку» группы и партии исследователей. И порою начальнику станции Борису Серафимовичу Иванцу приходится туго. В июне прибыли мы, вслед за нами отряд геолога Павлова, затем тектониста Чехова, а раньше всех здесь обосновались биологи. И все эти отряды нашли приют у гостеприимных мерзлотников, ждали гусеничного или воздушного транспорта, чтобы «заброситься» в разные уголки еще мало исследованной чукотской тундры.

Леша Черноскутов — вездеходчик «мерзлотки» был страшно рад, что «Прогресс» ожил, и готов был оказать нам любую услугу. На его «газике» мы подвезли к берегу канистры с бензином, остатки имущества и продукты. К вечеру подул свежий юго-восточный ветер. Мы отошли к мысу Обсервации и бросили якорь в ожидании, когда успокоится волна на фарватере. В три часа утра чуть стихло, и мы, поболтавшись на волнах, перешли лиман.

Во Вторую бухточку, где располагалась наша прошлогодняя стоянка, сразу войти не решились. С «Прогресса» хорошо были видны многочисленные оттяжки невод, концы которых уходили в воду, поплавки из пенопласта и бочек беспорядочно раскачивались на крутых волнах. И мы, остерегаясь запутаться в растяжках и наделать беды рыбакам, причалили у Третьей бухточки.

Первый перегон

Рыбаки радостно приняли нас в свой коллектив. Мы тут же разбили палатку, вытащили на берег «Прогресс». Теперь все наше хозяйство будет под надежной охраной.

На оформление различных официальных документов, капитальную подготовку к плаванию ушло несколько дней. Между делом совершили пару рейсов в Шахтерский и на Волчиху и еще раз убедились в надежности лодки и нового мотора «Вихрь-М». В последний день окресполком выделил нам машину, и мы доставили ко Второй бухточке все канистры с бензином и маслом.

Вечером 17 июля рыбаки устроили нам прощальный ужин и на руках столкнули лодку на воду. В час ночи мы с отливом уходим в маршрут, чтобы вернуться осенью, когда начнутся заморозки.

В эту ночь «Прогресс» впервые выходит в море. Он должен обогнуть мысы Барыкова, Наварина и достигнуть села Хатырка. В судовом журнале делается первая запись: время выхода, курс, скорость, погода. Эти записи будут теперь вестись изо дня в день.

Чукотские ночи уже стали сумеречными и туманными. Но мыс Дионисия хорошо просматривается. К нему то и держит курс наш «Прогресс». На лимане полный интиль. Низкая волна не угрожает перегруженной лодке. Мы медленно, но уверенно идем вперед по хорошо знакомому пути. Постепенно удаляется мыс Александра, слабеют за кормой огни города. На мысе Дионисия решили вскипятить чай, но тучи озверелых комаров тут же выживают нас и, ограничившись канистрой с водой, отчаливаем от негостеприимного берега. Обрывистый и скалистый мыс Дионисия постепенно становится малоприметным, и лишь по-прежнему, как ориентир, виднеется гора Останцевая. Более двух часов идем тем же курсом,

затем берем чуть западнее, так как отливное течение усилилось и мы могли проскочить низкий мыс Гека. Через некоторое время показали пологие бугры у устья реки Автаткууль. Уверенно направляемся к основанию косы.

И вот мы снова на Земле Гека. Бродим среди развалин когда-то многолюдного поселения Нигринутэтэгын. Эдуард в одной из старых землянок нашел деревянную иглу с истлевшей питкой. Такие иглы аборигены использовали для вязки сетей. Развели костер, попили чай, еще раз окинули взглядом старое поселение и пошли к мысу Гека. Минут через пятнадцать мы уже были в мелкой бухте Толля. Хотели было пройти проливом между островком Айванкытрын и мысом Гека, но по отливу было мелко и пришлось сделать лишних три-четыре километра в обход острова. Недалеко от самого мыса показались домики бывшей Первой морской рыббазы.

Стоять напротив старого поселка опасно, так как бьет сильное течение и на берег катят крутые волны. Решили зайти в проливчик между островком Айванкытрын и мысом Гека, где нашли в прошлом году удобную стоянку. Но проливчик оказался замытым, и остров соединился с косой. Пошли к домикам старой рыббазы.

Услышав шум мотора, на берег вышли рыбаки. Что-то знакомое и в то же время новое было в фигуре рыбака, не спеша шагавшего последним. И лишь когда лодка уткнулась носом в берег, я узнал нашего прошлогоднего друга и помощника Афанасия Васильевича Кутынкеу. Все такой же бодрый, жизнерадостный, он крепко пожал нам руки, представил новому бригадиру Михаилу Тевлянкау и повел к себе. И тут только я заметил, что у Кутынкеу изменилась походка. В прошлом году, когда мы с Виктором Кошелевым и Афанасием Васильевичем осматривали поселение Нигринутэтэгын, на влажном песчаном берегу остались следы старика. Виктор подозвал Кутынкеу и в шутку спросил:

— Слушай, Афанасий Васильевич, непонятно, в какую сторону ты шел, туда или сюда?

В этом году он почти всю зиму пролежал в больнице, и хирурги, проделав сложную операцию, выправили ему одну ступню. Предлагали через некоторое время снова вернуться в больницу и выправить вторую, но Афанасий Васильевич попросил врачей дать ему отдохнуть. Сейчас уже можно было точно определить по следу, в какую сторону шагает старик.

Рыбаки встретили нас как старых знакомых, хотя состав бригады несколько обновился. Видимо, Афанасий Васильевич рассказывал им о прошлогодней встрече. За душевной и аппетитной ухой, крепко заваренным ароматным чукотским чаем мы обменялись новостями, составили телеграмму о благополучном завершении первого перегона и попросили рыбаков отправить ее в Анадырь. Из разговора выяснилось, что рыбаки всего часа два тому назад пришли на вельботе с Туманской. Узнав о нашем намерении пройти туда, они посоветовали воспользоваться погодой и не терять времени.

Земля Гека была исхожена в прошлом году, проблемы горючего на этот раз не возникло, так как мы получили официальное разрешение от дирекции совхоза «Коммунист» сделать заправку на Туманской из их запасов. Поэтому, поблагодарив рыбаков, мы отправились дальше.

В 13 часов 15 минут наш «Прогресс» оказался на траве мыса Гека.

Мыс Гека не обрывается отвесными, крутыми скалами к морю, он низок и малоприметен издали. Но для мелких судов он так же коварен, как и мыс Наварин. Здесь сталкиваются мощные приливо-отливные течения, образуются сулои, водовороты, неожиданные всплески. На этот раз было тихо, но все равно при обходе мыса лодку несколько раз основательно потрянуло на стыках течений. И вот мы уже в водах Анадырского залива.

Неволью охватывает волнение. Наконец-то наш маршрут пролег по настоящему морю. Мы с каждым километром все дальше и дальше уходим в прошлое этого края. Всего в полустотне километров от нас сторона Туманская, где предстоит нам поиски и исследования древних поселений племен, живших здесь когда-то в далекие времена, встречи с интересными людьми.

Очень тихо и солнечно. Вода тоже спокойна. Но лодку плавно приподымали длинные пологие волны. Они шли откуда-то из просторов Тихого океана. Мы внимательно следили за ними и были настороже. В этих местах на мелководье на невидимых подводных косах даже в тихую погоду неожиданно возникали буруны. Это я заметил еще в прошлом году, когда наблюдал за морем с высокого холма, за старым поселением Нигринутэтэгын. Единственное, что нас отвлекало, так это несметные стаи гаг, прилетевших с озер низкой тундры. Завидя красный верх лодки, они круто взмывали ввысь.

После Земли Гека эта однообразная полоса тундры не была интересной ни в археологическом, ни в этнографическом отношении. До самой Туманской здесь не встречались лагуны или крупные реки с высокими берегами, где древние люди могли бы ставить свои жилища. Негде было укрыться и байдарам в случае непогоды, не было удобных мест ни для охоты на морского зверя, ни для рыбалки. Лишь один раз возле озера Корявого на песчаном холмике увидели мы развалины одинокой землянки. Бурая сухая трава, как волосы старца, свешивалась с обвалившихся дерновых стен. Там, где тундра вплотную подползала к берегу и угрожающе зависала над песчаным пляжем, чернели мощные торфяные отложения. Они казались разрубленными клинообразными ледяными жилами.

Через час подул свежий северо-восточный ветер. Он наморщил поверхность воды. Вскоре ветер усилился. Полетели через борт брызги. Освежающая соленая вода по-

текла за воротник. Чтобы не промокли вещи, да и мы сами, решили закрыть лодку тентом. При сильном волнении сделать это не так-то легко. Однако управились скоро. Но стало запотевать ветровое стекло. Пришлось вести лодку, высунув голову наружу, подставив лицо холодным колючим бризгам. Опасаясь за прочность заклепок, пошли галсом, изворачиваясь и избегая прямых ударов крупных волн и резких падений в провалы. Когда не удавался маневр, лодка вздрагивала от удара волн, на миг замирала на высоком гребне волны и с гулом шлепалась во впадину. Но нас эта вынужденная скачка по волнам уже не пугала. Заплаты держались надежно, и в лодку вода не поступала.

На случай аварийной обстановки мы с Эдуардом заранее оговорили все, распределили конкретные обязанности, наметив два способа высадки на берег. При первом — на полном ходу ловим гребень волны и выкидываемся на сушу, при втором — более надежном — выбрасываем недалеко от берега якорь и постепенно, стравливая конец, кормой садимся на мягкий песок. Но вопрос о вынужденной высадке пока не возникал: берег был пологий, песчаный, воды даже в низком кормовом отсеке не было. И мы уверенно шли вперед.

Домики рыбаков в горловине заметили совсем неожиданно, когда до них было рукой подать. Но оказалось, не так-то просто войти в горловину лагуны Тымна. Фарватер, отмеченный в лоции, устарел и не соответствовал действительному. Подводная песчаная коса как пробка затыкала вход почти от берега до берега. Пришлось несколько отклониться от курса и сделать пару кругов на малом ходу, чтобы точно определить фарватер горловины. В лагуну было два входа: южный и северный. Выбираем южный, хотя он узкий и опасный. Надели спасательные жилеты, приготовили резиновую лодку и осторожно пошли узким извилистым каналом. Расчет оказался точным.

«Прогресс» слегка подпрыгивал на сильном встречном течении, слева по борту катились высокие буруны и, шипя, исчезали в восьми-десяти метрах от нас. Итак, в 15 часов 45 минут мы оказались на виду удивленных рыбаков. Пройдя опасное место, зашли в маленькую тихую бухточку. К нам навстречу спешили мужчины и женщины, за ними мчались лохматые собаки.

Тут же с противоположного берега горловины отчалила странная посудина, очень похожая на байдару. Чем ближе подходила она, тем больше поражала нас своим необычным видом. На берег с нее сошли два рыбака и двое мальчишек-школьников.

Оказывается, часа два тому назад здесь приземлялся вертолет, высадил икрянщицу Наташу Нотат и сгрузил необходимое оборудование для приготовления икры и тару для засолки рыбы. Байдара пришла за ней и грузом.

Разговор на родном чукотском языке сразу расположил к нам рыбаков, и они предложили нам перебраться на их основную базу, которая находилась на другой стороне горловины.

Пока рыбаки переносили груз, сталкивали на воду деревянную лодку, мы принялись рассматривать оригинальное плавсредство. Это была настоящая байдара, но она сильно отличалась от классических морских байдар приморских чукчей Берингова пролива. Остов байдары составляли киль с донными и боковыми шпангоутами, скрепленными бортовыми стрингерами, которые стягивались на корме и носу. Видимо, из-за нехватки лахтачьих и нерпичьих ремней стрингеры на шпангоутах и штевнях были прихвачены гвоздями. Весь остов байдары был искусно обтянут толстым брезентом и обильно покрашен с обеих сторон масляной краской. Для увеличения плавучести и непотопляемости на дне байдары были симметрично прикреплены четыре пыгыга — воздушных нерпичьих мешка. Но в отличие от обычных пыгыгов эти

были надуты не шерстью наружу, а мездрой и были почти не выделаны, словно их готовили наспех. Посреди байдары был вделан деревянный колодец, в котором стоял восемнадцатисильный мотор «Пента». Это удивительное плавсредство, способное вместить не менее восьми человек, было валким и неустойчивым на воде.

Как оказалось впоследствии, изобретателем байдары был бригадир чукча Келевги. По закону гостеприимства мы должны были первый визит нанести ему, но поскольку его основная резиденция располагалась на противоположной стороне, то нам надо было пересечь горловину.

Минут через двадцать наша флотилия пристала к берегу, и мы всей компанией двинулись к домику Келевги. До самого позднего вечера я по-чукотски рассказывал новости, которые с таким вниманием и интересом слушали гостеприимные люди Туманской. Свежая уха и чай окончательно сморили нас, мы так и остались ночевать у бригадира. Перед сном отметили, что за день совершили сразу два перегона, прошли восемьдесят две мили, или сто пятьдесят три километра, сожгли шестьдесят шесть литров горючего.

Кто такие тэлк'эпыльыт?

Туманская — это название, пожалуй, можно отнести не к какому-то конкретному географическому объекту и одноименной с ним реке, а к целой территории. Она простирается в глубь материка до реки Великой, а на юг — от огромной лагуны Тымна до самых северных отрогов Корякского хребта. Это «страна» длинных галечно-песчаных кос, тихих и прозрачных речек с зарослями тальника и ольхи, озер, затянутых тиной и заросших осокой,

с чистыми окнами воды; всхолмленной тундры с золотистым ягелем, полянами морошки и брусники, диким луком и кедровым стлаником. Весь этот земной ландшафт оживляют несметные количества птиц и гнуса, тундровых и морских животных, а водоемы кишат рыбой. Благоприятное место для человека!

Но такова эта «страна» летом. Зимой же тундра промерзает насквозь, реки и озера покрываются двухметровым льдом, а ветры и пурги так утрамбовывают наст, что он свободно выдерживает человека. Счастье живых существ в «стране» Туманской мимолетно, как мимолетно лето на Чукотке. Не обижаются на эту страну лишь бурые медведи, которые, отъевшись за лето, всю зиму отсыпаются в берлогах. Не эту ли «страну» упоминает в своей «отписке» Семен Дежнев: «А шел я, бедной Семейка, с товарищи до Онандыры реки ровно 10 недель, и пали на Онандыр реку вниз близко море, и рыбы добыть не могли, лесу нет. И з голоду мы бедные врознь разбрелись... И ходили 20 ден, людей и оргишниц, дорог иноземских, не видели...»¹

Холодна и мертва эта «страна» зимой, но все равно и здесь издревле селились и обитали люди. Кочевники-олеведы осваивали тундру, а на побережье жили морские охотники и рыболовы. Правда, В. Г. Богораз, точно перечисляя поселки на Чукотке, отмечает самое южное поселение «Вен — в Анадырской бухте близ устья Анадыря. Русские впоследствии основали рядом свой поселок и назвали его Маринским Постом. В прежние времена чукотское селение лежало ближе к океану, на низком песчаном берегу земли Гека»². О том, что было поселение на Туманской, В. Г. Богораз не указывает.

¹ Подлинные документы о плавании С. И. Дежнева. — В кн.: Русские арктические экспедиции XVII—XX вв. Л., 1964, с. 130.

² В. Г. Богораз. Чукчи, ч. 1. Л., 1934, с. 14.

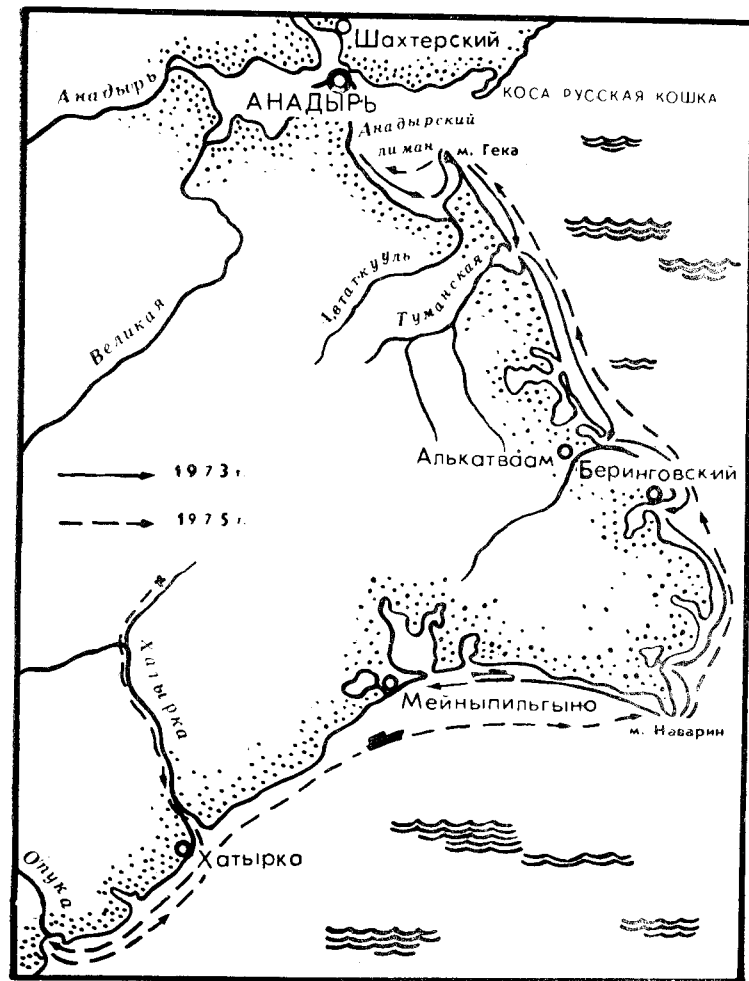
Современное чукотское население на Туманской появилось в середине XVIII века. Это было время больших перемен в жизни народов Чукотки. Начались длительные перекочевки оленеводов на юг и запад. Главной причиной миграции явилось бурное развитие крупнотабунного оленеводства у чукчей, для чего потребовались огромные, богатые ягелем пастбища. Одна из групп оленеводов проникла в долину реки Туманской и обосновалась там. «Телькепская группа, называемая русскими «туманские чукчи», имеет около 50 становищ. Их стада в 400—500 голов. Эта группа представляет чукоц самых диких и неукротимых, и в прежнее время они являлись инициаторами в войнах против коряков»¹. Эти сведения относятся к началу XX века.

Река Туманская по-чукотски называется «Талк'апгьэргыргын» («эргыргын» — «переход», «переправа» к телькепским людям), а люди, жившие до прихода чукчей на побережье от Туманской до мыса Барыкова, назывались «тэлк'эпыльыт». Когда эти люди исчезли, то название перешло к группе чукчей, обжившей эти места. Что означает слово «Туманская», остается пока загадкой. Но интересно, что этот топоним уже встречается в документах XVIII века под именем «туманские коряки». Так называли русские коряков, живших на реке Туманы, впадающей в Гижигинскую губу². Возможно, что топоним «Туманы» корякский и существует какая-то связь между двумя этими отдаленными названиями. Может быть, по каким-то общим признакам русские назвали эту местность, о которой мы ведем речь, тем же именем, что река Туманы.

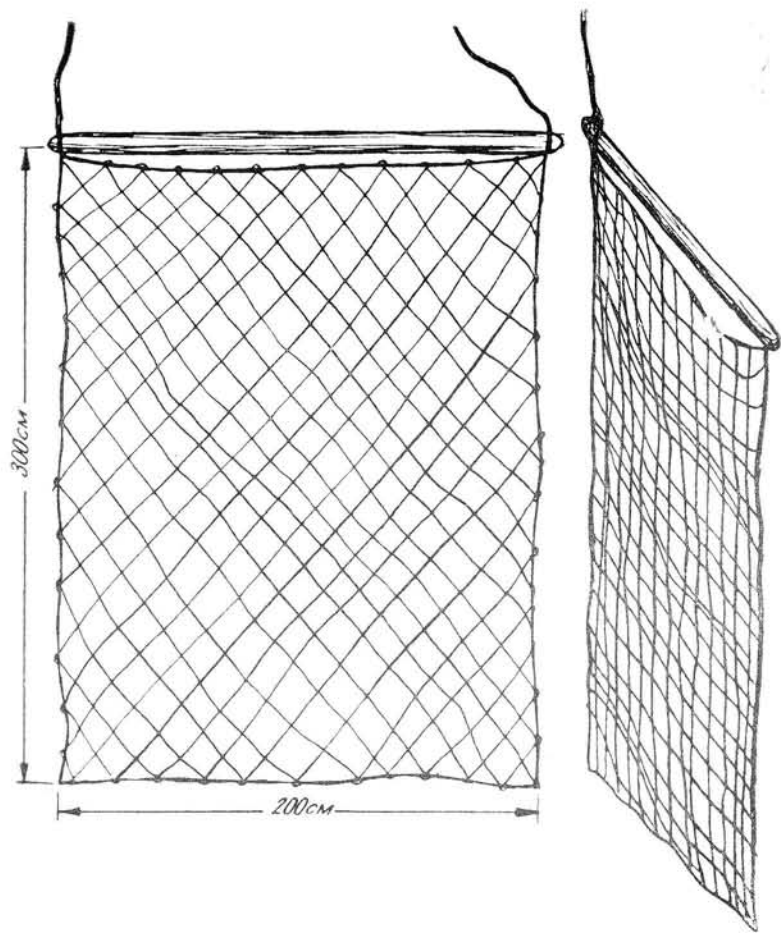
Кто же жил до прихода чукчей на Туманской? Кто такие «тэлк'эпыльыт»?

¹ В. Г. Богораз. Чукчи, ч. 1. Л., 1934, с. 13.

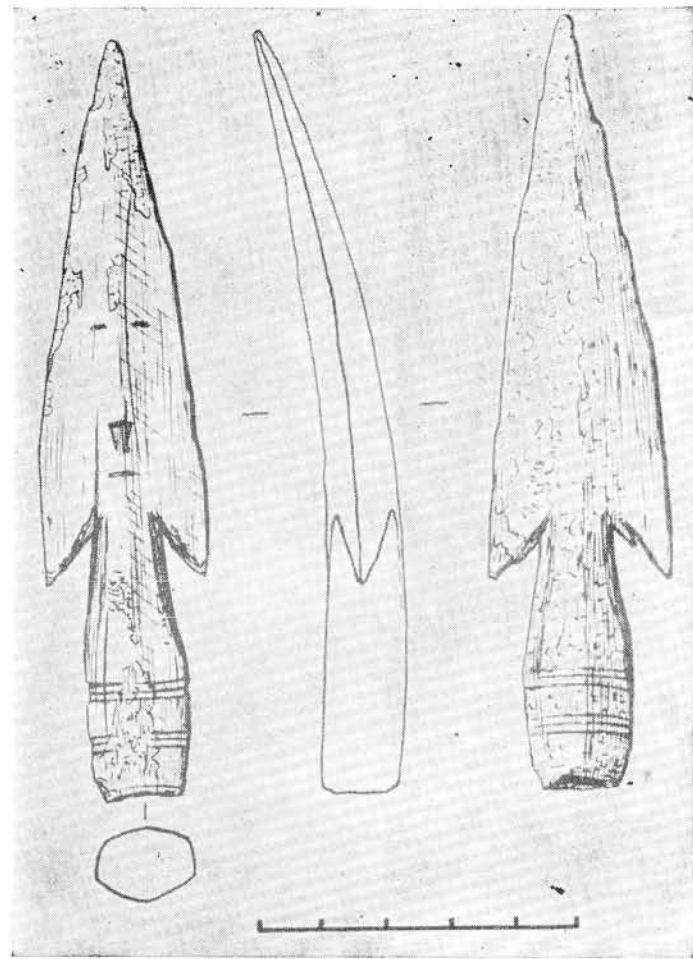
² И. С. Вдовин. Очерки этнической истории коряков. Л., 1973, с. 174.

Маршруты полевых исследований по побережью Берингова моря.

Сеть «пайнинтын» для ловли кайры.

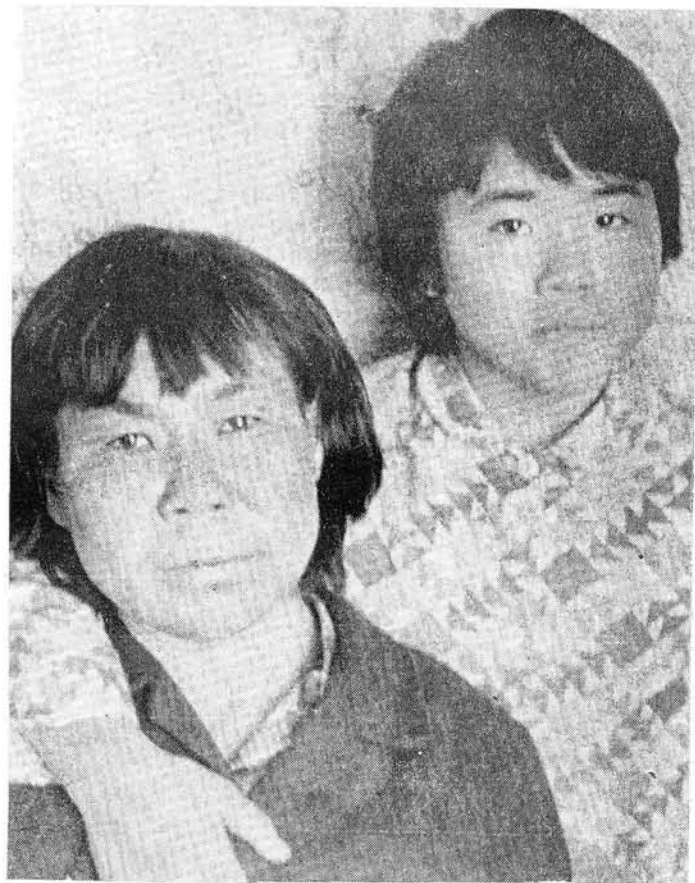
Наконечник стрелы, пайденный в облачении Каньун.

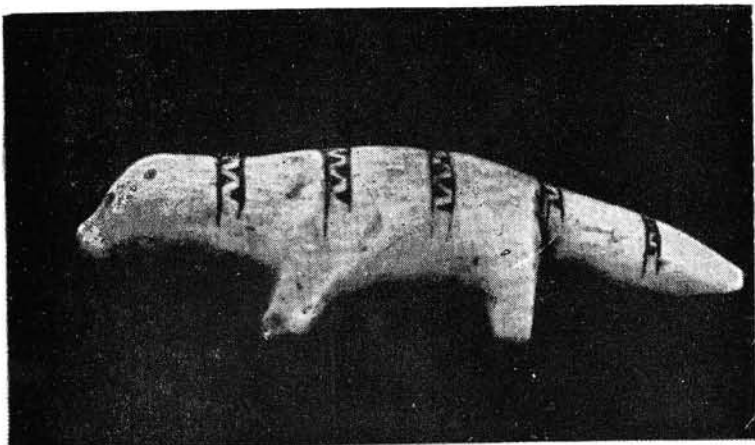
Кереки Екатерина Кальвичану и Михаил Иванович Етынкеу.
В центре автор.

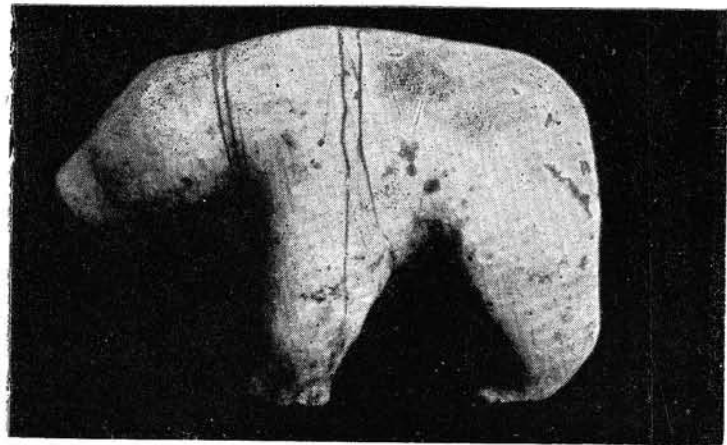
Керек Кежгынто во время записи сказки.

Екатерина Хаткана с дочерью Мариной.

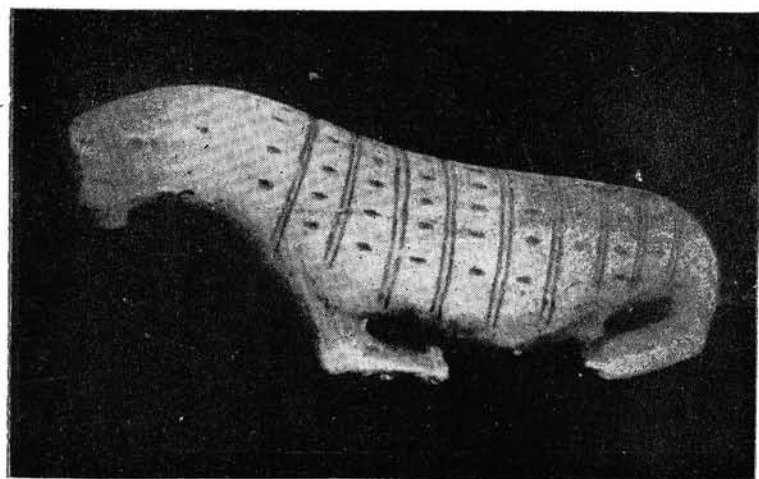
Песец (коллекция МАЭ, № 442—28).

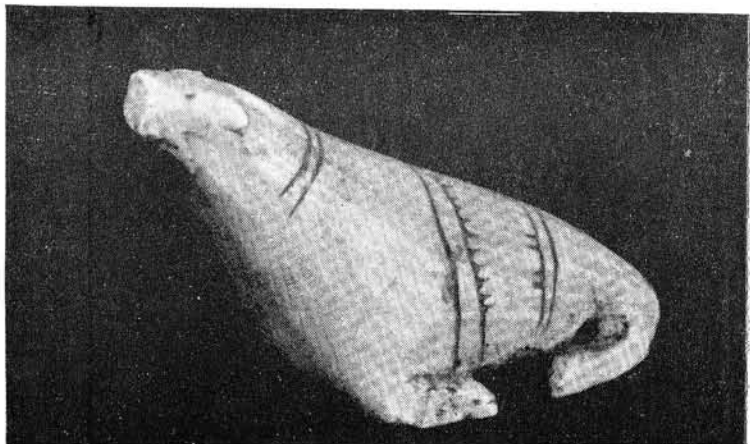
Бурый медведь (коллекция МАЭ, 442—28).

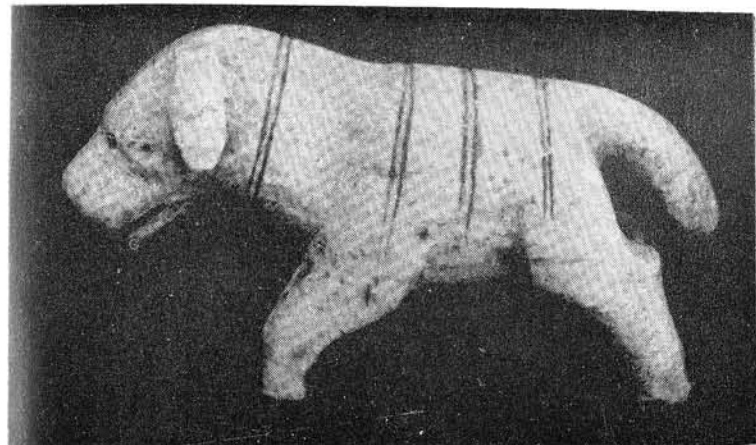
Сивуч (коллекция МАЭ, № 442—28).

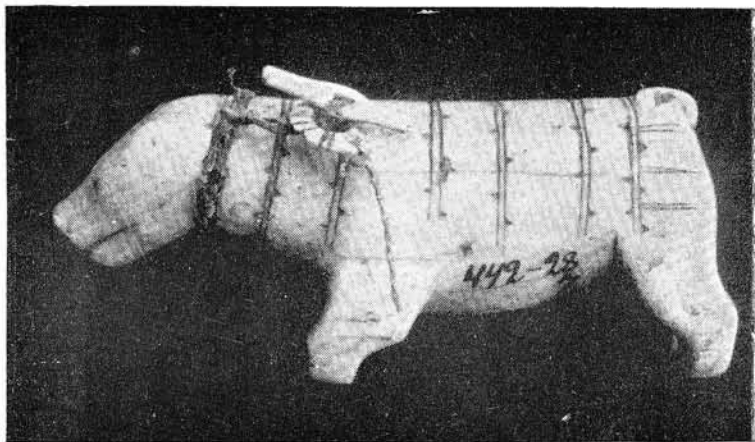
Морж (коллекция МАЭ, № 442—28).

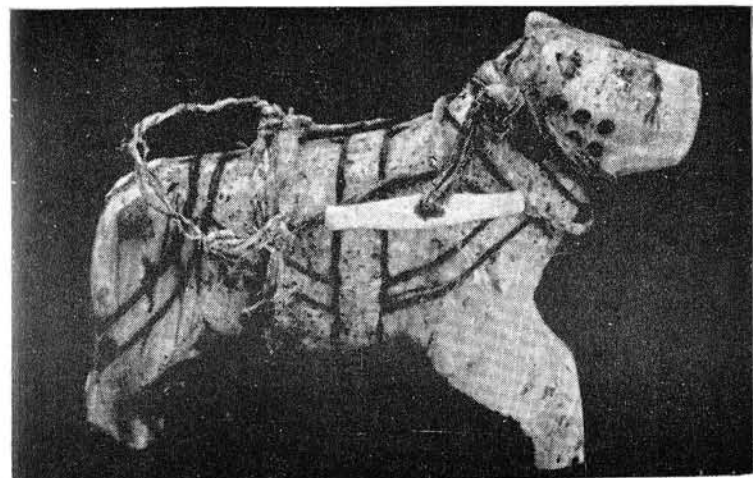
Морж (коллекция МАЭ, № 442—28).

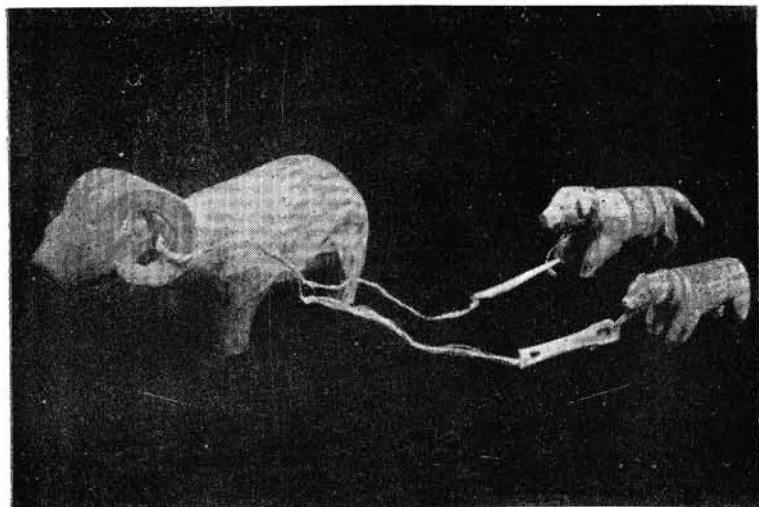
Собака (коллекция МАЭ, № 442—28).

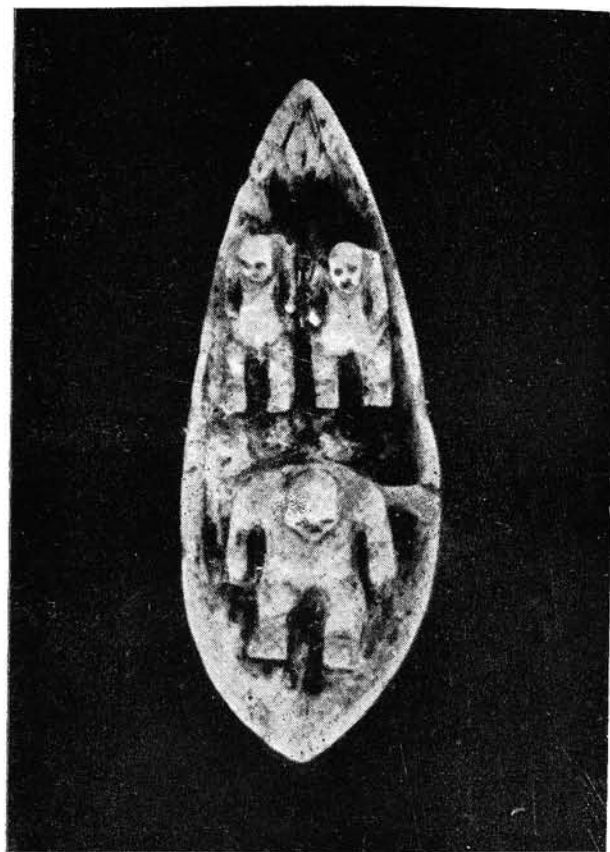
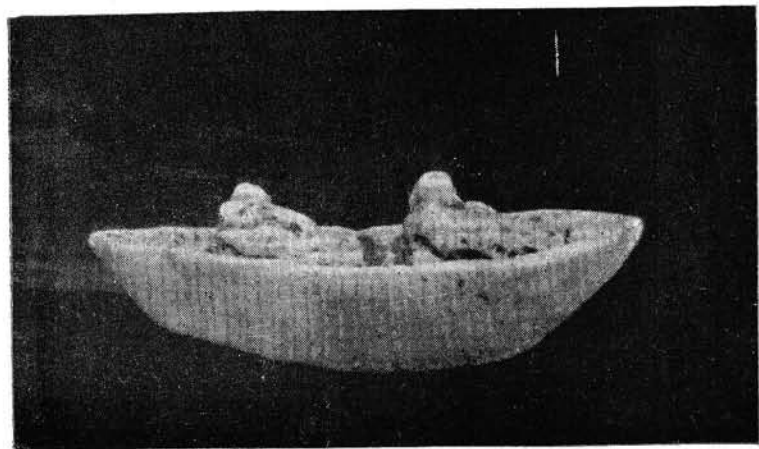
Собака (коллекция МАЭ, № 442—28).

Собака в упряжи (коллекция МАЭ, № 442—28).

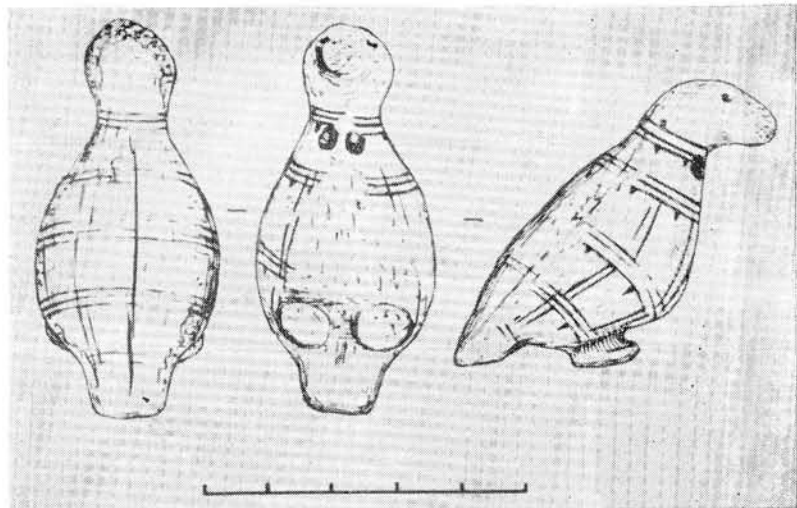

Баран и две собаки на привязи (коллекция МАЭ, № 442—28).

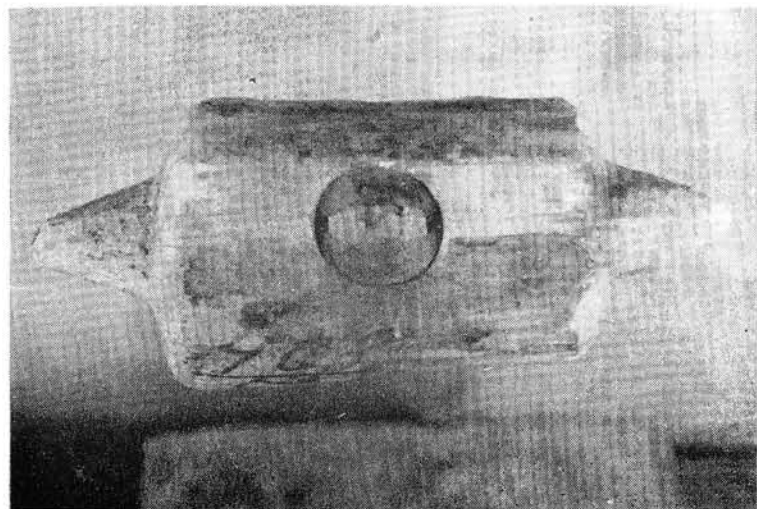
Байдара с людьми (коллекция МАЭ, № 442—28).

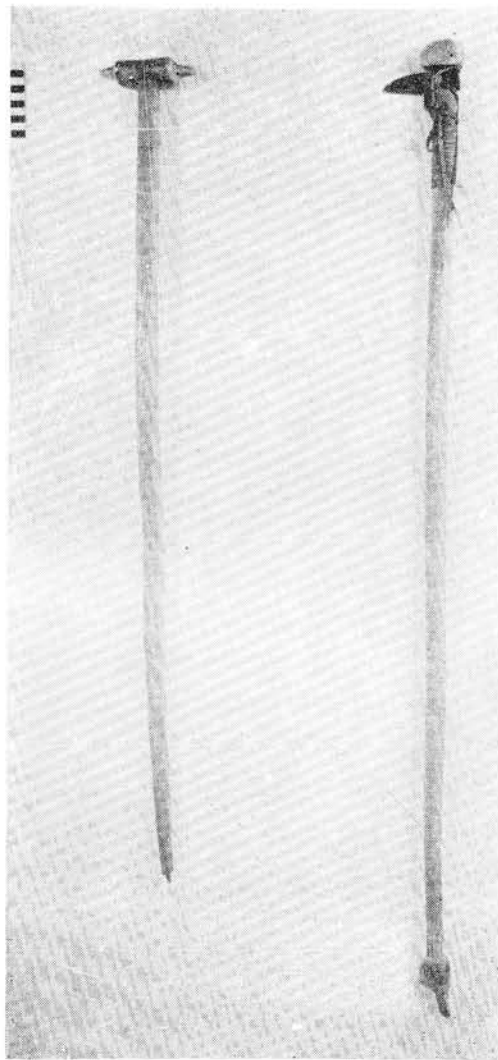

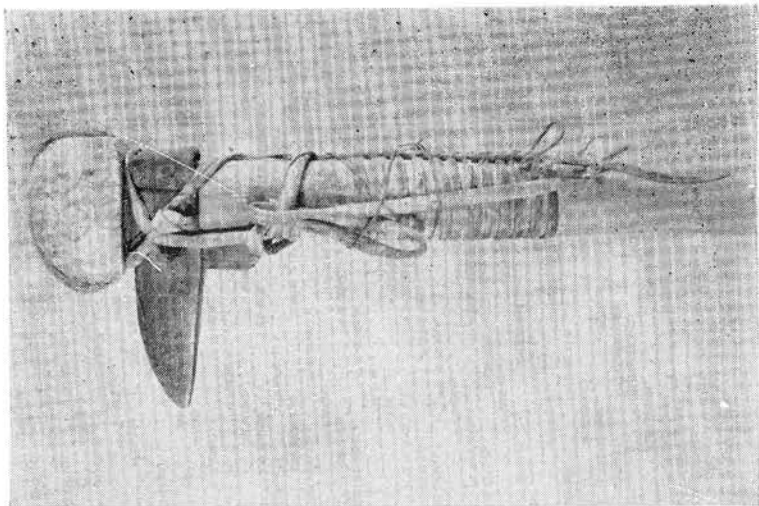
Фигурка совы.

Фрагмент медвежьей дубинки (коллекция МАЭ, № 408—57).

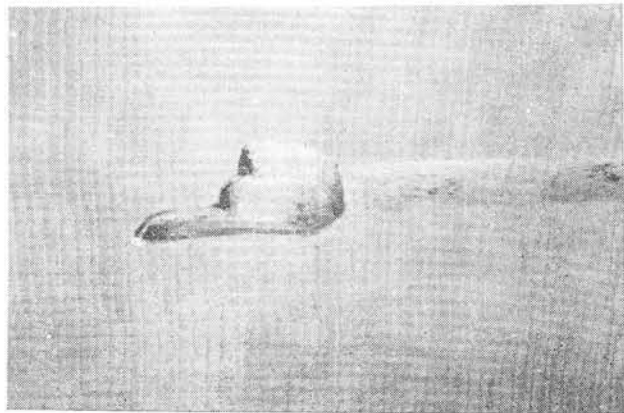

Медвежья дубинка, или «калувианан» (коллекция МАЭ, № 408—56, 57).

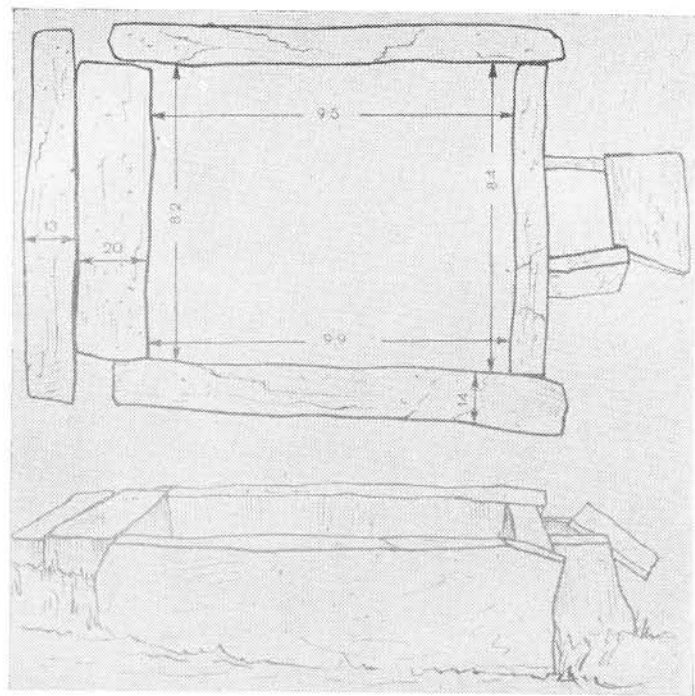
Фрагмент медвежьей дубинки (коллекция МАЭ, № 408—56).

Фрагмент медвежьей дубинки (коллекция МАЭ,
№ 408—56).

Сказитель Коравье — Евтагин Иван.

Очаг, обнаруженный в 1975 году.

А. А. Ресин назвал людей, которые жили по «Апукинскому и Туменскому берегу» «чукмарями»¹. Он писал, что «чукмари» заметно отличаются как от коряков, так и от чукчей. К ним не заходят ни русские кунцы, ни иностранные суда... Они идолопоклонники... Встречались такие, которые не знали употребления спичек и не брали их... Женщины у этого народа имеют заметно большее значение, чем у других: они руководят всем хозяйством, принимают большое участие в торговле и на вид кажутся развитее мужчин...»².

По этим небольшим сведениям можно предположить, что А. А. Ресин имел в виду кереков. Действительно, до начала XX века керекы были изолированы от культурных народов, почти не встречались с европейцами, не имели понятия ни о чае, ни о табаке, предметы из металла и другие материалы имели для них огромнейшую ценность. В представлениях кереков металлические изделия были доставлены людьми, состоящими целиком из металла. Так, в сказке «Плунтыкан'элан» — «Владеющий железным крючком», записанной мной от кереков, повествуется о канибалле, пожирающем людей, после гибели которого отдельные части его тела превращаются в котлы, чайники, ружья и даже бусы. Все металлические изделия керекы получали через посредничество чукчей и коряков в очень незначительном количестве.

А. А. Ресин также отмечал, что в жизни «чукмарей» большую роль играла женщина. Как правило, у кереков всеми хозяйственными вопросами занималась старейшая женщина в семье, она распоряжалась продуктами, с ее разрешения и совета мужчины совершали те или иные поступки. Этот пережиток матриархата нашел свое отра-

¹ См. предисловие: «Загадка побережья Берингова моря», с. 10, 11.

² А. А. Ресин. Очерк инородцев русского побережья Тихого океана. СПб, 1888, с. 26.

жение и в керекском фольклоре. «Ыллапилякай — бабушка», — обращается в одной сказке Милуткалик — Заяц-мужчина к своей бабушке и спрашивает у нее разрешения идти на промысел. И только после долгой перебранки бабушка разрешает ему пойти в кустарник за корой.

«В настоящее время керекки совершенно обнищали и быстро вымирают, — писал в начале XX века В. Г. Богораз, — но, согласно своим преданиям, они были раньше сильнее и многочисленнее, имели большие кожаные байдары и жили охотой на моржей. Они ходили за моржами на большое лежбище в глубине Анадырской губы, остатки которого сохранились до начала XX века»¹.

Есть еще одно подтверждение, что в районе Туманской жили керекки. Один мой хороший знакомый молодой чукча, родом с Туманской, носит имя Керек. Это имя, как он объяснил сам, ему было дано в память о кереках, живших на Туманской.

Левобережье горловины лагуны Тымна очень удобное место для постоянного жилья. Здесь много рыбы, часто заходят с моря нерпы и лахтаки, уютные заливчики, незатопляемый берег. Видно, что люди селились здесь с древнейших времен. Остатки углублений от полуподземных жилищ по своему расположению очень напоминают землянки Земли Гека. Можно предположить, что и там и тут жили люди одной культуры. Это не могли быть ни приморские чукчи, ни эскимосы. Главный признак древних поселений приморских чукчей и эскимосов — стойки из китовых челюстей, врытых в землю, глубокие и широкие ямы — «увэрат» для мяса. Мы не видели таких отличительных признаков здесь, на Туманской. Примечательно, что и современные постройки рыбацких домиков расположены в черте древнего поселения.

¹ В. Г. Богораз. Чукчи, ч. 1. Л., 1934, с. 41.

Второе поселение, известное по документам, располагалось на самой Туманской в 25 километрах от устья. Это, видимо, была летняя стоянка оленеводов и чукчей. Там в конце XIX века, когда было учреждено отдельное окружное управление в Анадыре, организовалась Туманская ярмарка близ горы Иргун'эй. А после, уже в советское время, здесь была открыта фактория, которая снабжала продуктами и босприпасами чукчей, кочевавших по тундре, и рыбаков, живших на побережье.

Келевги и его бригада

На Туманской мы пробыли пять дней. Привели в порядок лодку, мотор, сходили с Иваном Куттегиным километров за сто вверх по реке, осмотрели древние жилища и познакомились с обитателями рыбалки, рыбаками совхоза «Коммунист» Беринговского района.

В облике бригадира Келевги было что-то отличительное от обычных чукчей, которых нам приходилось встречать в других районах, — высокий рост и более темный цвет продолговатого лица, своеобразный разрез глаз, удлиненный и внизу слегка приплюснутый нос. Медлительные, размеренные движения, равнодушный, как бы скользкий поверху взгляд придавали ему вид угрюмого и несловоохотливого человека. На все вопросы он отвечал кратким «и — да» или «ванэван — нет», лишь иногда добавляя какой-нибудь весомый эпитет.

Все делал Келевги спокойно, не спеша, основательно и никогда не сидел без дела. С утра он с ребяташками проверял сети, стаскивал рыбу под навес, где ее тут же обрабатывали женщины. Часов в одиннадцать он заводил «Пенту» и переправлялся на другую сторону горловины

к рыбакам Куттегину и Керо за икрой. Возвращался и сдавал икру Наташе на обработку.

Келевги был изобретательным человеком. Однажды утром мы застали его возле деревянной лодки. Он сосредоточенно рассматривал обломок шлюпочного весла, найденного им после шторма на берегу моря. Утро было ветреным и солнечным. Комары забились в траву и не досаждали ему нудным гудением. Видимо, удовлетворенный своим техническим решением, Келевги отложил весло, посмотрел в нашу сторону и после долгого молчания, показав на «Пенту», выдал:

— Льяпойгы! Руль!

Хотя и много труда вложил Келевги в свою байдару, но ему почему-то надежнее показалась деревянная лодка. Он долго и старательно устанавливал мотор на транце. Но у «Пенты» не было румпеля, и он древним чукотским теслом — «гаттэ» обрубил весло и прикрутил его проволокой к блоку мотора. Теперь ему удобнее было управлять лодкой.

Как-то я не мог завести свой «Вихрь».

— Келевги, посмотри-ка, что с мотором? — крикнул я ему по-чукотски.

Келевги подсел ко мне в «Прогресс» и, немного подумав, сказал:

— Туй!

Я ничего не понял.

— Туй, туй, туй! — громко повторил он.

Наконец-то до меня дошло: надо продуть цилиндры, так как мотор пересосал горючее. И действительно, после продувки цилиндров мотор завелся с первого рывка. Мы тут же сходили с ним на «Прогрессе» на другую сторону горловины, забрали у рыбаков икру и вернулись обратно. Гордый и довольный Келевги сошел на берег. Практически он хорошо знал моторы, и его «Пента» работал безотказно.

А угрюмость Келевги оказалась чисто внешней. Постоянное проживание вдаль от поселков, одиночество наложили свой отпечаток. На самом деле он был добрейшим и отзывчивым человеком. И характеристика, данная в свое время В. Г. Богоразом телькепским чукчам, никак не подходила к Келевги. Когда-то его предки выпасали стада по долинам рек Туманская и Великая, но постепенно из-за частых эпизоотий и гололеда лишились оленей и перешли на берег, где стали заниматься рыболовством и охотой.

Вечерами возле нашей палатки всегда горел большой костер. Мы занимались заполнением дневников, разметкой маршрутов и готовили ужин. Приходила к костру посидеть и попить с нами чай икрянщица Наташа Нотат. Первое время Наташа тосковала по многолюдному Альтаау, сетовала, что ее послали в такую глушь. Но после втянулась в работу, а все свободное время проводила с нами.

Мы часто помогали Келевги и Наташе выбирать рыбу из сетей. Бьется серебристая нерка или кета, норовя выскользнуть из рук, вяло сопротивляются нежный сиг и сельдь. Попадаются и плоские камбалы, и головастые бычки, и золотистые наваги, и крупные пятнистые голецы. Всем богата лагуна Тымна. Нерпы выныривают совсем близко и пристально наблюдают за берегом. Иногда, чтобы они не наделали беды рыбакам, забравшись в сети, мы отпугиваем их выстрелом из ружья. На запах свежей рыбы слетаются чайки. Их стаи похожи на хлопья пены, взбитые волной. После мы тащим самок нерки и кеты в цех. Там Наташа священнодействует над алыми гроздьями икры. В полутемном цехе кажется, что икрянщица пересыпает в ладонях ярко тлеющие угольки.

Эта жизнерадостная и круглощекая девушка была прямым потомком кереков. Она приходилась дочерью кереку Ивкеу из Мейныпильгыно. К сожалению, выросла

Наташа в чукотском окружении и ничего не знала о прошлой жизни своих предков, не помнила ни слова по-керекски. И то, что мы ей сами рассказали о кереках, было для нее совершенно новым и неожиданным.

Приходил на наш огонек еще один рыбак, Иван Куттегин. Он был родом из губы Гавриила, исходил и изъездил все южное побережье Анадырского залива, прекрасно знал эти места. Куттегин охотно рассказывал нам о характере берегов, показывал, где можно высадиться в случае шторма, прочерчивал ногтем на карте входы и выходы в лагуну и из лагуны, обозначал фарватеры. Интересные сведения он дал нам и по топонимике.

Только Керо одиноко жил на левой стороне горловины, ловил рыбу, готовил для Наташи икру, наблюдал за совхозными ездовыми собаками и заготавливал приманку для зимней пушной охоты. Но он всегда был рад нашему приезду. Услышав звук «Вихря», неизменно ставил чай и выходил встречать. У него очень приятное лицо с добрыми карими глазами. В своем рыбацком костюме, с сигаретой в зубах, со смоляно-черной редкой бородкой, он напоминал бывалого и словоохотливого боцмана. Мы всегда от души хохотали над его остроумными рассказами на смешном чукотско-русском жаргоне. И было удивительно, как этот человек, проживший тяжелую скитальческую жизнь в «стране» Туманской, сохранил столько природного юмора и оптимизма.

Во время наших чаепитий Керо не раз, глядя на часы, прерывал беседу и включал «Спидолу», установленную на волне чукотского радио. Он всегда очень внимательно слушал передачи на чукотском языке, стараясь не пропустить ни одного слова...

23 июля. Понедельник.

Мы решили воспользоваться установившейся погодой и продолжить свой путь. Разведка с берега извили-

стого южного выхода, советы Келевги и Куттегина помогли нам спокойно выйти из лагуны Тымна. В море плавню перекатывались крупные пологие волны. Мы взяли курс к следующей лагуне. На картах она называется Кейнгыпильгын, то есть «Медвежья горловина», но обитатели Туманской называли ее К'эн'упилгын, что значит «к'эн'у/к'ан'о» — «пена», «пильгын» — «горловина», буквально «пенистая горловина».

Было жалко расставаться с гостеприимными туманцами. Огибая косу Готовцева, мы видели, как они стояли на гребне холма, махали нам руками, желая счастливого пути.

До устья лагуны Кэнупильгын было около 50 километров. Справа по борту потянулся низкий песчаный берег, иногда виднелись небольшие холмы. Подул резкий северо-западный ветер. На море появилась рябь, усилился накат у берега. Шли долго. И только в 18 часов 15 минут спокойно вошли в горло лагуны Кэнупильгын. Причалили у южной оконечности длинного острова, расположенного внутри лагуны. Вдали виднелись горы. Резко выделялась своей острой вершиной гора Кэнкэрэн.

Лагуна мелководна. С вершины песчаного холма видны многочисленные отмели и косы. Остров напомнил своими очертаниями маховое перо птицы, оброненное в воду.

Уже с первого взгляда можно определить, что этот остров — самое удобное место для заселения человеком. В отлив он соединяется своей северной частью с сушей. Здесь настоящее птичье царство. Особенно много уток-га и чаек.

Наш первый маршрут — к землянкам, что некогда стояли на песчаных холмах. Под действием постоянных сквозных ветров холмы разрушаются и перемещаются как барханы. Поэтому проследить какую-либо систему в расположении жилищ трудно. Ничего интересного на-

так и не удалось найти, разве что шурфы, оставленные геологами-четвертичниками, да массу замшелых костей китов и моржей и недавние следы очагов от яранг оленеводов.

Обратно я шел вдоль небольшого обрыва по берегу, а мой напарник Гунченко — тундрой. Мне встретилось несколько вражских нор, развороченных медведем. Неизвестно, поймал ли он хоть одну вражку, но поработал солидно. Мы и за целый день не смогли бы лопатами перебросать столько земли, сколько перекопал ее косолапый. Из-под ног вылетела гага. В кочках под карликовыми кустами я обнаружил гнездо, аккуратно выложенное мягким и нежным пухом. Уже многие выводки гаг были на воде, но эта почему-то задержалась. В гнезде лежало семь крупных светло-зеленых яиц. «И как это не нашел гнезда медведь? — подумал я. — Может, он и вспугивает гагу и не дает ей высидеть яйца».

Вечером, когда мы ужинали у полыхавшего на берегу костра, к нам в гости прилетел чаечонок. Грязно-серого цвета, с изогнутым клювом, он как-то неуклюже, боком подскочил к нам. Мы кинули ему несколько кусков рыбы. Он сначала недоверчиво покосился на нас, потом быстро подобрал куски. Они были большими, но он, помотав в разные стороны головой, легко проглотил их. Зоб у чаечонка на наших глазах резко раздулся. Наохлившись, он долго сидел на песочке в нескольких метрах от нас. Видимо, не очень-то сытно живется ему на этом безлюдном острове...

Оставаться на почевку в лагуне не было смысла. Мы не знали, какая погода нас ожидает завтра. Плохая грозила запереть на этом птичьем острове в соседстве с медведем. А в сорока пяти километрах на юго-востоке устье реки Алькатваам, там стояла рыбалка и жили люди. Берем курс на юго-восток. Справа по борту потянулась коса Тапангэрғын с большими песчаными дюнами, некоторые

из них похожи на огромные разрушившиеся землянки. Слово «тапан» — керекское и обозначает долину, ровное место, или точнее — длинную галечную косу.

Становится холодно, быстро темнеет. Очертания берега, служившие нам ориентиром, тоже растворяются в ночи. В темноте проскочили устье реки Алькатваам, спохватились, когда уже домики рыбалки, кое-как различимые за низкой косой, остались позади. Поспешно вернулись и, вслепую потыкавшись в приустьевых отмелях и не обнаружив вход в реку, причалили чуть ниже рыбалки. Осмотревшись, на бечеве втянулись в устье реки.

Алькатваамцы

25 июля. Среда.

Утро было ясным. Солнце стояло уже высоко. На левом берегу у самого моря возвышался холм, напоминавший круглую буханку черного хлеба. Река, как ножом, срезала небольшой край холма, размыла и вынесла в море. На этом холме у самого озера и расположилась совхозная рыбалка. Над трубами домиков и полуземлянок столбом висел в неподвижном воздухе прозрачный дымок, сочилась ярким рубиновым цветом на вешалах свежая, только что разделанная рыба.

Было приятно чувствовать, что рядом люди. На Чукотке они всегда добры и очень внимательны к гостям. Но вот два рыбака в сотне метров от нас выбирали сеть и, как ни странно, не проявляли к нам абсолютно никакого внимания. Это нас совершенно обескуражило. Чтобы не показаться назойливыми, решили немного выждать. У меня, как этнографа, возникла тревога — трудно будет войти в контакт с этими людьми. Развели на берегу

костер, вскипятили чай и незаметно стали наблюдать за рыбаками. Они проверяли и снова ставили сети, стаскивали рыбу к разделочным столам. По теплой гальке бегали малыши, кидали в нашу сторону блинчиками плоские камешки. По берегу носились собаки и недружелюбно полаивали на «Прогресс». Закончив чаепитие, мы на веслах, чтобы не наскочить на сети, переправились на другую сторону.

Рыбаки столпились на берегу и молча смотрели на нас. Встретили холодно. Даже чукотское приветствие «Етти!» и обращение на родном языке не удивило их.

— Как пройти на реку? — решил я нарушить молчание.

Старый низенький чукча, как мы потом узнали, бригадир Аканто, неопределенно махнул рукой в сторону лагуны. Так ничего и не поняв из его жеста, я решил сам подняться на вершину холма, чтобы увидеть вход в реку.

Устье реки со стороны моря прикрито узкой песчаной косой, на которую мы и налетели ночью. Фарватер проходил у левого берега и огибал косу в полукилометре к северу.

В 10 часов мы покинули негостеприимных рыбаков и пошли вверх по реке к поселку. Благополучно обогнув косу, вошли в реку. Вначале она глубокая, но выше все чаще и чаще стали встречаться перекаты. Пришлось кое-как ползти то на моторе — на плесах, то бечевою — на перекатах. Вода была настолько чистой и прозрачной, что видны были быстрые тени мелькающих хариусов и гольцов. Берега кустистые, зеленые. Жарко и безветренно. Измотались вконец. До поселка, что расположился на высоком левом берегу реки, не дотянули километров пять. Остановились на ночлег в небольшой глубокой излучине реки.

В полукилометре от нас по склону горы пастухи гнали стадо оленей к берегу моря. Издали казалось, что ка-

тится вниз лавина разноцветных камней. Одолеваемые оводом и гнусом, обезумевшие животные метались в разные стороны. Одни мчались на вершину горы на ветерок, другие — к реке, в густой кустарник. Было тихо, и до нас доносились натруженные голоса и понукания пастухов, горланное хрипение важенков, разыскивающих в кустах своих телят.

Подгоняя отставших животных, нам навстречу бежали два пастуха. Увидя нас, они остановились. В одном из них я узнал молодого пастуха Виктора, знакомого мне еще по Земле Гека. Оказывается, пока мы шли морем, Виктор на вертолете успел перебраться к пастухам. Видимо, здесь он сейчас был нужнее. Лицо и голос другого мне тоже показались знакомыми.

— Геннадий Пананто, — представился он. И все сразу стало ясно: я видел его в 1965 году в Магадане на сцене Дворца профсоюзов, где он талантливо исполнял песню и танец-пантомиму «Олененок».

Мы понимали, что пастухи торопятся к своему беспокойному стаду, и не стали их задерживать, только спросили, как лучше пройти к поселку. Еще утром мы разрубили топором последний кусок затвердевшего анадырского хлеба, высыпали оставшуюся щепотку чая, и Эдуард вызвался сходить в поселок за продуктами. Нужно было также отправить телеграммы в Анадырь и Магадан. Пастухи рассказали нам, как найти переправу.

Вечером мы уже пили чай с вкусным и мягким аляктамским хлебом.

26 июля. Четверг.

С утра теперь уже я отправляюсь в поселок. Нужно решить проблему с горючим. Эдуард остается приводить в порядок лодку и свою одежду: за этот переход мы так поизносились, что нас, вероятно, принимают за «терек'ы» — диких людей.

В Алькатвааме я был в декабре 1969 года, когда проводил там перепись населения. Поселок весь был под снегом и показался мне каким-то беспорядочным и неудобным. Но уже тогда Алькатваам строился. На улице гудели тракторы, шумела пилорама, доносился стук топоров. Сам поселок молодой. В 1947 году образовалось товарищество «Коммунист». Его организатором был Макаров, который и сейчас живет в Алькатвааме. Вначале поселок, состоявший из двух-трех домиков, нескольких полуяранг и полуземлянок, располагался в устье реки, на месте современной рыбалки. После товарищество было реорганизовано в колхоз и произошло слияние его с более мелкими хозяйствами. Когда на Алькатваам переселились жители с Земли Гека и Туманской, место для центральной усадьбы колхоза было выбрано на этом уютном холме. Таким образом поселок объединил всех когда-то разрозненных обитателей огромной «страны» Туманской. Основной отраслью хозяйства было и есть оленеводство, вспомогательные — рыболовство и пушная охота. Хозяйство быстро росло, крепло экономически и в 1967 году было реорганизовано в совхоз.

Секретарь сельсовета Наташа Пеневги, черноглазая молодая женщина, знакомая мне по переписи 1969 года, очень удивилась, увидев меня, и никак не могла поверить, что мы пришли на лодке из Анадыря.

— Помнишь, ты приглашала приехать к вам летом. Вот мы и приехали. Действительно, хорошо у вас летом.

Мы посмеялись, вспомнив, как они с Анной Анганой, уставшие от выверки переписных листов и составления сводных таблиц, свалились на пол прямо в сельсовете и крепко заснули.

— Досталось нам тогда здорово, — смутилась Наташа.

— Да, — согласился я, — зато сделали большое дело.

Из сельсовета я направился в контору совхоза. Заместитель директора Геннадий Петрович Николаев заверил

меня, что бензин и масло нам дадут. Я записал расчетный счет совхоза и сказал, что институт заплатит за горючее.

— Да что вы! — возмутился Геннадий Петрович. — Мы дадим вам бензин так, за то, что вы совершили такой переход. К тому же мы ваши должники — это ведь вы в прошлом году на Земле Гека выручили наших рыбаков, когда отремонтировали и восстановили им мотор «Вихрь».

— Да. Было такое, — согласился я, — но все равно счет пришлите.

После Геннадий Петрович охотно рассказал мне о делах совхоза, посетовал на крайне тяжелое положение в стаде: многие олени заражены копыткой. Это как раз то стадо, которое нам встретилось. Но меры уже приняты, идет выбраковка, забой больных оленей, химическая обработка и перегон стада. Бригаде специально выделен трактор ДТ, который в течение целого месяца будет сопровождать оленеводов. Мне понравилась такая оперативность дирекции совхоза.

Из конторы совхоза я отправился походить по поселку. Он сильно изменился с декабря 1969 года. Радовали глаз новая просторная и уютная столовая со светлыми большими окнами, двухэтажные дома с центральным отоплением. Особенно приятное впечатление производил клуб. Он расположился в центре поселка. Слепительно белый снаружи, клуб был просто и со вкусом оформлен внутри. Красивые бархатные гардины свешивались с окон, стены украшали нарядные плакаты, чисто, уютно. Здесь, в этом клубе, проводит свои репетиции известный в области и за ее пределами чукотский самодеятельный ансамбль песни и танца «Олененок». Руководит им энтузиастка чукотского музыкально-хореографического искусства Елена Нутекеу. И часто можно слышать в эфире замечательные песни алькатваамцев, песни о новой, счастливой жизни.

Пока я ходил в поселок, Эдуард поставил палатку, выдраил до блеска лодку и заштопал дыры на своих штанах и свитере. Вечером пришел трактор. Напоили тракториста Виктора Кулагина чаем и договорились, что он сгрузит бензин чуть ниже по реке. Виктор заторопился, так как надо было догнать стадо и за ночь все приготовить для химической обработки оленей. Теперь он вернется в поселок месяца через три — будет сопровождать оленеводческую бригаду. Идти в рейс на тракторе в одиночку за 100—200 километров и сопровождать стадо — на это решится не каждый. Но Виктор считал это обыкновенным производственным заданием, которое надо выполнить.

27 июля. Пятница.

Утром снялись с лагеря и стали спускаться по течению. Иногда приходилось перетаскивать лодку через перекаты. На полпути к устью увидели трактор. Он стоял на пологом склоне, окруженный оленями. Мы оставили лодку у берега и пошли к пастухам.

Надсадно и недовольно гудели в кустах оводы. Стадо недавно обрабатывали химикатами, отпугивающими этих назойливых насекомых. Ни одному животному не достается от оводов больше, чем оленю. В июле оводы начинают кладку яиц. Они прокалывают кожу оленя и откладывают под ней яйца. Жгучая, нестерпимая боль гонит обезумевшее животное по тундре. На этот раз олени блаженствовали. Прижавшись друг к другу, они лежали на ветерке и спокойно спали.

В небольшом отдалении обедали пастухи. Они пригласили нас отобедать вместе с ними, и мы с удовольствием согласились.

Невольно привлек наше внимание бригадир Иван Пананто. Он был среднего роста, коренастый, с обветренным и обожженным горячими лучами солнца лицом — настоящий житель тундры. В его словах чувствовалась хо-

зайская озабоченность, деловитость. Даже сейчас, во время отдыха, он с трудом сидел на месте и бросал тревожные взгляды на отдыхающих оленей. Бригадир спешил перегнать стадо поближе к морю, где будет легче ступать большим копытам оленей.

С ним вместе перегоняет стадо его брат Геннадий Пананто. Он несколько выше ростом, но у него такое же смуглое лицо, стройная, крепкая фигура. Ему уже давно за сорок, но в беге за стадом он не уступит и молодому пастуху. Работает Геннадий заведующим красной ярангой, сейчас находится в отпуске. Узнав о бедственном положении в стаде, он отказался от всяких путевок в санаторий и пришел на выручку брату. Геннадий великолепно знает тундру, любит ее. Вот откуда у него такая выразительность в танцах-пантомимах и песнях. Особенно хорош его танец «Олененок». В скупых, но выразительных движениях Пананто очень точно передает беспомощность только что народившегося теленка, его удивление солнцу и всей окружающей природе. Но теленок слаб только в первые минуты рождения. Вот он уже набирается сил, встает на свои ножки, а они, оказывается, такие длинные, и олененок еще неуклюже бежит за матерью...

Этот танец пользуется огромной популярностью у жителей Чукотки. Неоднократно он исполнялся на сцене областного центра...

Вскоре забеспокоились олени. Пастухи быстро собрали свое скромное имущество и погрузили в сани. Мы пожелали им счастливого пути. Через некоторое время стадо медленно двинулось по тундре.

Виктор завел трактор и подогнал его к берегу. Мы наполнили все канистры бензином, заправились автолом и завели мотор. Через полчаса уже были на рыбалке.

На этот раз обитатели рыбалки встретили нас приветливо. Бригадир Аканто, низенький, подвижный, очень смешной в своей расшитой бисером коряжской шапке и

III. ПО ЗЕМЛЕ ДРЕВНИХ КЕРЕКОВ

кухлянке с меховыми кисточками и бусинками на концах, суетился около нас, предлагал чай, свежую рыбу. Другие рыбаки тоже приветливо улыбались, расспрашивали нас. Мы были удивлены такой перемене в настроении рыбаков. А объяснялось все просто. В субботу и воскресенье сюда наезжает масса рыболовов-любителей и иные из них браконьерствуют, пользуясь недозволенными способами лова. У рыбаков часто оказываются пустыми сети, а иногда пропадают и сами сети. И нас они вначале тоже приняли за браконьеров. Мы посмеялись над таким недоразумением, попили чай у рыбаков и стали готовиться к выходу в море.

Вечером удачно вышли из устья реки Аькватваам, за десять минут прошли четыре километра и на полном ходу, засасываемые бешеным течением, влетели в узкое горло лагуны Куймэкэй, расположенной у отрогов мыса Гинтера.

Стоянка в бухте Угольной

18 июля. Суббота.

В четыре часа утра мы уже были на ногах. Решили не задерживаться здесь и идти дальше, пока нам сопутствует хорошая погода.

Мы прошли сравнительно спокойный участок маршрута. Впереди нас ожидал скалистый отвесный берег, подводные рифы, грозные высокие мысы, далеко впадающие в море, у которых и в хорошую погоду бывает неспокойно.

В 6 часов 15 минут на веслах мы удачно вышли из лагуны Куймэкэй. На море стоял полный штиль, вода лоспилась, словно политая жиром, но было пасмурно. Берег, вначале ровный и низкий, вдруг круто пополз в небо, превратившись в высокую отвесную скалу. Это вышло к морю своей северной оконечностью Корякское нагорье. Оно сложено мощными пологозалегающими толщами туфогенно-осадочных пород. Непрístupные со стороны моря скалы прорезаны узкими ущельями, «висячими» долинами и речушками, ниспадающими вниз водопадами. Скалы усеяны птицами, типичными эндемиками птичьих базаров. Из-под носа лодки то и дело выныривали бело-грудые кайры, толстоносые топорки и бойкие чистяки.

Они, смешно взмахивая крылышками, прокладывали дорожки и шустро мчались по воде. Мотором им служили крылья.

За мысом Гинтера со стороны моря нам навстречу пошли большие и широкие волны. Мотор напрягся и натруженно ревел, когда лодка, буравя носом воду, поднималась на вал, и визжал, набирая страшные обороты, когда она катилась вниз.

Прошли половину намеченного пути. Берег изменился. Теперь это сплошная высокая стена без каких-либо выступов. На море по-прежнему полный штиль, но валы стали еще больше и круче. Уже на подходе к острию мыса Барыкова вдруг увидели в сотне метров от нас неожиданно возникший огромный бурун. Я встревожился. Руки крепко вцепились в штурвал. Пришлось круто изменить курс, взять мористее.

— Следи за морем! — прикрикнул я на Эдуарда, собиравшегося сфотографировать убегающего из-под носа лодки топорка.

Попасть в такой бурун — все равно что нырнуть в глубину океана с надеждой никогда не вынырнуть. Причина столь неожиданного возникновения бурунов тогда для меня была загадкой, и лишь в Магадане в беседе с геологами, занимающимися изучением процессов формирования современных галечных наносных кос, мне все стало ясно. Напротив мыса Барыкова тянулась большая банка, то есть отмель. Зыбь, шедшая из просторов Тихого океана, наталкивалась на эту отмель, и на мелких участках самые большие валы вдруг превращались в шумные и коварные буруны, которые катились по воде и постепенно через одну-две сотни метров исчезали.

Мы свернули вовремя. Справа по борту увидели еще несколько неожиданно возникших бурунов. Наконец из-за мыса показались суда, стоявшие в бухте Угольной, по низкому галечному берегу растянулись дома поселка Бе-

ринговского. Начали попадаться доски, бревна и прочий хлам, который отливным течением выносило в море. Зная, что у берега приличный накат, мы несколько втянулись в бухту и взяли курс на горловину лагуны Лахтина.

В 9 часов 15 минут при сильном встречном отливном течении спокойно вошли в лагуну и бросили якорь в первой же бухточке. Начальный этап пути был пройден благополучно. Мы преодолели около пятисот километров с учетом маршрутов по рекам и лагунам.

В середине дня на другой стороне протоки появилась грузовая машина, пришедшая за рыбаками из Беринговского. Мы воспользовались этим, и Эдуард уехал в поселок, чтобы сделать официальную отметку о нашем прибытии и сообщить о благополучном завершении перехода Анадырь — Беринговский. Договорились, что на обратном пути он будет искать «Прогресс» на берегу лагуны Лахтина поближе к поселку.

После отъезда Эдуарда я прошелся по правому берегу протоки. Место очень удобное для заселения. Видимо, в прошлом в лагуну Лахтина входили несметные косяки красной рыбы, забирались нерпы и лахтаки, рядом в озерах водилась дичь, недалеко было и до птичьих базаров. Я сразу же натолкнулся на большие углубления, обильно заросшие травой, — следы древних землянок. Дальше у устья протоки хорошо были заметны свежие следы недавнего поселения. Здесь в 30-х годах стояли керекские землянки и жило несколько семей. Потомки этих кереков живы и сейчас. На озере Ваамочка живет керек Кежгынтто, в местечке Куэт недалеко от Мейныпильгыно каждый год рыбачит и промышляет песцов Константин Аратович Турылькот, работает прачкой в Мейныпильгыно Екатерина Хаткана. Это местечко по-керекски называется Хачхатаин, то есть место, где кончаются птичьи базары.

В 1887 году экспедиция капитана А. А. Остолопова на клипере «Крейсер» в этой бухте обнаружила мощные

пласты угля. В советское время здесь были проведены геологические изыскания и начата его промышленная добыча. Сейчас поселок Беринговский — центр угольной промышленности Чукотки, где живут шахтеры с уже сложившимися северными традициями.

В час ночи меня наконец-то отыскал Эдуард. Он пришел с ошеломляющей новостью. На обратном пути из поселка у самой взлетной полосы в котловане, из которого брали экскаваторы гальку и песок для строительства аэродрома, Эдуард обнаружил следы древней стоянки.

Утром мы поспешили туда. Внешне на местности древние жилища ничем не проявлялись, видны лишь песчаные холмы. На глубине от двух до трех метров пролегал культурный слой, вскрытый экскаватором. Обилие полуистлевших костей китов, моржей, нерпы и особенно птицы наводило на мысль, что основным средством существования обитателей этих жилищ был морской промысел, птицеводство и, конечно, рыболовство. Не потомков ли этих обитателей имел в виду Т. И. Шмалев, когда в 1777 году писал, что «...на Хатырке неплатежных коряк множество и живут в земляных юртах в трех жилах, четвертое от Хатырки во отдаленности к Анадырскому устью (разрядка наша. — В. Л.); пропитание имеют морскими зверями, птицею и рыбою, також собираемыми кореньем и ягодами»¹. Рядом с костями валялось много целых и расколотых (уже экскаватором) обожженных камней от очагов, каменных светильников, отщепов из роговика, кремневых скребков и много других предметов, свидетельствовавших о древности этого поселения.

Землянки, расположенные на глубине, оказались большими, метров десять в диаметре, имели по нескольку очагов. Особый интерес вызвали очаги, сложенные из длин-

ных, вертикально стоящих плоских каменных плит. Таких очагов мы нигде не встречали, не читали о них и в археологической литературе по Северо-Востоку.

Вечером следующего дня мы отошли к устью протоки лагуны Лахтина и в небольшой бухточке прокоротали ночь, выжидая, когда перестанет хлестать дождь. Это было нам на руку: дождь собьет волну, которая особенно нехороша у мыса Леонида.

Упанкинмын — мыс Отвесный

Дождь шел всю ночь, сильно тарабанил по крыше избушки. Как всегда перед выходом в маршрут, не спалось. При тусклом колеблющемся пламени свечи, под размеренный стук капель дождя хорошо думалось.

Теперь у нас уже не было сомнений, кто жил здесь раньше. Если об обитателях Земли Гека и Туманской мы высказывались предположительно, приводя не очень обоснованные доводы, то сейчас с уверенностью могли заключить, что здесь жили кереки. Об этом свидетельствовали архивные документы и рассказы самих кереков.

Вот здесь, в устье лагуны Лахтина, стояли наполовину врытые в землю жилища — «валхаакку». В одной из таких землянок жила семья керека Таномрына. В 1925 году он неожиданно умер, оставив вдовой керечку Омрыт-вааль с маленькой дочкой Хатканой.

Кереки не сжигали покойников, как, например, чукчи-оленеводы и коряки, не выносили их в тундру, как приморские чукчи и эскимосы, а хоронили в море или же закапывали в землю.

Вспомнив рассказы кереков, я представил эту грустную погребальную сценку.

¹ М. О. Косвен. Из истории этнографии коряков в XVIII в. — В кн.: Сибирский этнографический сборник, IV. М., 1962, с. 286.

В полутемной землянке, в которую лишь через отверстие в крыше прорывалась струя света, у задней стены лежал Таномрын. Лицо и тело его были натерты каменной пылью, добытой трением камня о камень. Пыль предварительно растворили в воде. В знак траура этим составом были намазаны и лица членов семьи, родственников. Чтобы покойник не встал и не натворил беды живым, на грудь ему положили маленький точильный камень — «пынаквун». Все грустны и молчаливы. Вдруг один из старейших родственников ложится рядом с покойником, кладет на его лоб ладонь и, покачивая голову умершего, спрашивает, где бы хотел Таномрын быть похороненным.

— Анкакку! В море! — вскрикивает гадающий, будто услышав это пожелание от умершего.

Тело Таномрына одели в новую, специально сшитую одежду из оленьих шкур с опушкой из белого собачьего меха, туго затянули капюшон, оставив снаружи только нос. Перед этим Омрытвааль еще раз внимательно проверила, нет ли дыр в одежде: если пропустить хоть одну, то у детей и родственников появятся кровоточащие незаживающие раны. Ноги покойника обули в новые торбаса, но вместо соломенных стелек вложили одну лишь соломинку, а подошвы прокололи иглой. К поясу привязали табакерку и макет маленькой деревянной лодочки. Затем тело покойника крепко опутали по рукам и ногам ремнями и увезли на кромку припая, там опустили в воду и толкнули головой вперед в море. Чтобы труп не вздулся в воде, ножом проткнули бок. меховая одежда не давала телу погрузиться в воду, и оно, покачиваясь на волнах, медленно скрылось вдали.

— Не стал никого ждать, один пошел в страну предков, — сказал гадавший, увидев, как течением понесло труп в море.

По-керекскому обычаю детям умершего и близким родным нельзя было присутствовать на похоронах. Ом-

рытвааль и маленькую Хаткану крепко связали и, как собак, посадили на привязь. Когда все вернулись, их отпустили и заставили выть по-собачьи.

Родные братья Омрытвааль, Нутава и Кежгынто, не могли бросить на произвол судьбы бедную вдову. И Нутава, у которого не было своих детей, взял вдову с ребенком к себе, в устье реки Амамкут недалеко от лагуны Лахтина...

Чуть забрезжило. Было четыре часа утра. Я вышел из избушки. По-прежнему моросил мелкий дождь. Наш «Прогресс» оказался на мели. Все еще шел отлив. Чтобы лодка не обсохла окончательно, я разбудил Эдуарда и мы кое-как вывели «Прогресс» на глубину.

В 5 часов вышли из лагуны Лахтина. Накат у берега небольшой, бурунов почти нет. С мыса Леонида и горы Кайамамкут сползают огромные тучи — значит, дождь будет крупным и недолгим. В устье реки Амамкут, где когда-то жил Нутава и Омрытвааль, чуть виднеются рыбацкие домики.

Взяли курс на мыс Низменный. У нас старая карта, а в лоции и на морских картах новых изданий наименование этого мыса — Разбойник. Так он был назван в 1889 году в честь экспедиционного клипера. По-керекски мыс — Чийайалканын, по-чукотски — Чыгагралканын, что значит «стоянка на гальке, на песке». Но с моря мы не заметили никаких признаков старого поселения. Правда, керекки рассказывали, что здесь раньше было большое лежбище моржей.

Через час мы были на траверзе мыса, сделали крутой поворот и взяли курс на мыс Отвесный. Как удачно соответствуют названия, данные этому мысу, на русском и керекском языках. Действительно, мыс круто, под 90°, обрывается к морю. По-керекски мыс Отвесный — Упанкинмын — «палка-скала». Когда смотришь на него с суши, он похож на малахай.

На море тихо, лишь сильное встречное течение да небольшие крутые волны сдерживают ход «Прогресса». Стали попадаться топорки с массивными оранжевыми носами, остроносые кайры, долговязые бакланы, чайки и большие детские сады. Детскими садами мы называли в шутку выводки уток-гаг. Тяжело маме-гаге одной оберегать и воспитывать своих бойких и юрких малышей, поэтому они и организуют свои утинные детские сады. Сходятся пять-шесть гаг, стоняют малышей в одну стайку, с ними остаются одна-две мамы, а остальные тем временем занимаются своими делами, зная, что их детки под бдительным надзором.

Прошли обрывы мыса Низменного, идем вдоль косы лагуны Забытой. Лагуна расположена в глубокой котловине и закрыта высоким гребнем косы, поэтому почти незаметна с моря. Подходим к горловине. Она мелкая, и из нее, как из опрокинутого ведра, хлещет поток воды. С большим трудом на руках втискиваем «Прогресс» в горловину и останавливаемся в тихой и красивой бухточке, прямо у древних землянок.

Распогодилось. Выглянуло солнышко. Местность преобразилась. С одной стороны уходил ввысь склон мыса Отвесного с явно выраженными древними террасами; с другой, — в полукилometре от нас, возвышалась единственная небольшая сопочка, за ней синели воды лагуны Забытой, с пологого склона тундрового холма к воде спустилось стадо оленей. Слышны были хрипы-крики важенков, натруженные голоса пастухов. И казалось невероятным, как можно слышать движение стада за несколько километров.

Чтобы лучше рассмотреть местность, я поднялся на край обрыва мыса Отвесного. У подножия четко выделяются углубления — следы древних жилищ. Вьется между косой и террасой узкое русло протоки. Извилистая протока круто огибает небольшую сопочку. Галечничко-

вая коса напоминает поле боя после сильного артиллерийского обстрела: масса воронок, своеобразных углублений. Но все это шутки мерзлоты и моря. За зиму море намывает большие ледяные выступы, весной оно забрасывает их галькой и песком. Летом солнце прогревает гальку, лед подтаивает, галька осыпается, и образуются глубокие воронки.

Над моей головой подняли вопль тучи чаек. Они занимают верхние этажи скал и потому обеспокоены за свои гнезда и птенцов. Самые воинственные и нахальные, падая с высоты, пытаются стукнуть меня своими крепкими крючковатыми клювами. Пришлось разрядить дробовик и, взяв его за стволы, отмахиваться от чаек. Внизу вьются стаи кайр, топорков, чистиков и медлительных бакланов. Птиц настолько много, что порою они скрывают от меня тихо плещущее море. Глядя на это царство птиц, я невольно представил, как керек в недалеком прошлом добывали здесь кайр. Ведь не случайно мы находили в развалинах древних землянок массу птичьих костей. Для кереков птицеводство было таким же важным занятием, как, допустим, для чукчей — оленеводство, для ительменов — ловля рыбы.

Как керек птиц добывали

Весной, когда скалы оглашались птичьими криками и пернатые усаживались этажами на гнезда, которые устраивали в невидимых с моря расщелинах, незаметных выступах, керек выходили на промысел кайры, топорков, чистиков, бакланов. Ловили птицу разными способами, но самым распространенным была ловля птиц сетью — «пайнинтын». Длина сети около четырех метров,

ширина — два метра, ячеек — восемь на восемь сантиметров. Сеть плели из китовых или оленьих жил. С обеих сторон к сети привязывались тонкие, гладко обструганные палки, к одной из которых крепился длинный прочный ремешок. Сеть наматывали рулоном на другую палку и с отвесной скалы бросали вниз. В полете она распускалась. Встревоженные птицы слетали с насиженных мест. Когда они несколько успокаивались и снова усаживались на гнезда, сеть медленно подымали вверх. Птицы с испугу пугались и застревали в ячейках.

За один прием керекки вытаскивали до ста кайр. Затем женщины искусно обрабатывали птицу. Они не снимали шкуру с перьями (как это делали алеуты, которые шили из птичьих шкур одежду), а насаживали кайру на острую палочку, опаливали на костре и добела зачищали кожу ножом. Затем очень ловко вместе с потрохами извлекали через шейку тушку с костями, сохранив шкурку с жиром и копчиком. Мясо рассекали ножом и вешали вялиться на солнце или в землянке над очагом, а шкурку кайры наполняли яичным желтком, перехватывали у горлышка ремешком и тоже подвешивали на перекладинах. Когда надо было приготовить обед, то керекки снимали с вешалки такие заготовки, бросали их в котел и варили. Получалась очень вкусная еда.

Пока я был на вершине мыса Отвесного, Эдуард обследовал сопочку и пришел с хорошими вестями. Южный склон сопки оказался весь изрыт круглыми глубокими ямами. Здесь стояли древние землянки. На вершине он обнаружил жертвенное место. Из-под мха и травы виднелись черепа моржей, кости нерпы, рога дикого оленя. Рядом было огромное углубление. Расположение поселения на вершине сопочки наталкивало на размышления: не защитное ли это укрепление, не древняя ли крепость?

В чукотских и корякских преданиях много рассказывается о сильных и могучих богатырях — «эрмачъыт», которые побеждали врагов — «таннит». Родились эти предания, видимо, в XVII—XVIII веках. XVIII век был веком бурных событий и больших перемен в жизни народов Северо-Востока. Чукчи в это время накапливают огромные стада оленей и в поисках хороших и богатых пастбищ продвигаются на юг и на запад. При этом происходят вооруженные столкновения с коряками, юкагирами и керекками. Одним из приемов защиты у этих народов было сооружение временных зимних крепостей. Выбиралась небольшая сопочка с довольно крутыми склонами. На ее вершине устанавливали жилища, а склоны обливали водой. Образовывалась ледяная корка. Торбаса на подошвах из кожи скользили на льду, и на сопку невозможно было забраться. Сверху защитники пускали в противника стрелы, метали из пращей камни, а иногда скатывали вниз нарты, груженные камнями, жердями от яранг, положенными поперек.

Сопочка у лагуны Забытой была в этом отношении очень удобной. С ее вершины хорошо просматривалась вся местность, и противника можно было заметить за 15—20 километров. Северо-западный склон сопки, откуда удобнее было появиться врагу, защищен отвесным и гладким, как стена, двадцатиметровым скалистым обрывом.

Юго-восточный склон кажется пологим, но когда поднимаешься на вершину, то чувствуешь его крутизну. А зимой, когда под порывами северо-западных морозных ветров снег утрамбовывается, становится твердым как лед, пожалуй, и не подымешься наверх без специальных приспособлений...

Мыс Отвесный — удобное место для заселения. Рядом птичьи базары, у берега обильно идет рыба, хороший промысел нерпы и лахтака. Кромка припая зимой тянется от мыса Отвесного к мысу Барыкову, постоянные при-

ливо-отливные течения образуют трещины и развodia, в которых и держатся ластоногие. Недаром это место обживалось людьми с древнейших времен и до наших дней, о чем свидетельствуют следы древних и более современных землянок. Но у мыса Отвесного кереки предпочитали жить зимой, а весной, по окончании птичьего промысла, переселялись в устья рек Амакнут и Кайамакнут. Хотя и шла здесь рыба, но она не заходила в лагуну и не поднималась вверх на нерест по небольшим речушкам. Керекам с их примитивными орудиями лова было сложнее ловить здесь рыбу, поэтому они и переселялись на время хода лососевых в устья нерестовых рек.

Лагуна Забытая и мыс Отвесный оставили у нас светлые и приятные воспоминания. Прозрачный и чистый воздух, громкое эхо, которое доносило до нас все звуки и шорохи, теплое, приветливое солнышко — все это отложилось где-то в глубине наших душ. Нам не хотелось убирать палатку, но был последний день июля. Впереди август. Он тих и спокоен в первой половине, а потом начнутся нудные, с туманами и морозящим дождем дни, подуют сильные устойчивые штормовые ветры.

31 июля. Вторник. Пять часов 25 минут.

Тишина. Спокойная гладь моря. Длинные пологие волны лениво набегают на берег. В горло лагуны приливом гонит поток воды. С трудом удерживаясь на гладких и скользких валунах, выталкиваем лодку в море, затем на веслах выходим за пределы бурунов. С одного рывка заводится мотор, и вот мы уже несемся вдоль отвесной стены мыса. Снизу кажется, что скалы увешаны черными гирляндами, так плотно заселили все ниши, выемки птицы. Но вот рев «Вихря» всполошил пернатое царство, и тучи кайр, топоров, чистиков и бакланов закружились над нами. Удивительно, как только они не сталкиваются в воздухе.

Вскоре берег переходит в грандиозную по протяженности и высоте вертикальную стену. Лишь в одном месте ее прорезает глубокий ручей — вода волнистой седеной стекает по расщелине. Утренняя свежесть моря, необычайная живописность берега, освещенного лучами восходящего солнца, парение белогрудых птиц — все это зачаровывает, оставляет неизгладимое впечатление. Но показавшийся треугольник мыса Святого Фаддея, чукотское название которого Ак'атангыргын — «грозный», настораживает нас.

В шесть часов утра мы на траверзе мыса Фаддея. Подул резкий встречный утренний бриз, взъерошил пятнами воду, закидал нас холодными горьковато-солеными брызгами. На этом коротком отрезке пути высадиться практически некуда.

Через пятнадцать минут мы были у мыса Военных Топографов, названного так в память о военных топографов, погибших здесь при съемке местности и составлении карт, которыми мы пользуемся и сейчас. По-чукотски мыс называется А'тченут, что значит «скрытая земля». Действительно, этот мыс не выдается в море выступом, как Отвесный или Наварина, а издали скрыт массивами мысов Фаддея и Синоп.

Солнце поднялось высоко и осветило северо-восточный склон. Он весело зазеленел среди серых, лишенных растительности скал. Над самым обрывом мы увидели медведицу с медвежонком. Они с любопытством смотрели на нас. Вероятно, сверху «Прогресс» кажется им забавной букашкой, ползущей по воде.

В шесть часов 30 минут подошли к устью лагуны Амаам. У берега сильный накат. Долго кружимся у горловины и никак не можем обнаружить фарватер, хотя на карте он обозначен четким и приглубленным. Несколько раз пытались заякориться вблизи устья, но усиливающийся ветер и накат срывали лодку с якоря. Пришлось отойти

от устья. Наконец в полукилометре от него удается зацепиться за грунт. Оставляем «Прогресс» на воде и высаживаемся на берег.

Лагуна Амаам узким клином рассекает горы и выходит к морю северо-западным концом. Она глубока и намного выше уровня моря. Питают ее горные речки и многочисленные ручьи, струящиеся по расщелинам. Значит, в лагуне должна быть кристально чистая и вкусная пресная вода. Но нас ждало разочарование, когда мы ступили на язык косы, заваленной крупными обломками скал. Над лагуной, скрывая берега, висела не легкая вуаль тумана, которая обещает солнечный и спокойный день, а толстый и плотный слой испарений. Под тяжестью крупных капель он почти ложился на воду, и казалось, что лагуна покрыта слоем грязного тающего снега. На косе у лагуны лежали штабеля пустых бочек, изъеденные ржавчиной трубы, недалеко виднелись развалины недавних землянок.

Мы с Эдуардом идем по каменистому языку косы к устью. Чем ближе к горлу лагуны, тем больше нагромождений и обломков свежих осадочных и туфогенно-осадочных пород. Идти неудобно: ноги подвертываются на острых гранях камней. Коса напоминает застывшую каменную реку, которая широким потоком взяла свое начало на правом склоне ближайшей горы, пересекла протоку лагуны и залила всю косу. Должно быть, в силу тектонических смещений совсем недавно произошел срыв части горы. Она обрушилась колоссальной лавиной камней, которая, сметая все на своем пути, погребла горло лагуны и, очевидно, часть поселений древних людей. Там, где лавина прошла правым краем, она ровно и аккуратно вскрыла разрез мощного культурного слоя. Он тянется на десятки метров. Нам хорошо видны следы очагов, костей и стоек жилищ. Но как приблизиться, как перейти горло? Вода, холодная и прозрачная, мощной струей вырывается

из лагуны, подрезает культурный слой и устремляется по протоке в море, бурля на острых обломках камней. Устье горла оказалось непроходимым. Огромные куски скал, как пороги, преграждали вход. Стало ясно, что даже на руках мы не сможем протащить «Прогресс» в протоку. Сделали попытку перейти ее вброд, но сильное течение и глубина под левым берегом заставили отказаться от этой затеи. Усиливается ветер. Гаги встревоженно проносятся над косой, перелетая с моря в лагуну, пронзительно кричат чайки. Киты, пускавшие фонтаны почти у самого берега, отходят в море. В довершение ко всем неудачам мы поднимаемся на гребень косы и видим следы недавно разыгравшейся трагедии: на острых обломках камней лежат две половины разбитого буксирного катера. Порывы ветра покачивают измятые ржавые останки. Они жалобно скрипят и повизгивают, словно предупреждая и нас о возможной опасности.

Мы вернулись обратно и, пройдя немного вверх по протоке, попробовали второй раз перейти на другую сторону. Нам обязательно надо нанести план поселения, описать его внешний вид, сделать стратиграфию обнажения, собрать подъемный материал, который был нам хорошо виден с этой стороны. Положение и мощность вскрытого культурного слоя подсказывали, что мы можем сделать значительные этнографические и археологические находки. А когда и вторая попытка кончилась неудачей, мы вспомнили о резиновой лодке и побрели к оставленному «Прогрессу». По пути Эдуард осматривает обломки лавинных пород. Это туфопесчаники. На сколах явственно видны органические остатки. Вот он поднял прекрасно сохранившуюся, словно туго закрученный бараний рог, окаменелость аммонита, с другой его стороны — отпечаток листа какой-то крупной водоросли.

— Какая удача! — восторгается Эдуард и берет обломок камня весом около пятидесяти килограммов.

— Ты что?! — испугался я. — Лодку утопить хочешь?!
Поднимаемся на «фарватер» каменной реки. Что это?!
Наш «Прогресс» выброшен на берег, и его бьет волной.
Бросив кусок камня, Эдуард рванулся вперед, я за ним...

Но все обошлось благополучно. Якорь сдержал нос лодки против волны, и накатом ее легко и плавно положило кормой на мягкий песчаный пляж. В отсеках было сухо. Мы легко и быстро столкнули лодку на воду.

В 8 часов 35 минут отходим от устья протоки лагуны Амаам и покидаем негостеприимную землю. Дул легкий юго-восточный ветер. Справа по борту потянулся низкий песчаный берег. Впереди хорошо виднелись желтые ровные треугольники мыса Синоп, разделенные узкими ущельями. Из-за него чуть высывался мыс Наварин. Он был окутан странной пеленой, не похожей на туман. Мы надеялись, что успеем захватить утреннее затишье, сумеем проскочить до губы Гавриила и войти в протоку. До нее было около тридцати километров.

Под обрывистыми скалами мыса Синоп на галечном пляже увидели выброшенную морем самоходную речную баржу. Корпус ее сохранился, но по бортам виднелись большие вмятины, вся надстройка сорвана и изуродована. Снова трагедия у злополучной бухты?

Ветер посвежел. На мелких волнах появились пенные барашки. Стали резко ощущаться толчки «Прогресса». У острия мыса Гангут торчат подводные камни. Над ними нависают и кипят волны. Отвожу лодку подальше от берега. Волны становятся крупнее. «Прогресс» с маху срывается с одних крутых волн и носом врезается в другие. На нас обрушивается поток воды. Мне кажется, что это небольшой утренний бриз, который лишь взъерошил поверхность моря, а там, за мысом Гангут, тихо. Но на всякий случай констатируем с Эдуардом каждое маломальски удобное место для высадки. Если настоящий шторм застанет нас здесь, то мы не дотянем до лагуны

Забытой, если же зайдем в устье лагуны Амаам, то распорем днище лодки об острые углы подводных камней. Можно выброситься на гладкий пляж бухты Ушакова, но это на самый безвыходный момент. А такие пляжи, судя по карте, должны быть между мысом Синоп и Гангут, Гангут и Басова, и лишь самый опасный перегон, где негде приткнуться, — это мыс Басова до устья протоки. Вперед. Только вперед, в губу Гавриила.

Мотор работает чисто и ровно. Днище лодки гудит и сотрясается, когда «Прогресс» с маху падает с высокого гребня волны. Вдруг среди пенистых белых барашков показалась глянцево-коричневая голова сивуча, сердито глянула на нас и провалилась в воду. Впереди взметнулись короткие фонтаны серых китов, мелькнули их блестящие спины. Успели заметить, как открылись и закрылись клапаны дыхала. Появление животных несколько успокоило нас — если шторм, то они отходят от берега. Но все равно хлещут волны, обдавая нас снопами брызг. Бода скатывается по лицу, капает с макушки берета и, стекая за шиворот, обжигает разгоряченное тело. Надутые спасательные жилеты, в которых мы похожи на водолазов в скафандрах, сковывают наши движения.

Наконец-то миновали мыс Гангут. Засекли ложбинку с ровным пляжем. Подошли к мысу Басова — северо-восточной оконечности губы Гавриила. Теперь уже нет хода назад. Развернешься — тут же закидает низкую корму забористой и крутой волной. Только вперед! Осталось пять миль, около десяти километров. У самого мыса из воды торчат белые кекуры. От них тянется небольшой риф, чуть дальше в море — банка-отмель. Между банкой и рифами беспорядочная толчея волн, словно под ними кипящий кратер вулкана. Определить какую-либо закономерность движения волн невозможно. Я пробовал идти наискосок волне, но неведомо откуда возникший бурун сбивал нос «Прогресса» и закидывал его вправо. Пятнад-

пять минут мы были на траверзе мыса Басова. Но это были минуты наибольшего напряжения, которое мы не испытывали за весь наш прошедший маршрут.

Вдруг начались перебои в моторе — значит, в цилиндр поступает вода. Исправить сейчас ничего нельзя, только предельные обороты «Вихря» могут вытащить нас из этого пекла. Почти до отказа нажимаю на ручку газа. Но неожиданно возникший бурун всей своей тяжестью ударяет в носовую часть лодки. От его удара лодку развернуло так, что мыс Басова оказался у нас с левой стороны. С большим трудом возвращаю «Прогресс» на прежний курс. Наконец мы входим в бухту Гавриила. Слева по борту четко просматривался юго-западный берег бухты. Он высок и обрывист. Две большие горы разделены узким ущельем. Такие же высокие, прорезанные ущельями обрывы тянулись и по правому борту. И лишь впереди виднелся низкий песчаный берег. Волнение несколько стихло, но лодку продолжало валить с борта на борт. Идем вдоль косы и высматриваем устье. Оно оказалось нешироким и с моря было прикрыто баром. Опасаясь, чтобы не заглох мотор, я на полном ходу прижался к самому берегу и с северной стороны под прикрытием бара, который сбивал высокие буруны, удачно ввел лодку в горло протоки лагуны Орианда. Пройдя метров двести, мы с ходу ткнулись носом в галечниковый пологий берег...

На берегу ярко светило и пригревало солнце. Дул легкий ветерок. Над нами кружились комары. Но сейчас мы были рады им и всем наземным существам — они свидетельствовали о том, что мы стоим на твердой земле. Над морем, от мыса Безымянного до мыса Басова, тянулась черная полоса, испещренная белыми барашками. Там по-прежнему гулял штормовой ветер. Может быть, для солидного судна такой шторм и не представлял бы серьезной опасности, но о нашем «Прогрессе» мы могли с гордостью сказать, что он выдержал настоящее испытание.

Мы разожгли костер и с наслаждением подставляли бока и спину ярко потрескивающему огню, отчего от нас пошел пар, как от гейзеров. Отогревшись у костра, устанавливаем палатку. Вскоре в ней загудела паяльная лампа, стало тепло и уютно.

Метеостанция в губе Гавриила

Когда мы хорошо отдохнули и пришли в себя, то увидели, что в пяти километрах от нас на косе стояли жилые домики. Правда, мы их заметили еще с моря, но подумали, что они очень далеко от входа в устье. Тут же решаем перебраться к людям.

Это была метеостанция губы Гавриила. Нас встретил веселый и безобидный лай щенка неизвестной породы, которому, видимо, надоело облаивать своих, и он с неудержимым восторгом принялся за нас. Уставшие, в изодранной одежде, мы ввалились в первую дверь большого длинного дома, опутанного антеннами и проводами. Коридор оказался пустым, словно дом был необитаем. По чукотскому обычаю я сильно потопал ногами, давая знать, что кто-то пришел в дом. Но ни чукотского «Етти! Пришел!», ни другого ответа не услышал. Мы в нерешительности помялись на месте. Наконец я сделал шаг и заглянул в открытую дверь направо. Ко мне спиной сидел мужчина на низенькой самодельной табуретке и попыхивал сигаретой. Неожиданность нашего появления, казалось, несколько не удивила его, и он продолжал сидеть в той же негостеприимной позе. Тогда мы робко сказали спине: — Здравствуйте!

Мужчина, не меняя позы, повернул голову и утвердительно кивнул на наше приветствие, не добавляя ни

слова. Мы были обескуражены. Воцарилась минутная пауза.

— Можно видеть начальника метеостанции? — несмело произнес я.

— Я начальник станции, — кратко ответила спина.

Создавалась явно тягостная и нелепая ситуация. Я набрался решимости, смело шагнул в комнату, подал ему пропахшую бензином и маслом свою визитную карточку и пояснил, что мы занимаемся археологическими и этнографическими исследованиями на побережье и идем из Анадыря на лодке «Прогресс».

— Ого! — воскликнул начальник станции, вскочил с табуретки и представился: — Валентин Копков! Ну, раз вы издалека, то закон гостеприимства требует принять и накормить вас, — с этими словами он засуетился, принимаясь выставлять на стол все, что было на печке и в печке, сбегал в кладовую, принес копченой рыбы, красной икры и прочих яств.

Перед тем как сесть за стол, мы попросили приюта на несколько дней. Хотя и хороша романтика почевки в палатке на берегу моря или в лодке под всплески волн, но иногда не мешает отдохнуть на настоящей койке, на чистом постельном белье и не принимать спасительных мер против полчищ комарья, которые везде и всюду преследовали нас и не давали возможности нормально вести записи в дневниках и судовом журнале. Валентин тут же отвел нам комнату с двумя кроватями.

— А завтра протопим баньку и пропарим вас как надо, — добавил он.

Весь вечер на плите шипел чайник, дышал ароматом заварник. Постепенно все стало естественным в наших отношениях. Мы познакомились со всеми обитателями метеостанции бухты Гавриила.

Начальник станции Валентин Иванович Копков, высокий, худощавый, оказался приветливым человеком, а

настороженность, которую он проявил к нам, была вполне обоснованной.

Несколько лет тому назад губа Гавриила и лагуна Орианда были объявлены заповедником. Здесь богатое нерестилище нерки, очень ценной рыбы из породы лососевых. Валентину Ивановичу даны все полномочия рыбнадзора, и ему порою приходится вести неприятные разговоры с любителями-рыболовами, которые появляются в устье протоки и нередко прибегают к самым недозволенным способам лова этой ценной рыбы. Вначале Валентин Иванович и нас принял за браконьеров и поэтому готов был выпроводить на все четыре стороны.

Нам с Эдуардом уже становилось не по себе от таких встреч. Браконьеры, как призраки, преследовали нас за все время экспедиции. В Анадыре в прошлом году рыбнадзор настаивал на обыске нашей лодки, в устье Алькатваама мы перепугали рыбаков, а здесь в бухте Гавриила нас вообще едва не вытолкали из дома.

— Трудно с ними, с браконьерами, бывает, — пожаловался Валентин Иванович.

Он старый опытный таежник. Восемнадцать лет работает на самых глухих и отдаленных метеостанциях. Был на Ерополе, в Кедоне, на полуострове Тайгонос, в центре Колымской земли — Омолоне и, наконец, с 1956 года в бухте Гавриила.

— Не знаю, смогу ли я жить в шумном городе, — говорил он, покачивая на руках своего сына, пятимесячного Дмитрия.

— А вам не тяжело, Маргарита Валентиновна? — спросили мы жену Валентина Ивановича.

— Что поделаешь? Не бросишь же семью, — просто ответила она.

По специальности Маргарита Валентиновна преподаватель истории и права, но пришлось здесь переквалифицироваться на метеоролога.

— Все хорошо, да вот с грудным ребенком трудно: кормим сухими продуктами, — посоветовала она.

Электротехника Владимира Новикова мы увидели только к концу ужина, когда он передал последнюю сводку. Чуть ниже Валентина, худощавый, он выглядел очень озабоченным. Да, признаться, забот у мужчин на метеостанции много. А в ведении Владимира была вся радиоаппаратура, работа всех двигателей. Чем-то походила на Володю и его жена Рита, такая же озабоченная, деловитая.

В тот вечер мы узнали историю гибели двух судов, останки которых видели в бухте Ушакова и на пути к губе Гавриила.

В навигацию 1968 года трудный переход совершали речные суда, предназначавшиеся для полярных рек Якутии, Чукотки, Камчатки и Хабаровского края. Они в сопровождении ледоколов удачно прошли льды Северного Ледовитого океана. Партии судов оставались в устьях Оби, Енисея, Лены, Индигирки, Колымы, Анадыря. А последняя партия, предназначавшаяся Камчатке и Амуру, вышла из порта Провидения уже в октябре месяце. Она следовала своим ходом, без ледоколов. Это был не легкий рейс. У мыса Наварин их застал ураганный юго-восточный ветер. В эфир был послан сигнал «SOS». Все ближайшие суда поспешили на помощь. Основная партия была спасена, а один буксир и самоходная баржа не смогли удержаться на якорях, и их сильным ветром и течением понесло в бухту Ушакова. Экипаж в 29 человек с обоих судов удачно сошел на сушу, оставив буксир на острых камнях в устье протоки лагуны Амаам, а баржу — на каменистом пляже у мыса Синоп. Люди попытались в мокрую снежную пургу через непроходимые перевалы пробиться к бухте Угольной. Двое суток блуждали они в ущельях Корякского хребта, но снег на перевалах преграждал им путь. Ничего не оставалось, как вернуться и

бухту Ушакова. На помощь потерпевшим бедствие подошел спасательный буксир. Мужество и сила воли помогли людям выдержать этот трудный переход, одержать победу над коварной северной стихией...

По-керекски губа Гавриила называется Канийун, по-чукотски — Каныль. Значение слова как на керекском, так и на чукотском языках одно и то же — «изгиб», «выемка». Губа издавна была очень удобным местом для заселения. Реки и лагуны кишели вкусной и питательной рыбой, в бухте Грейга были лежбища моржей и сивучей, подходили к берегам большие стада китов, на отвесных скалах гнездились многочисленные стаи птиц. Еще по переписи 1928—1929 годов здесь отмечалось два керекских поселения: одно на косе в губе Гавриила, второе — у устья протоки Рыбачьей. В лоции тоже указывается, что «в южной части перешейка, отделяющего лагуну от бухты, имеется деревянный дом и несколько землянок». Сейчас здесь коренное население не живет, последние жители покинули эти места в начале 60-х годов. Стоит большой дом метеостанции, подсобные помещения, а чуть в стороне видны еще хорошо сохранившиеся землянки и два-три домика.

Утро наступило хмурое, сырое. Над вершинами гор Конус и Пирамида у мыса Безымянного нависли черные клочья облаков, которые постепенно заволакивали всю бухту. Провода антенн гудели от усиливающегося ветра. На косу обрушивались огромные белые гривы вспененных волн. От их ударов сотрясались стены дома метеостанции. В эфире Володя уловил сигналы о надвигающемся шторме в районе мыса Наварин. Всем промысловым рыболовным судам была дана команда укрыться в ближайших бухтах.

— К вечеру зайвятся, — уверенно сказал Валентин Иванович. — У нас здесь иногда скапливается до тридцати и больше судов.

Слова Валентина подтвердились. Через два часа подошел к мысу Басова танкер, снабжающий водой рыболовные суда, три сейнера бросили якоря у мыса Безымянного, а через некоторое время рядом с танкером стали еще два сейнера. Но губа Гавриила оказалась открытой юго-восточному ветру. Сейнеры мотало, как щепки, якоря не держали, и их тащило на косу. Вскоре танкер дал тревожные гудки и отвел малые суда в более безопасное место.

«Прогресс» на случай шторма мы вытащили на берег, закрепили швартовые концы и занесли подальше якорь. Мотор внесли в слесарную мастерскую метеостанции — надо было устранить в нем неполадки.

Обнажение на косе

(Из дневника Эдуарда Гунченко)

Пока Владилен был занят мотором, я совершил несколько пеших маршрутов.

3 августа во второй половине дня направился в южную часть бухты, где начиналось подножие гор, переходящих в крутой и скалистый мыс Наварин.

Шел берегом моря. Гребни волн с грохотом накатывались на косу, вода шумно отступала, стаскивая с собой гальку. Серые камни, серое море, серое небо, серая земля и белая клокочущая пена прибоя — вот пейзаж, который сопровождал меня на протяжении всего пути. Дополняли его пустые бочки, доски, огромные бревна, пустые бутылки из-под вин советских и зарубежных марок, занесенные сюда течением океана, стеклянные и пенопластовые поплавки от ставных морских сетей. Море играло всем этим хламом: то тащило в свою ненасытную пасть,

то снова выплевывало на берег. Невольно мне вспомнилась керекская загадка, которую мне недавно загадал Владилен: «Что такое, когда стряхиваешь выбивалкой меховую постель над чистым снегом?»

— Армянская загадка? — спросил я.

— Нет, керекская, — серьезно сказал Владилен.

Но сколько я ни думал, отгадать не смог.

— Море, — ответил Владилен.

— При чем же постель и море?!

— Ты ведь знаешь, Эдуард, что чукчи, коряки и керекки зимой всегда по утрам выбивают свои меховые постели. После этого на чистом снегу остается ровная полоска грязи и разного мусора. Вот и сравнивают это с тем, что выбрасывает море на берег.

И действительно, море постепенно откладывало весь мусор ровной полоской. Здесь можно было встретить целые поля ламинарий, гроздьями свисали черные цепкие мидии. На берегу повыше, в уже отложившихся отбросах, лежало много панцирей крабов, целые клешни и ноги, очищенные от мяса всеядными креветками. В одном месте нашел панцирь морского ежа, несколько раз натаскался на капсулы (кассеты), в которых когда-то содержались зародыши акул или скатов. Возможно, что эти хищники водятся и здесь, в Беринговом море.

Вдруг я заметил странного зверя, увлеченно возившегося в самой прибойной полосе. Сквозь шум волн было слышно громкое похрюкивание. Иногда зверь пускал двухструйные фонтанчики. «Уж не легендарная ли это морская корова, исчезнувшая в XVIII веке?» — мелькнула у меня счастливая мысль. Осторожно подхожу к животному. И вначале даже разочаровался — это был здоровенный морж-самец. Но потом увлекся наблюдением. Мощные ржавого цвета клыки, концы которых были выгнуты наружу, поражали своими размерами. Морж, шевеля верхней губой с «капроновыми» усами и глядя на

меня маленькими красными глазками, спокойно продолжал возиться в прибое. Он то опускал морду в заросли вырванной с корнем морской капусты, вспыхивая своими клыками морское дно, то, как мне показалось, просто играл с клокочущей волной. Лишь приглядевшись, я понял, что морж перепыхивал целые заросли водорослей, волна приподымала их, и он твердыми широкими передними лапами, как жерновами, перемалывал ракушки и насыщался нежным мясом мидий.

Поднимаясь вверх, у подножия террасы я встретил на камне кайру. Она растопырила крылья, раскрыла клюв и агрессивно набросилась на меня. Возможно, что где-то рядом была пара ее птенцов. Как я ни пытался обойти ее стороной, она проворно забегала вперед и не уступала мне дорогу, бросалась и хватала своим острым, как шило, клювом резиновый сапог.

— Да успокойся ты, чучело,— с досадой сказал я и поднялся на террасу в другом месте по распадку ручья.

Поднявшись по левому берегу ручья, я сразу увидел в обнажении культурный слой, а на поверхности всюду были видны большие круглые ямы от прежних жилищ неизвестной древности. При зачистке культурного слоя я нашел два женских ножа из тонких пластин глинистого сланца со шлифованными лезвиями. Один мужской вкладышевый нож, проколку из ребра морского зверя и кусочек керамики с неясным выпукло-полосчатым узором. На вершине сопки, примерно на высоте около ста метров, обнаружил большое жилище диаметром 13—15 метров, вокруг него располагались жилища поменьше. Похоже, что они соединялись с главным. Планировка и система их напоминала жилища на мысе Отвесный.

На следующий день я прошелся по косе к устью ручья и метрах в двухстах от его впадения в море на противоположной стороне протоки заметил подмытый водой берег. Виден был богатый культурный слой, обвалившиеся

днища окаменевших очагов, черепа и ребра каких-то больших животных. Обо всем этом я рассказал Владиле-ну, но он мне запретил в шторм переправляться на другую сторону протоки. Решили обследовать это обнажение вместе.

«Тайник» поселения Каныйун

Обнажение, обнаруженное Эдуардом, заслуживало внимания. Поселение располагалось на террасе высотой от 4 до 5 метров над уровнем моря. Среди густой зеленой травы всюду виднелось множество углублений жилищ различных времен. В весеннее половодье, когда уровень воды в протоке подымается и она снова начинает пробивать себе устье, замываемое осенними штормами, течение резко бьет в левый угол берега и размывает террасу, унося в море следы обитания древних людей.

Мы с Эдуардом осторожно идем вдоль террасы. Дернистый, переплетенный множеством корней растений верхний покров козырьком нависает над обнажением. В срезе, как на чертеже, на глубине 50—60 сантиметров четко отпечатались контуры-выемки жилищ, видны обгоревшие места очагов, некоторые из них, затвердевшие, как камень, напоминали скалы-кекуры, обдутые ветрами. Несколько площадок очагов, вымытые дождями и течением, целиком обвалились к подножию обрыва.

Разведав вначале обнажение, примерно метров на двести, мы приступили к зачистке культурного слоя. Осторожно кончиками ножей, а иногда и палочкой или просто крылышком птицы мы начали очищать заинтересовавшие нас места. Стали попадаться кости птиц, морских животных. Вскоре Эдуард в культурном слое одного из

жилищ обнаружил расколотый на три части большой каменный светильник, точно такой же, какие мы находили на древней стоянке в бухте Угольной.

Вдруг мое внимание привлекла ровная поверхность камня, чуть видневшегося из земли. Вплотную с камнем четко вырисовывалась выемка обожженной и затвердевшей земли очага. Я аккуратно стал очищать камень. Он оказался почти прямоугольной формы, размером 28 на 35 сантиметров, толщиной 6—8 сантиметров. Когда я освободил его края от земли, то он неожиданно упал к моим ногам и передо мной открылась пустота, похожая на дымоход печной трубы, выложенный из таких же плоских камней.

— Эдуард! — взволнованно крикнул я. — Тайник!

Мы долго не решались приступить к дальнейшей зачистке «тайника» и тщательно изучали место, чтобы не нарушить кладку. Окончательная зачистка еще больше заинтриговала нас. Очаг также был обложен плоскими камнями, поставленными вертикально, и имел почти прямоугольную форму. С левой стороны вырисовывалась квадратная «труба» высотой около метра. Она была сложена из плоских угловатых и совершенно неокатанных камней, явно принесенных с сопок. Труба вплотную примыкала к очагу, но никаких следов соединения с «печью» не имела, хотя с внутренней стороны камни сильно окалены и обильно покрыты сажей. На дне оказалась кучка древесных углей. Зачистили еще небольшой участок культурного слоя поближе к горловине. В обрушении одного из жилищ почти на поверхности обнаружили наконец стрелы из моржового клыка. Вскоре рядом с наконечником нашли загадочную фигурку птицы с нерпичьей головой, тоже из моржовой кости. По спине и по бокам фигурки проходили три пары сближенных борозд, которые трижды пересекались такими же штрихами. Такой же орнамент нанесен и на шейке наконечника

стрелы. Птица, видимо, предназначалась как амулет: в горле ее было просверлено отверстие.

Но продолжить обследование в этот день мы не смогли. Усилился ветер, напыл туман, заморосил дождь. Стало холодно и сыро...

На метеостанции очень удивились нашим находкам, а Валентин Иванович никак не хотел верить, что мы обнаружили какую-то печь в обнажении. На следующий день, чтобы убедиться, он поехал с нами. Я сделал снимки очага с «трубой» во всех деталях и с разных точек, зарисовал его и проставил размеры.

— Как же так? — все спрашивал Валентин Иванович. — Ведь я же здесь раз двадцать проходил и не замечал этой «выхлопной трубы»! — так он назвал очаг.

Мы тут же договорились с Валентином Ивановичем, что после нашего отъезда он сделает навес над очагом, чтобы предотвратить его от дальнейших разрушений. Свое слово он сдержал.

Позже, когда мы работали над этими очерками, в губе Гавриила была сделана еще одна интересная и ценная находка начальником метеостанции Валентином Ивановичем Копковым.

Зная способы захоронения у кереков, мы не надеялись найти могильники, так как трупы исчезали в море, а сведения о захоронении в земле были настолько общи и неконкретны, что мы даже ориентировочно не могли определить места таких могил. Но вот после нашего отъезда Валентин Иванович как-то охотился в устье напротив таинственного очага. Сделав шагов десять, он вдруг обнаружил человеческий череп. Валентин Иванович тут же сообщил нам о своей находке и вскоре переслал ее в наш институт. Археолог Т. М. Дикова, осмотрев череп, предположила, что он очень долго находился в воде — весь ровно и гладко окатан морскими волнами. Судя по швам, он принадлежал 20—22-летнему человеку. Воз-

можно, что это один из обитателей губы Гавриила, похороненный в море. Дальнейшее слово за антропологами. Они, как специалисты, смогут точно определить возраст, расовую принадлежность и другие важные признаки. Мы очень благодарны Валентину Ивановичу Копкову за ценную находку.

Открытие не давало мне покоя. Археологи, производя раскопки жилищ на Северо-Востоке, находили множество очагов, но все они были просто обложены камнями и имели овальную или круглую форму. Очаг на поселении Каныйун имел много общего с очагом на древней стоянке в Беринговском. Здесь также камни стояли вертикально. Озадачивала лишь «труба». Для какой цели она служила? Почему очаг с «трубой» расположен не в самом жилище, а рядом, у его задней стены? Я перебрал в памяти все сведения, которые собрал раньше у кереков и их соседей. И вдруг мне вспомнился случай, который помог прийти к определенному заключению.

В январе 1970 года в поселке Мейныпильгыно, когда я только что начинал заниматься изучением кереков, мне удалось записать сказку «Тчик'ылтчык'и» — «Сова» от керека Михаила Ивановича Етынкеу. Я еще плохо разбирался в керекском языке и поэтому перевод на чукотский язык делал с помощью Екатерины Хатканы. Мы сидели с ней долгими вечерами и старались как можно точнее передать содержание сказки. С чукотского на русский я уже переводил самостоятельно. Работа шла хорошо, во время перевода раскрывались интересные стороны жизни кереков. Но однажды мы зашли в тупик: Хаткана никак не могла объяснить слово «пуйалк'ык». Пытались узнать значение этого слова от других кереков, но безуспешно: никто не помнил, а сам сказитель в это время был на рыбалке. Это слово встречалось в сказке часто, и я стал догадываться, что оно связано с добычей или приготовлением пищи.

Я слышал, что мать Екатерины Хатканы, старая Омрытвааль, хорошо знала и бережно соблюдала древние керекские обычаи и традиции, и попросил Хаткану узнать у нее смысл этого слова. Но старушка была больна, впадала в детство, и иногда, как ребенок, начинала капризничать:

— Что ты мне все суешь оленье мясо, дай кусок нерпы!

И потому Хаткана долго не решалась расспрашивать мать, боясь рассердить ее.

Но однажды Омрытвааль стало лучше, и Хаткана наконец спросила у матери значение таинственного слова «пуйалк'ык». Старуха сердито ответила:

— Разве ты не знаешь, что мы раньше так готовили пищу!

И она подробно рассказала дочери о древнем способе приготовления пищи у кереков.

Слово «пуйалк'ык» буквально «парить», «тушить» пищу. Делалось это так. Кереки в земле выкапывали небольшую яму и обкладывали ее плоскими камнями. Затем в этом углублении разжигали костер. Когда камни нагревались, угли вытаскивали и в яму закладывали дичь, рыбу или мясо. Сверху яму закрывали плоским камнем и засыпали землей или песком. Пища парилась в собственном соку и получалась очень вкусной.

Вот такие очаги мы обнаружили в губе Гавриила.

У чукчей, коряков и эскимосов нигде не отмечается такого способа приготовления пищи. Правда, аналогичный способ описывает Степан Крашенинников у ительменов, коренных обитателей Камчатки, распространен он был и на островах Океании...

В середине дня подул благоприятный для нашего следования северо-западный ветер. Ночью Валентин Иванович, поймав в эфире прогноз погоды, сообщил, что на ближайшие дни ожидается полнейший штиль у мыса Нава-

рин. Мы решили воспользоваться этим и сделать попытку обогнуть грозный и коварный мыс.

К сожалению, нам не удалось поработать в губе Гавриила в полную силу — постоянно мешали дождь и штормовой ветер. Но все же мы смогли получить хотя и малочисленные, но очень ценные находки. И уверены, что вскоре после нас здесь по-настоящему начнут работать археологи.

Вокруг мыса Наварин

6 августа. Понедельник.

Ветер почти стих. Но по-прежнему пасмурно, высокая облачность, послештормовая сырость. Весь день проходит в приготовлении к трудному и опасному переходу вокруг мыса Наварин. Еще раз пересматриваем давно изученные до мелочей карты, делаем пометки и расчеты, проверяем лодку, мотор и все снаряжение. Друзья помогли пополнить наши припасы. Еще с вечера Володя Новиков принес несколько банок колбасного фарша, мясных консервов, сгущенного молока, различные компоты, свежеспеченный хлеб.

7 августа в восемь часов 36 минут с грустью покидаем гостеприимную метеостанцию губы Гавриила и направляемся по реке к устью. Вскоре, благополучно миновав небольшие буруны, выходим в море и берем курс на северный входной мыс бухты Грейга — мыс Чесма.

Бухта Грейга на четыре с лишним мили вдается в сушу. Невысокие округлые горы отходят здесь от берега, уступая место низменности, по которой текут и впадают в море три горные речушки.

Между обрывами, около устьев рек, расположены небольшие участки низкого песчаного берега, удобного для

высадки (они помечены у нас на карте), но все равно мы внимательно вглядываемся в берег, изучаем направление волн, их длину и регистрируем возникновение бурунов. Низкие песчаные берега наводят на мысль, что и здесь когда-то жили люди, но нам с лодки, идущей в четырех милях от берега, не видно зеленых холмиков, свидетельств древних жилищ. Навстречу пошли большие пологие волны, почти такие же, как у мыса Барыкова, но они не были такими крутыми, и «Прогресс» плавно и незаметно преодолевал их. Вспомнилось предупреждение Ивана Куттегина с Туманской:

— До мыса Роратын (Наварин) идти хорошо, тут все небольшие волны у берега, а дальше, как только поворачиваете за мыс, все время будет сильный накат.

Вскоре мы в этом убедились сами. Если в Анадырском заливе отроги Корякского нагорья как-то сдерживали движение волн и сбивали их, то теперь перед нами был открытый Тихий океан, и они свободно, не встречая препятствий, катились к берегу и обрушивались на низкий песчаный пляж, бились с силой об отвесные скалы, а у мысов образовывали беспорядочную толчею.

Идем по холмистой равнине моря. Впервые встретили турпанов. Увидели мы и чаек-обжор, которых чукчи Чукотского района называют «к'экыльу». Небольшие, рябенькие, с короткой шеей и быстро взмахивающими крыльями, они с трудом отрывались от воды. Но иногда они так набивали свой зоб креветками и планктоном, что не могли взлететь. Тогда чайки раскрывали свой короткий клюв и срыгивали в волны все свои съестные запасы. Случалось и так, что эти чайки, неожиданно испуганные чем-то, задыхались от пищи, застрявшей в зобу, и умирали.

В полутора километрах обходим мыс Чесма. Напротив мыса тянется риф, на оконечности которого торчат из-под воды два больших плоских камня. На них видны

какие-тодвигающиеся бугорки. Оказалось, что камни оккупированы светло-коричневыми морскими львами — сивучами. Они лежали словно большие тяжелые мешки, наваленные как попало. Эту картинку дополняли черные догловязые бакланы, спокойно сидевшие рядом на камнях и даже на спинах сивучей. Видимо, последним было приятно такое сожительство. Зная агрессивность этих животных, мы не стали подходить к лежбищу.

Через десять минут начали огибать мыс Наварин. С северо-западной стороны он предстал в виде остроконечной горы с террасой, на краю которой возвышается одинокий кекур. Высокий, сложенный из буровато-красных и серо-зеленых пород вулканогенного происхождения, мыс был величественно красив. Но подводные камни и пляшущие на них волны не дают нам возможности подойти ближе к берегу.

Эдуарда интересует геологическое строение мыса, я же всматриваюсь в скалы и пытаюсь обнаружить следы таинственной крепости, о которой мне рассказывал писатель Виктор Болдырев. В 1939 году он проходил на катере у мыса Наварин и видел, как с вершины одной отвесной скалы свисали обрывки ремней, заметны были следы какого-то строения. Но сколько я ни всматривался, следов человеческой деятельности так и не заметил. Однако вполне возможно, что Болдырев прав: в XVIII веке, когда племена Северо-Востока враждовали между собой, кереки действительно находили убежище на неприступных скалах мыса Наварин.

Огибаем мыс и резко меняем курс: идем на северо-запад. Теперь уже мыс представлял собой остроконечную гору, справа выступал обрыв второй, более низкой горы, спускающийся к морю под углом 45° . У подножия этого обрыва возвышались отдельные скалы — Кекур и Колонна. Они все были усажены, как черными столбиками, бакланами. В одном месте на берегу, прорезая туфогенно-

осадочные толщи, появилась лакколитоподобная дайка, возможно, базальтовая, так как состоит она из столбчатых отделистей.

Нам посчастливилось пройти мыс Наварин при полнейшем штиле. Такое случается редко. Частые густые туманы, возникающие на банках буруны всегда представляют серьезную опасность. У мыса сталкиваются мощные приливо-отливные течения, скорость которых, как указывалось в лоции Берингова моря, достигает четырех узлов, а при смене течений возникают еще сулои и водовороты. Даже при полном штиле мы ощутили эти явления: когда у острия мыса шли по беспорядочной толчее гладких волн, «Прогресс» кидало из стороны в сторону.

В 11 часов подходим к бывшей метеостанции мыса Наварин и бросаем якорь рядом с устьем речушки Эгейнмуэ.

Строитель полярных станций

Бухта Ушакова, мысы Синоп, Гангут, бухта Грейга, мыс Чесма, гора Гейден, мыс Наварин — эти названия словно переносят нас на побережье Балтийского и Черного морей. Но обрушившаяся на нас студеная вода у мыса Фаддея, отвесные и голые скалы мыса Гангут, порывистые ветры у мыса Басова, жестокие штормы в бухте Ушакова и губе Гавриила напоминают нам, что это суровый Крайний Северо-Восток. Не случайно русские мореплаватели и исследователи освоение этого края связывали с героическими страницами из истории нашей страны, увековечили в названиях здешних мест выдающиеся события, имена замечательных сынов Русского государства.

Вот и сейчас перед нами следы еще одной героической победы, но одержанной в наше, советское время, нашими, советскими людьми. Ветхий, начавший рушиться домик, остатки мачт антенн, развалившаяся печь и обломки кирпичей у маленького сарайчика, метеорологическая площадка, пустые бочки из-под горючего, пришедшие в негодность, и проржавевшие части двигателя — это все, что осталось от первой полярной станции на мысе Наварин.

30-е годы. Сквозной рейс «Сибирякова» из Архангельска во Владивосток, экспедиция «Челюскина» подтвердили, что советские люди могут стать хозяевами Северного морского пути. Они с упорством и настойчивостью прокладывают этот путь, строят полярные станции на мысе Шмидта, Биллингса, Шелагском, острове Врангеля, в Ванкареме, Уэлене и других отдаленных местах Чукотки.

Большое значение для судов, следовавших Северным морским путем, имел мыс Наварин. Хотя район мыса Наварин и не расположен за полярным кругом и здесь не бывает темных полярных ночей, но по своим суровым природным условиям он вполне может быть приравнен к высокоширотным островам и землям Северного Ледовитого океана¹.

Летом 1934 года по поручению Отто Юльевича Шмидта во Владивосток прибыл Игорь Леонидович Ардамацкий. Тогда ему исполнился всего двадцать один год, но он уже считался опытным полярником и был одним из активных участников по спасению челюскинцев. Перед ним была поставлена задача: скомплектовать и построить

¹ Здесь и далее все сведения о первой полярной станции на мысе Наварин взяты из статьи известного полярника Б. А. Кремера «Снова, как прежде, наедине со льдами», опубликованной в журнале «Природа», № 5 за 1973 год, стр. 91—92, и личной беседы с И. Л. Ардамацким.

на мысе Наварин полярную станцию. Приобретение строительных материалов и необходимого оборудования задержало отъезд полярников, и только 3 октября, когда на Чукотке уже властвовала суровая зима, а в Беринговом море бушевали ледяные штормы, из Владивостока вышел пароход «Хабаровск». В пути пароход изрядно потрепало, и только в конце октября он, весь обледенелый, бросил якорь у юго-западного берега мыса Наварин. И здесь моряки допустили непоправимую оплошность. Когда небольшая часть груза уже была на берегу, они решили строительный лес и остатки продовольствия и оборудования доставить на берег на плоту. Штормовым северо-западным ветром плот вместе с катером вынесло к острию мыса, где сулои и водовороты разбили плот и разнесли его по всему морю. С большим трудом удалось спасти людей и катер.

Игорь Леонидович мог без угрызения совести отказаться от строительства станции. Но не таков был характер у этого энергичного молодого человека. Оставив на берегу в брезентовых палатках с небольшим запасом продовольствия строителей и двух работников станции, Ардамацкий вместе с радистом Иваном Никитичем Хомутовым отправляется на «Хабаровске» в бухту Провидения и залив Лаврентия за строительным лесом, продуктами, охотничьими боеприпасами. К мысу Наварин вернулись уже в начале декабря. С большими трудностями в пургу и шторм удалось снять с парохода основной груз, строительный же лес сбрасывали прямо в воду, и его прибоем раскидало по всему побережью. К концу разгрузки налетел тайфун и нагнал лед. «Хабаровск» снялся с якоря и поспешно ушел на юг. С парохода не успели сойти двое работников станции, строители же, которые должны были вернуться во Владивосток, оказались на берегу. Из работников станции остались только Ардамацкий и Хомутов.

Всю долгую вьюжную зиму полярники и строители прожили в палатках. Они организовали систематические гидрометеорологические наблюдения, установили постоянную связь с Большой землей. Собирали по берегу раскиданный штормом лес, выдалбливая его из льда, перевозили бревна на собаках к станции, пилили доски, брусья и строили жилой дом и подсобные помещения. Свои продовольственные запасы пополняли тем, что ловили рыбу, промыслили моржа, лахтака, нерпу в бухте Грейга и губе Гавриила.

В июне строительство и отделка дома были закончены. И хотя сам Игорь Леонидович Ардамацкий и его спутники практически не воспользовались плодами своего труда, но они обеспечили новой смене полярников, прибывших в августе 1935 года на пароходе «Охотск», возможность жить и работать в нормальных условиях. В 1956 году полярная станция была перенесена в губу Гавриила.

Мне посчастливилось познакомиться с Игорем Леонидовичем. Встреча состоялась в Москве. Я, естественно, волновался. В моем представлении Ардамацкий был уже вочтенным стариком. Но каково же было мое удивление, когда мне навстречу поднялся высокого роста, подтянутый мужчина. Его приветливая улыбка, добрый взгляд умных глаз, спокойная речь быстро рассеяли мое смущение, и через несколько минут мы уже увлеченно беседовали. Оказывается, еще с юношеских лет Игорь Леонидович мечтал о путешествиях по Арктике и готовил себя к этому. Вместе с Анападистом Парфентьевым, ныне почетным пенсионером, а в то время студентом Института народов Севера, он совершил несколько маршрутов по нашему европейскому Северу, осваивая езду на собаках. Впоследствии вся его жизнь была связана с Арктикой.

— Игорь Леонидович, почему для строительства первой полярной станции выбрали такое дикое и пустынное

место, где даже древние люди не селились? — спросил я у Ардамацкого.

— Управление Главсевморпути считало, что с мыса Наварин удобнее вести постоянные наблюдения за ледовой обстановкой. В то время это было так важно для следовавших на север судов, — просто ответил Ардамацкий.

Кроме своих непосредственных служебных обязанностей и строительства станции, Игорь Леонидович сделал тогда же съемку местности, уточнил и описал район мыса Наварин. До него весь южный берег до озера Кейпильгин был отмечен на карте пунктирной чертой. В беседе со мной он высказал мысль, что по своему географическому положению район мыса Наварин следует считать полуостровом. И я вполне разделяю мнение опытного полярника. И хорошо, если бы этот полуостров был назван в честь его древних обитателей Керекским полуостровом.

Во время пребывания Игоря Леонидовича на мысе Наварин уже не было керекского поселения в губе Гавриила. Кереки в 1932 году объединились в товарищество «Керек» и переселились в более удобное и лучшее место — в село Мейныпильгыно. Но в начале 1935 года к ним приходил представитель Мейныпильгынского сельсовета, чтобы узнать, что за люди поселились на мысе Наварин. Его сопровождали два керека. Одного из них, молодого Нутаву, он запомнил хорошо, а имя второго, пожилого, забыл. К сожалению, материалов тех времен не сохранилось, так как они погибли во время блокады в Ленинграде.

После мыса Наварин И. Л. Ардамацкий на реке Амгуэма строит первую континентальную полярную станцию на Чукотке...

Через час мы покинули место полярной станции. Справа по борту потянулся отвесный каменистый обрыв, вершины скал которого скрывались в синеве неба. Вскоре у горы Плац на подходе к устью реки Пика нам встре-

тилось стадо китов. Я хорошо знал серых китов, знаком был и с гренландскими, но это был какой-то другой вид и по размерам, пожалуй, не уступал гренландским китам. Блестящие черные широкие спины всплывали то тут, то там. Вскоре мы оказались в плотном окружении этих великанов. Даже жутковато стало. Я прижал «Прогресс» к самым скалам, но, видимо, здесь было довольно глубоко и киты никак не хотели покидать нас. Они всплывали в пяти-десяти метрах, поднимая тучи брызг, с шумом выдыхали из себя спертый воздух и обдавали нас резким зловонным запахом, от которого кружилась голова. Так под конвоем китов мы дошли до устья реки Пика. Но там, где мы наметили высадиться и провести обследование, взад и вперед ходила этакая махина и не давала возможности подойти к берегу. К счастью, устье оказалось узким и мелководным даже для нашего «Прогресса», и мы, обойдя кита стороной, отказались от чаепития на берегу и направились к устью горловины Кейпильгин. Пришлось отмахать еще лишних 27 километров, не предусмотренных планом сегодняшнего перегона.

Скалистые крутые обрывы сменялись невысокими илистыми берегами, которые перешли в тонкую галечную косу, отделявшую озеро от моря. Неожиданно впереди на гладкой поверхности моря вспыхнули буруны. Это обозначился вход в озеро Кейпильгин, но и он был «заперт» шнырявшим туда-сюда китом. Торчащие из воды круглые головы нерп точно указывали фарватер горловины, и мы, минуя кита, вошли в устье протоки озера Кейпильгин.

Сразу наступила тишина, лодку перестало качать на волнах. Налево показался уютный глубокий заливчик, по берегу которого бегали двое мальчишек. На пригорке весело горел костер. Около него сидела женщина чукчанка с грудным младенцем, одетым в нарядный меховой детский керкер. Чуть в стороне мужчина готовил сеть.

— Мытьенмык! Прибыли мы! — бодро крикнул я при ответе на чукотском языке.

— Ка-а-ко! — удивился мужчина нашему неожиданно появлению с моря.

— С Анадыря, с бухты Гавриила мы, — добавил я. Чукотская родная речь, наше объяснение, кто мы и откуда, упоминание о моих старых знакомых Куттегине, Келевги и Керо быстро расположили к нам чукчей, и вот мужчина вместе с ребятами уже помогает выгружать наши вещи из лодки.

Вскоре на пригорке у костра завязалась оживленная беседа, которую дополнили ароматные уха и чай.

Мейныпильгинцы

8 августа. Среда.

Я проснулся еще до восхода солнца. Выглянул из палатки: полный штиль, лодка спокойно стоит в заливчике. Ночь была холодной, и все покрылось инеем. Быстро разжег паяльную лампу, вскипятил чай, прогрел воздух в палатке и стал будить сладко сопевшего в спальном мешке Эдуарда.

— Вставай! Надо ловить погоду, — тормозил я не желавшего подниматься напарника.

Погода определяла сейчас все наши планы. Важно дойти до Мейныпильгино. Правда, здесь, на озере Кейпильгин, тоже были неисследованные места, но время поторапливало — вторая половина августа могла оказаться штормовой. Сегодня уже заморозки дали о себе знать. А из Мейныпильгино мы в любое время могли пройти в озеро Пекульнейское и оттуда совершить пеший маршрут.

В 9 часов 22 минуты на веслах вышли из заливчика, благополучно миновав отмели. Дул легкий береговой северо-западный ветерок, небо было чистым, и, казалось, ничто не предвещало плохой погоды.

Снова по фарватеру торчали головы нерц, а у самого выхода «патрулировали» киты, но на этот раз уже серые.

Двадцать пять километров отделяют нас от горловины озера Пекульнейского. Справа по борту тянется ровная высокая галечниковая коса, и лишь на полпути к берегу подходят пологие тундровые холмы. Это местечко называется Этчуи. Здесь когда-то было большое поселение, возможно керекское: сохранились впадины землянок по склонам холмов, жертвенные места, обозначенные моржовыми головами и, как ни странно, торчащие челюсти китов. Это наводило на серьезные размышления. Начиная от Земли Гека мы нигде не встречали больших остатков китовых костей. Возможно, мы попали в зону древнего китобойного промысла.

На подходе к Мейныпильгыно над нами пророкотал вертолет. После штормовой погоды ожило и Мейныпильгыно. Здесь всегда проблема с транспортом, так как в настоящее время единственное средство сообщения поселка с районным и окружным центром — авиация. Но частые туманы, сильные ветры и непогода надолго лишают мейныпильгынцев этой живой связи.

Входим в Мейныпильгынскую горловину. В переводе на русский язык «мэйн'ы» — «большая», «пилгын» — «горловина». Это одно сложное чукотское слово-комплекс «мэйн'ыпильгын». Протока, которая тянется километров на пятьдесят, соединяет большие озера с морем: по одному рукаву протоки текут воды озера Пекульнейского, по второму — из озер Первой и Второй Ваамочки. Но странно, что топографы разбили одно единое название и на карте обозначили протоку из озер Ваамочек словом «майна» — «большая», а из озера Пекульнейского —

«пильгын» — «горловина», хотя сами чукчи название «Мэйн'ыпильгын» относят конкретно к самой горловине, а не к протоке.

Песчаный бар, обнаженный, еще не затопленный приливами, у входа в горловину был покрыт, как нам показалось, белой пеной. Когда же подошли ближе, то увидели, что это огромная стая чаек сидела на отмели, плотно прижавшись друг к другу. Вот и высокий галечный берег, а на нем белые чистенькие домики. Лишь в километре от поселка виднелось несколько яранг — это старики и старушки перешли на летние «дачи». Сейчас каждая чукотская семья имеет свой уютный деревянный домик или квартиру в большом двухэтажном доме. Но старики не привыкли еще к новому жилищу, и им намного сподручнее и удобнее жить в яранге, где приятно попахивает дымком от очага и обдувает прохладным ветерком. Однако зимой, когда свирепствуют сильные морозы, заывают пурги и метет жгучая поземка, они живут в домах.

Мне вспомнилась первая встреча с мейныпильгынскими стариками. Это было в январе 1970 года. Едва я успел устроиться в гостинице, как раздался вежливый стук в дверь. «Войдите», — сказал я. Дверь медленно открылась, и в комнату вошел в меховой пушистой кухлянке, заиндевелой на морозе, старик. Он тут же уселся на пол у порога, отодвинув предложенный мной стул.

— Этти! — приветствовал я старика.

— Ии! Да! — ответил он.

— Рэкий? Зачем пришел?

— Будто говорят, что ты знаешь чукотский язык? — спросил он.

— Да, немного, — ответил я.

— Скажи что-нибудь.

И, чтобы убедить старика, я произнес несколько фраз по-чукотски.

— Ка-а-ко-мэй! — воскликнул удивленный старик, услышав из уст русского чукотскую речь. И, подняв досок, шапку с полу, вышел из комнаты.

Через некоторое время снова раздался вежливый стук в дверь и повторился точно такой же диалог. И так было несколько раз. Потом я узнал, что это Вера Ивановна Иунеут, секретарь поссовета, знакомая мне еще по Магадану, рассказала о моем приезде, о том, что я специально занимаюсь историей Чукотки, изучаю жизнь ее людей. И вот недоверчивые старики решили сами увидеть человека из большого города и перекинуться с ним парой слов. И хотя я устал с дороги, но был рад, что состоялось мое знакомство со старшим поколением мейнышильгынецев.

На следующий день я зашел на почту отправить телеграмму в Магадан и Анадырь. Прямо на полу, так им было удобнее, сидело несколько стариков и ожидало, когда почтальон разберет почту и начнет выдавать пенсии. Заполняя телеграфные бланки, я слышал, что разговор идет обо мне. Они уже знали, что какой-то русский, прилетевший вчера в Мейнышильгыно, хорошо разговаривает по-чукотски.

— Ноткэн кырымэн. Уйнылин нот эйилыкыльин! Этот не тот! У него нет языка! — уверенно заявил один старик со всклокоченными седыми волосами, подразумевая под фразой «нет языка» чукотскую речь.

Я улыбнулся про себя, повернулся к старикам и, показав свой язык, сказал на чукотском языке:

— Ноткэн вай гымнин йилыил! Вот мой язык!

Раздался дружный хохот. Даже почтальон Надя перестала разбирать почту и тоже расхохоталась. Пришлось удовлетворить любопытство стариков и поговорить с ними на родном языке...

На этот раз в поселке никто не обратил внимания на нашу лодку, все бросились к вертолету, который привез

свежую почту и новых людей. Немного приведя себя в порядок, я отправился в сельский Совет: надо сообщить о своем прибытии и о предстоящей здесь работе.

— Мэнко?! Откуда? — удивленно воскликнула Вера Ивановна.

— Из Анадыря, — ответил я, пожимая ее маленькую руку.

— На вертолете?

— Нет, на лодке.

— Не обманывайте, Владилен Вячеславович, — с улыбкой возразила сидевшая рядом с секретарем делопроизводитель Анна Михайловна. — Только что сел вертолет, и вы оттуда.

Я не стал их разубеждать и предложил пройти на берег и посмотреть на наш «корабль».

— Кыкэ вай, кэйвэ! Ой, и правда! — в один голос воскликнули обе женщины, увидев у причала «Прогресс».

На рыбалке Куэт

Особых дел у нас в поселке пока не предвиделось, и мы решили перебраться к керекам, жившим в двадцати двух километрах от Мейнышильгыно, в местечке Куэт, и основать там свою главную базу.

Возвращаясь с почты, я увидел сидевших на берегу керека Константина Аратовича Турылькота с женой чукчанкой Гыргольнаут, знакомых мне еще по 1970 году. Они, оказывается, ждали здесь кинемеханика, который должен был отвезти их на рыбалку.

Когда они узнали, что мы собираемся к ним в Куэт, то очень обрадовались и быстро сложили свои вещички в нашу лодку.

Не успели мы отойти, как появилась огромная тяжелая деревянная лодка с трехсильным мотором «Ветерок». Это и был киномеханик Николай Етынкеу. Он тоже керек. Работает киномехаником в красной яранге. Но сейчас у него отпуск, и он с семьей живет на рыбалке у отца Михаила Ивановича Етынкеу. Скорость его лодки едва превышала скорость пешехода, и мы решили взять ее на буксир.

Уже в сумерках причалили к рыбалке Куэт. Она находится в том месте, где протока соединяется с озером Ваамочка Первая. Мысок, образованный поворотом первой протоки и руслом второй, был высоким и сухим. На нем то и расположились два домика рыбаков. За ними раскинулись низкие вешала с вяленой рыбой, на берегу стояли большие деревянные бочки, чуть в сторонке на привязи сидели чистенькие собачки.

В первом рубленом домике с односкатной крышей и двумя окнами, выглядывавшими на протоку, жил Михаил Иванович Етынкеу, во втором — засыпном, приспособленном к традиционному быту аборигенов, — Турьлькот с женой.

Население рыбалки не постоянно. Летом она оживает, а на зиму здесь остаются только Етынкеу и Турьлькот. Они занимаются подледным ловом рыбы, ставят капканы на песцов и лисиц. На этот раз на рыбалке было многолюдно: семья Турьлькота, Николай Етынкеу с женой Ольгой и четырнадцатилетним сыном Игорем, отец Николай Михаил Иванович, я с Эдуардом. Да штук двадцать собак.

Николай с Игорем и Константином Аратовичем помогли нам установить палатку.

На следующий день утром я отправился в Мейныпильгыно за горючим, а Эдуард решил сходить к холмам Янкинан, где когда-то было большое поселение. В палатки к нему вызвался Игорь.

Два года я не был в Мейныпильгыно. Срок небольшой, но как изменился за это время поселок! В южной его части поднялись двухэтажные дома с водяным отоплением, рядом с гостиницей — большая светлая столовая. По улице натруженно ревели автомашины, доносился размеренный ритм двигателя электростанции. У одного совхозного домика стоял под загрузкой вездеход: он готовился в тундру к оленеводам. Поселок жил и трудился. Я шел по улице и на каждом шагу едва успевал отвечать на доброе приветствие «Етти!».

Уладив все свои дела, вернулся на рыбалку, но Эдуарда с Игорем еще не было. Вместе с Николаем Етынкеу я решил съездить за ними к подножию холмов Янкинан.

Оказывается, Эдуард на двадцатиметровом обнажении обнаружил обломки керамики, несколько скребков из кварцита и наконечник стрелы из роговика. Дно культурного слоя в одном углу древнего жилища было застелено пластинами китового уса. Это что-то новое...

РАССКАЗ СТАРОГО ЕТЫНКЕУ

В 1970 году я все лето провел на рыбалке Куэт и близко познакомился с кереками Михаилом Ивановичем Етынкеу, Константином Аратовичем Турьлькотом, Екатериной Кальвичану. Вначале Етынкеу и Турьлькот никак не могли понять, что мне от них надо, и к моим расспросам относились настороженно, отвечали неохотно. И лишь недели через две Михаил Иванович, поняв, что я от него требую, сказал:

— Вот если бы лет двадцать тому назад ты встретился с нами, когда еще были живы старики, тогда бы они тебе много рассказали о нашей прошлой жизни. Старики умерли, нас осталось мало, а молодежь уже не помнит родного языка и разговаривает на чукотском или русском.

Етынкеу скромничал. Он хорошо знал прошлое своего народа, любил свой родной язык. Ему было приятно, что я делаю записи на керекском языке. Раньше никто не интересовался их языком, а соседи обидно посмеивались и ушрекали, что они, кереки, портят настоящий чукотский язык. Прослушав первую свою запись на магнитофоне, он остался очень доволен и сказал:

— В нашем языке много чукотских и корякских слов, по каждое четвертое-пятое слово наше, керекское.

И действительно, в керекском языке встречались слова, не похожие на чукотские, корякские, ительменские и эскимосские. Например, по-чукотски «солнце» — «тиркытир», по-корякски — «тыйкытый», по-эскимосски — «сик'иньк», «масак», а по-керекски — «пыллап»; «муж» — «ы'вэкуч», «клаул», по-керекски же — «нкик'лап» и другие. Возможно, что эти «четвертые-пятые» слова и составляли основу древнего керекского языка. И лишь после, когда кереки стали жить в соседстве с чукчами, коряками, эскимосами, их язык начал пополняться новыми словами и ассимилироваться.

— Михаил Иванович, нужно, чтобы люди узнали о керехах. Помогите мне, расскажите все, что помните, — попросил я старика.

— Ай-пи, карашо, — ответил он. — Все сказки, которые помню, я расскажу, а о другом, что надо, напиши себе на бумажке и расспрашивай сам.

Как-то перед моим отъездом после записи сказки «Игклаул» — «Волк-мужчина» Михаил Иванович глубоко вздохнул и сказал:

— Уйна, пийа. Все, конь-чи-и-ль, — протянул он и дал мне понять, что все свои фольклорные познания исчерпал.

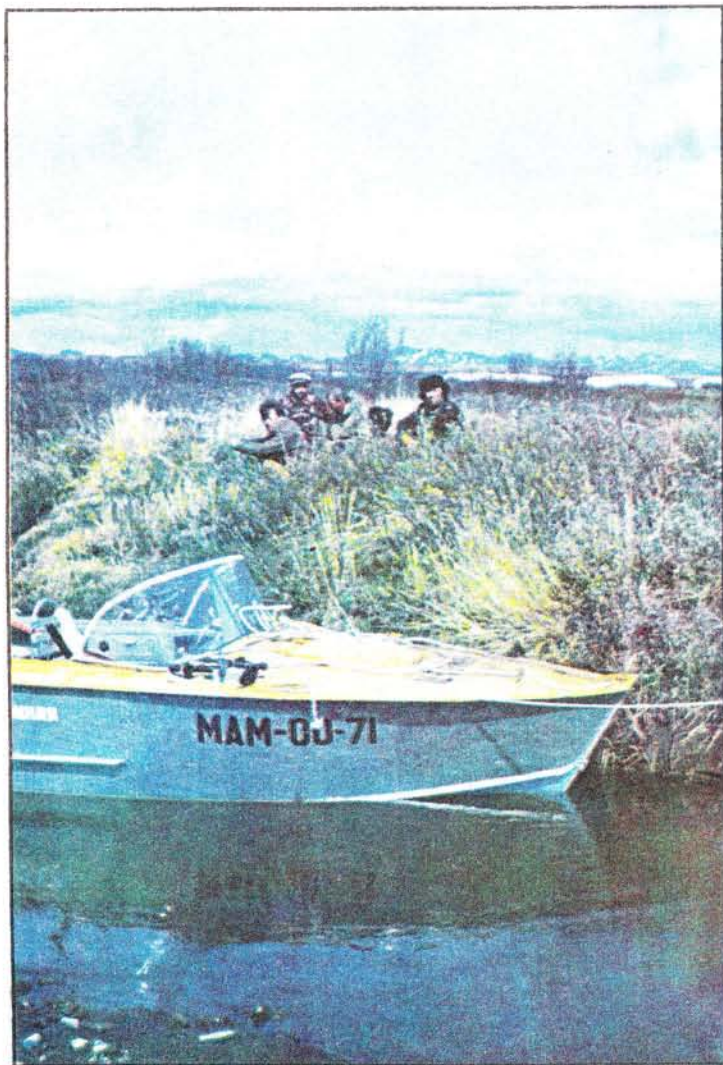
Было начало сентября, время полевых работ подходило к концу, и через день я стал готовиться к отъезду. Вечером вместе с Турьлыкотом и Гыргольнаут мы сидели в

Рыбалка Куэт.

Древний способ добывания огня.

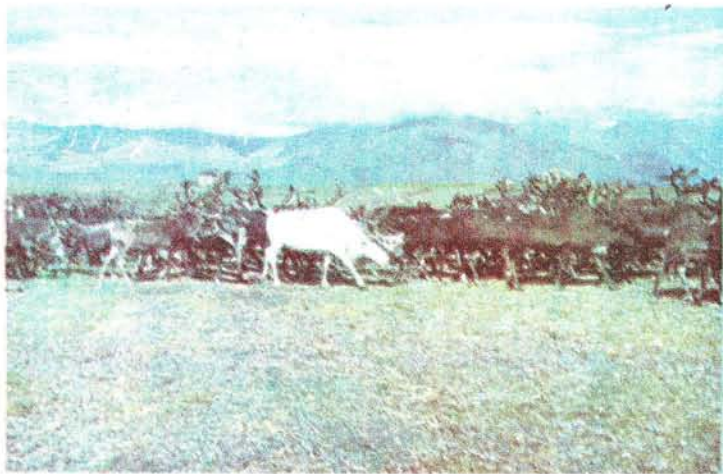
Рыбалка на Хагырке.

Очаг поселения Каныйун, обнаруженный в 1973 году.

Древний очаг (фрагмент).

Встреча стада.

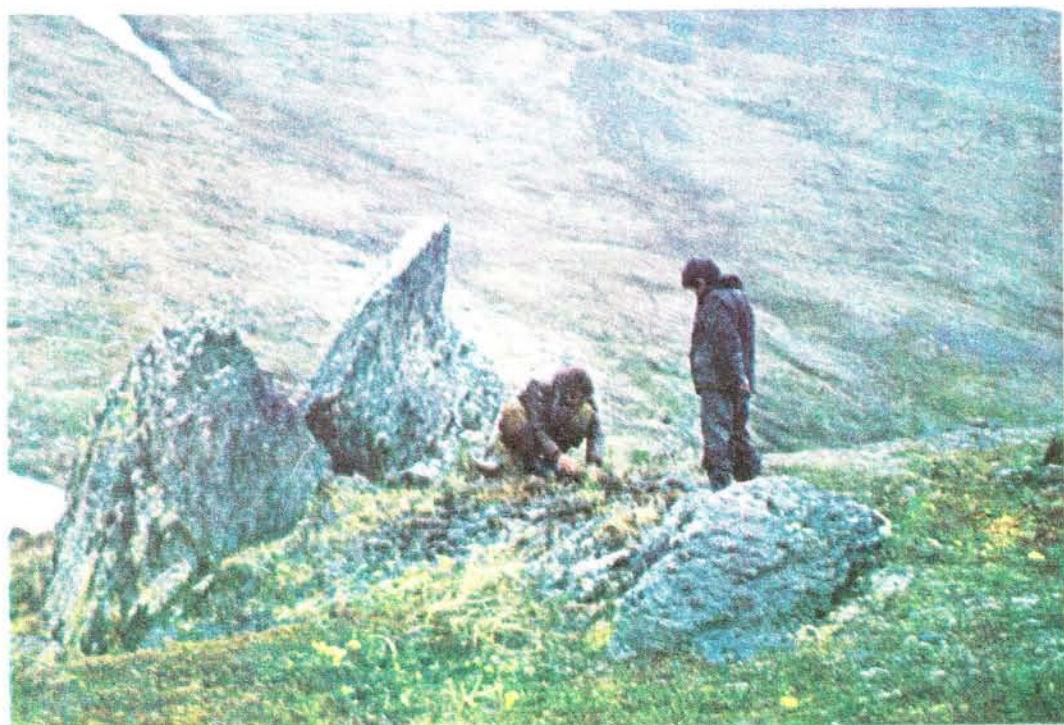
Жертвенник у мыса Опука.

В местечке Тымлыяргын. Кереки Турэрэт и Уваыргин. В центре чукча Етаквыргын.

Лагуна Опука.

Керекское захоронение.

Плотина на ручье Кыплен.

Керек Түрэрэт на рыбалке.

домике Етынкеу и с удовольствием пили чай. Старик, как обычно, полулежал в пологе, растянутом у задней стены комнаты, и, облокотившись на подушки, вытягивал тонкие губы и с наслаждением прихлебывал чай из блюдца. Глядя в его умные маленькие глазки, на лицо, испещренное паутиной морщинок, я попросил:

— Расскажи, Михаил Иванович, о своей прошлой жизни.

Старик осторожно поставил блюдце с чаем на низенький столик, помолчал немного и начал:

— Я вырос без отца, не помню даже, когда он умер. Трое нас было: две сестры и я. Мать заботилась о нас как могла. В голодное время, чтобы сберечь еду, только чуть надкусить нам давала от маленького кусочка мяса или юколы. Так она нас кормила, когда стояло ненастье, а если погода не улучшалась и охоты не было, мы съедали все добытое. Старики утешали, что летом не умрем с голоду. Но бывало, что и лето приходило голодное. Ох, и тяжелой была наша жизнь. Об этом я часто говорю своему сыну Николаю.

Весной мы на скалах кайру ловили, яйца собирали. Летом на байдарах пеструю нерпу промыслили. Добытое отдавали матерям¹. Когда я повзрослел, то сам стал добывать пищу. Мои сестренки еще слабенькими были. И я тоже был слабым. От усталости тут же засыпал, возвратившись с охоты. А мать опаливала кайру на костре и варила ее. Приготовив еду, будила нас, детей:

— Вставайте, еда готова, ешьте!

К зиме мы строили землянки — валхаан и переселялись в них. Летние жилища разбирали, ставили рядом стойки и складывали на них вещи. В валхаан мы брали только пологи из летних жилищ. Валхаан холодный, не

¹ Употребление множественного числа не случайно, так как дети кереков всех сестер своей матери называли «мамой».

было теплых печей, таких, как сейчас. Тепло только от костра было. В валхаане вверху отверстие имелось. Когда горел костер, то отверстие открывали, и из него выходил дым. Валхааны плотно друг к другу строили, их зимой сильно снегом заносило, а внутри все ином покрывалось. Тяжелой была наша жизнь, постоянно в нужде жили.

Моя мать тоже трудную жизнь прожила. Еще когда был жив мой отец, им не раз приходилось убивать собак и кормиться этим. Отец умер, остался дядя Каакуйнын, который заменил мне отца. Я еще был слабосильным, а дядя уже от старости маломощным стал, не мог пищу круглый год добывать. Лишь только весной ловил птиц, и тогда мы, дети, досыта наедались. А летом крючком — «атчина» он ловил в реках рыбу. Но много ли заготовишь таким крючком рыбы?! Тогда не было сетей, и делать их было не из чего.

Когда я уже окреп, — продолжал свой рассказ Етынкеу, — мы из Амамкута переселились в Гачгатагин. Построили себе новое жилище. В это время Советская власть становилась, силу набирала. Мы русских никогда не видели и говорили: «Русские неизвестны. Какие они?» И, как американцев, мы всех русских богатыми считали, ведь у них железо было.

Но вот укрепилась Советская власть. В наших валхаанах железные печки появились. Тогда мы, не открывая отверстия, стали прямо в землянках еду варить.

Завезли материал для сетей, и мы стали сети плести, рыбы ловить достаточно. Лучшее народ зажил.

Затем у меня ребенок родился. Это Етынкеу Николай. Теперь он на моториста выучился, грамотный. А мы раньше неграмотными были, о моторах ничего не знали. Только руками своими все для жизни добывали.

Вроде бы я все рассказал про нашу старую жизнь, — заключил свой рассказ Михаил Иванович. — Пусть меня

Турьлыкот дополнит. Правда, он молодой, но все равно много знает и по-кереки может рассказывать...

— Оо, Михаил Иванович хитрит, — улыбаясь, сказал Турьлыкот. — Молодым он был сильным, удачливым рыбаком и охотником. Он не сказал тебе, что помогал организовывать первое товарищество.

Позднее я узнал, что, сменив своего двоюродного брата Нутанвата, Михаил Иванович стал председателем товарищества «Керек» и был им вплоть до объединения с чукотскими оленеводческими товариществами «Красное знамя» и «Новый быт», из которых после образовался колхоз «Дружба».

По документам Етынкеу 1903 года рождения, но, сопоставляя рассказанное им с происходившими событиями, я понял, что он несколько старше. Так же, как и чукчи, кереки не помнили своего года рождения, и при выдаче паспорта ему и кереку Кежгынто поставили примерную дату рождения. А вообще кереки вели летосчисление не по годам в целом, а, как ительмены, по лету и обычно говорили, что такой-то прожил «два лета», а если надо уточнить, то добавляли «два лета и одну зиму»...

Еще в день приезда в Мейныпильгыно я узнал в сельсовете, что Михаил Иванович Етынкеу потерял подругу жизни: умерла его жена Екатерина Кальвичанау. Старик сильно переживал тяжелую для него утрату.

Кальвичанау родом из бухты Гавриила и жила как раз там, где мы обнаружили «тайник», фигурку загадочной птички и наконецник стрелы. Она была маленького роста, с квадратным, корякского типа лицом и глубоко сидящими черными глазками. Русский язык Кальвичанау не знала. Да и на родном керекском языке ее трудно было понять. Говорила она быстро, глотая окончания слов, часто повторялась, теряя нить повествования. И лишь привыкнув, я стал понимать ее.

Теперь без верной подруги Михаил Иванович совсем осиротел. Он даже внешне изменился. Лицо его осунулось, с небольшой горбинкой нос сильно заострился, глаза потускнели. Он так похудел, что затылок его сильно вытянулся. С грустью глядя на Етынкеу, я вспоминал отдельные эпизоды из жизни этой милой пары.

Как и все старики, они были ворчливы, особенно Кальвичану, когда пропустит одну-две рюмочки вина. Но это ворчание было добродушным, незлым.

Радостным событием для стариков был проезд на каникулы их любимого внука Игоря. Правда, Игорь вначале не мог разговаривать с ними на родном керекском языке. Он знал только русский язык. Это удручало стариков. Но во время частых наездов Игорь довольно бойко научился говорить по-керекски.

Дед и бабка проявляли о нем трогательную заботу. Зимой на Игоре была нарядная расшитая кухляночка, легкие красивые торбаса и пушистый меховой малахай. Летом бабка, которой пришлось обучиться новым навыкам, старательно наглаживала ему брюки и рубашки. Вместе с дедом Игорь любил проверять сети, помогал вытаскивать их из-под льда.

Учился Игорь хорошо, много читал. Бабка на него дружелюбно ворчала, считая, что он портит глаза. Но старик серьезно возражал ей:

— Пуст читат, пуст много знат. Книха — хорошо.

Иногда старички сами приезжали на собаках в поселок. Квартира у сына Николая просторная, чистая, уютная, хватало места и старикам. Но они быстро уставали от шумного поселка и, прожив два-три дня, уезжали к себе на рыбалку...

Однажды Николай приехал на лодке и увез Игоря с бабкой в Мейныпильгыно. Михаил Иванович, опершись на посох, долго провожал взглядом лодку, пока она не скрылась за поворотом протоки. Турылькот в это время

готовился к зимней пушной охоте и вместе с Гыргольнаут перебрался в устье речушки Кайгытгын. И мы с Етынкеу остались одни.

Вначале все шло хорошо. Утром, попив вместе чаю, Михаил Иванович отправлялся проверять сети. После старик стаскивал рыбу в бочки, варил корм собакам, чинил сети. Я же занимался своими делами и готовил в домишке еду. Ровно в час дня Михаил Иванович прерывал свои дела, и мы садились обедать. Затем он немного отдыхал и снова занимался своими рыбачьими делами, а вечером мы сидели у магнитофона. Михаил Иванович рассказывал, а я записывал.

Рассказывал он вдохновенно, зажмурив глаза, и с удивительной выразительностью. Еще не совсем понимая языка, я не сводил глаз с его лица и губ. Керекские сказки насыщены диалогами. И старик очень образно, интонацией передавал речь мудрого ворона Кукки, хитрой лисы Яючаннакут, тупоголового Плутыканэляна-Владеющего Железным Крючком и смелого, решительного зайца Милуткалика. Свой рассказ керекки не сопровождали жестами и мимикой, как чукчи, а все сложности повествования передавали интонацией речи. Я даже пришел в недоумение, когда стал читать тексты, переписанные на бумагу. Они не вызвали того интереса, с каким я слушал их из уст Етынкеу. В отличие от чукчей керекки не сопровождают речь сказителя подбадривающими возгласами удивления, страха, а молча и внимательно слушают.

Так мы с Етынкеу беседовали до тех пор, пока не начинали слипаться глаза.

На второй день Михаил Иванович с серьезным видом заявил мне, что хотя по-русски еда приготовлена и вкусно, но каждый день ее есть тяжело.

— Давай будем отдельно варить, — предложил он.

Я охотно согласился, так как знал, что соль и специи старику непривычны. К обеду он нарезал большими ку-

сками сига, гольца и, не счищая чешую и не промывая в воде, опустил рыбу в кастрюлю. Я нажарил себе рыбы с луком. Ели мы отдельно. Я сидел за высоким столом на табуретке, он же прямо на полу за низеньким, оббитым чистой клеенкой столиком. Вдруг Михаил Иванович прервал молчание и рассмеялся:

— Будто мы рассорились, обиделись друг на друга, — сказал он и, поднявшись, взял у меня кусочек жареной рыбы.

На третий день Михаил Иванович загрустил. Часто спрашивал, какое сегодня число, подсчитывал на пальцах и говорил:

— Что-то старуха моя долго не едет?!

Вечером работа у нас шла неважно. Он часто делал длительные паузы, кричал и пачинал жаловаться на боли в суставах.

Утром он был совсем не в духе, к тому же сети оказались почти пустыми.

Со мной была лодка «казанка», которую дал мне на время заведующий красной ярангой Виктор Тынетегин. И когда мы сидели на берегу, я сказал Михаилу Ивановичу:

— А что, если я съезжу в Мейныпильгыно? Кальвичанау привезу.

— Тавай, тавай, — обрадовался старик.

Я тут же столкнул «казанку» и понесся по широкой и глубокой протоке в Мейныпильгыно. На полпути вдруг вижу на косе маленькую фигурку, бодро шагавшую в сторону рыбалки. Я сбавил ход и всмотрелся — это была Кальвичанау. Пока пробирался к левому мелководному берегу, обходя островки и отмели, старуха уже была далеко от меня. Сколько ни кричал ей, она не слышала. И я вернулся обратно.

— Уже? — разочарованно спросил Михаил Иванович, видя, что его Кальвичанау нет со мной.

— Идет твоя старуха, — успокоил я его. — Так быстро шпарит, что на лодке не мог ее догнать.

— А-а, — обрадовался старик и заспешил в избушку ставить чайник.

Встреча прошла без поцелуев и вздохов. Кальвичанау присела на порожек и стерла пот с лица после двадцатидвухкилометрового пути. Михаил Иванович ее не расспрашивал. Он знал, что старуха сама все расскажет. И уже после за кружкой чая они мило ворковали между собой. Старик дотошно расспрашивал все подробности проводов Игоря в школу-интернат, ругал ее, что забыла купить коробочку, куда складывают карандаши и ручки, и все же остался доволен. А бутылочка вина, принесенная Кальвичанау, совсем умиротворила старичков...

Как-то вечером к нам на рыбалку из Мейныпильгыно пришел один паренек, работавший в торгово-заготовительном пункте разнорабочим. Он был под сильным хмелем, в хорошем настроении и выложил перед стариком две пачки моршанской махорки.

— Йакий? Зачем пришел? — спросил серьезно Етынкеу, не глядя на махорку.

— Да вот, отдохнуть к вам пришел, рыбки свежей хочу поесть. — И взял с подноса кусок вареного сига.

— А как же работа?

— Амын мачынан! А-а пусть! — махнул он рукой.

— Как так?! — вскрикнул Михаил Иванович.

— Ничего там без меня не случится.

— Ты в отпуске?

— Нет, просто взял и ушел.

— И бумажки, что ты отдыхаешь, у тебя нет?

— Уйне, нет, — весело ответил паренек.

— Аткэ, плохо. Завтра же поезжай обратно. Вот Леснтыев поедет в Мейныпильгыно, садись с ним в лодку. Работать надо. Когда будет бумажка, что ты отдыхаешь, тогда приезжай в гости.

Парень оторопел. Он не мог сообразить: шутит старик или нет.

— Да я только два дня у тебя погощу, — оправдывался парень.

— Кийман! Нет! — рассердился Михаил Иванович и перестал с ним разговаривать. Он знал, что на торговой базе идет приемка новых товаров и на складах нужны рабочие.

Пришлось мне на следующий день везти парня обратно в Мейныпильгыно.

Хотя Етынкеу был на пенсии и ловил рыбу в основном для своей семьи, но он по-прежнему считал своим долгом помогать совхозу и потому ставил свои сети и совхозные.

Однажды днем, увидев Михаила Ивановича сидящим на крыльчке домика, я подошел к нему и попросил поработать немного со мной. Он внимательно посмотрел на меня, потом на часы и сказал:

— В шесть часов кончай работа, пьем чай и тогда будем много говорить.

Я не обиделся. Зато после шести часов Михаил Иванович работал добросовестно, и порою я уставал быстрее, чем он. Больше я уже никогда не беспокоил его в «рабочее время». Они с Турылькотом ровно в девять выходили проверять сети, с часу до двух обедали и заканчивали все дела в шесть вечера. В воскресенье отдыхали, но субботу ввести у себя еще не успели.

Мне нравилось, сидя у палатки, наблюдать за обитателями рыбалки. Константин Аратович любил ходить, заложив руки за спину, что у чукчей считается приметой ленивого человека, хотя о Турылькоте этого не скажешь. Походка у Турылькота и Етынкеу семенящая, но не быстрая. В отличие от чукчей, которые широко расставляют ступни носками врозь, кереки, наоборот, шагают носками вовнутрь и при этом косолапят.

Екатерина Хаткана

С Екатериной Хатканой я познакомился в январе 1970 года, когда проводил перепись в Беринговском районе. Уже до этого я кое-что знал о ней от секретаря Мейныпильгынского сельсовета Веры Ивановны Иунеуг. Она мне сказала, что это очень веселая, жизнерадостная женщина, хорошо знает керекский язык, помнит сказки и предания.

Когда я впервые увидел Хаткану, то меня поразило ее рост. Оказалось, он всего 138 сантиметров. Походка у нее быстрая, легкая. Глаза чуть раскосые, черные, но бойкие и любопытные. Губы полные, нос чуть плоский и книзу слегка расширен. Вероятно, в молодости она по-своему была красива, но и сейчас, несмотря на морщинки в углах рта и под глазами, она по-прежнему не теряла своей женской привлекательности. А ее девятилетняя дочь Марина, очень похожая на мать, была просто красивой.

Маленькая, хрупкая на вид, Хаткана была выносливой и мужественной женщиной. Она воспитала шестерых своих детей и усыновила еще двух детей брата своего мужа. Все живы, здоровы, а старшие уже работают и помогают матери.

Родилась Екатерина Хаткана в бухте Угольной у протоки лагуны Лахтина в 1923 году. Когда ей было два года, умер отец Таномрын. Они с матерью Омрытвааль переселились в местечко Амакнут к брату матери Нутаве. С большой любовью она вспоминает своего дядю Нутаву, который поддержал в тяжелое время свою сестру, воспитал Хаткану. Хотя Екатерина и выросла в советское время, но в детстве ей пришлось пережить несколько страшных голодовок, которые запомнились ей на всю жизнь.

До замужества Хаткана жила в окружении кереков, где постоянно звучала родная речь, соблюдались древние

обычай и традиции. В 30-х годах керекы «Наваринского полуострова» объединяются в товарищество и переселяются в Мейныпильгыно. Здесь Хаткана окончила начальную школу, работала учетчиком на рыббазе. Но вот пришло время, и ей приглянулся рослый и сильный пастух Вотгыргын. Понравилась и молодому чукотскому юноше веселая, жизнерадостная девушка. Они поженились, и Хаткана уехала в тундру к оленеводам. Правда, Нутава вначале был взбешен поступком племянницы, пытался силой вернуть ее обратно, но новый закон был на стороне молодой пары. К тому же Вотгыргын оказался хорошим мужем, добрым и отзывчивым человеком и его родственники приветливо встретили Хаткану, обласкали ее. Так вековой барьер, порожденный социальным неравенством и узаконенный древними традициями, был сломлен. Браки кереков с чукчами стали естественны и обычны.

Живя в тундре, Хаткана хорошо познакомилась с оленеводческим бытом. Она в совершенстве овладела чукотским языком, научилась свободно говорить по-русски. Знание трех языков, а также обычаев керекского и чукотского народов сделали ее хорошим и ценным информатором. Оказалось, что Хаткана уже оставила свой след в литературе. Еще в начале сороковых годов она переводила своей любимой учительнице О. Е. Бабошиной чукотские и керекские сказки на русский язык¹...

Когда я ознакомился с результатами переписи и внимательно просмотрел похозяйственную книгу сельсовета, то пришел в уныние. По всему Мейныпильгынскому сельсовету числилось шестнадцать человек, которые считали себя керекками. Какую национальность примут их дети, еще неизвестно, и если считать их керекками по национальности матери, то таковых было еще двенадцать чело-

век. При получении паспорта, по существующему положению, дети вправе выбрать себе национальность отца или матери, и они, как правило, предпочитали записывать себя чукчами. Из шестнадцати человек, признавших себя керекками, только восемь хорошо знали родной язык и помнили прошлое.

Перед читателями естественно возникает вопрос: куда же делись керекы?

Мне все время вспоминаются слова Михаила Ивановича Етынкеу: «Если бы не Советская власть, то ты сейчас не разговаривал бы со мной — мы все умерли бы с голоду».

По переписи 1897 года, кереков, живших на полуострове, вдающемся в Берингово море (губа Гавриила, Амамкут, Амаамын, Гачгатагын, Упаккинмын.— В. Л.), в пяти небольших селениях насчитывалось 102 человека, в том числе 52 женщины¹.

К приходу Советской власти кереков было уже очень мало. Так, Приполярная перепись 1926—1927 годов по мейныпильгынской, а точнее, наваринской (так мы будем называть их и в дальнейшем) группе кереков отмечает пять поселений (Гачгатагын, Майнамаккут, Упанкинмын, Амаам, Капыйун), восемнадцать хозяйств и 63 керек². В 1937 году проводит этнографическое исследование кереков Н. Б. Шнакенбург. Он констатирует два поселения (Майнамаккут, Мейныпильгыно), 15 хозяйств и 47 кереков. Одновременно с Н. Б. Шнакенбургом на территории Марковского и Анадырского районов работает землеустроительная экспедиция. Данные

¹ С. Патканов. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев, т. 1. Сводные таблицы и краткие выводы. С.-Петербург, 1913, с. 117.

² Здесь и далее я привожу выборочные данные только по наваринской группе кереков, живших на побережье от мыса Барыкова до Мейныпильгыно.

¹ Сказки Чукотки. Записала О. Е. Бабошина. М., 1958, с. 39—41, 64—68, 216—217.

Н. Б. Шнакенбурга и экспедиции почти сходятся, и лишь непонятным остается перемещение кереков: в Амамкоте их насчитывается 25 человек, а в Мейныпильгыно — 23. По сравнению с 1927 годом численность кереков уменьшилась на 15 человек. По переписи 1959 года, керекы прошли под рубрикой «коряки», которых в поселках Мейныпильгыно и Хатырка Беринговского района насчитывалось 64 человека.

Уменьшение численности кереков в наше время, на мой взгляд, можно объяснить следующими причинами. Во-первых, учет кереков, за исключением Н. Б. Шнакенбурга, проводился не специалистами-этнографами и могло быть, что коряков приписывали к керекам, а последних путали с чукчами, перешедшими на побережье и жившими вместе с кереками. К этому времени процессы ассимиляции зашли уже настолько глубоко, что несведущему человеку трудно было отличить оседлого керека от чукчи. Во-вторых, отдельные семьи кереков жили в одиночестве на реках или в бухтах. Так, например, семья керека Кежгынто вплоть до 50-х годов жила на реке Альтатваам чуть выше современного одноименного поселка; керек Нутава долго жил в бухте Гавриила. Эти отдельные семьи и одиночки могли быть и не учтены. В-третьих, с коллективизацией и укрупнением поселков начался активный процесс ассимиляции, участились браки между чукчами и кереками, молодежь, находясь в чукотском окружении, стала больше прибегать к чукотскому языку и приписывать себе их национальность. В-четвертых, старшее поколение кереков умирало естественным образом, от старости.

Подобная картина привела меня в уныние. Как, какими путями восстановить историю керекской народности? Может быть, я напрасно взялся за непосильную тему этнографического исследования? На прямые вопросы этнографа: как и откуда произошли керекы, какие обычаи

были у них в прошлом, в каких жилищах жили, как охотились и обрабатывали зверя и многие другие, — даже пожилые керекы не могли мне дать точных ответов. Вот здесь-то и пришла мне на помощь Екатерина Хаткана.

Первые рассказы Хатканы на керекском языке, новизна артикуляции в произношении, отличном от других языков народов Северо-Востока, непонятные и несравнимые слова показали, что есть еще источник этнографической информации — это язык. Каждое четвертое — пятое слово раскрывало ту или иную интересную сторону жизни этой загадочной народности. Так, слово «пуйалкык» выявило древний способ приготовления пищи, слово «анкальых» — «каساتка» показало, что у кереков это животное не считалось оборотнем, как у чукчей. Так по крохам накапливались ценные этнографические сведения.

Мы долгими вечерами сидели с Хатканой и обрабатывали первые фольклорные записи, полученные от Михаила Ивановича Етынкеу и его жены Кальвичанау. Меня не интересовала грамматическая сторона языка. Я дотошно выпытывал значение каждого слова, выявляя за ним этнографические детали, пытался разобраться в поступках фольклорных героев.

Хаткана с удовольствием обучала меня своему родному языку, и через некоторое время я уже самостоятельно стал понимать керекский язык и даже пытался немного разговаривать. Екатерина добродушно посмеивалась над моим произношением.

Много интересного рассказала мне Хаткана о жизни кереков, о некоторых семейных обычаях, традициях.

Особую любовь керекы проявляли к детям. Старались им ни в чем не отказывать, удовлетворяли любое их желание, нежно опекали, чтобы с ними не случилось какой беды. Например, чтобы ребенок, ползая или бегая по землянке, не обжегся, накрывали очаг большим плоским камнем. Когда ребенок начинал делать первые шаги, ему

шили специальные ляжки, за которые его поддерживали или же привязывали длинным ремнем к балке в землянке. Родители или родные после долгой разлуки с детьми проявляли бурную радость при встрече, но всегда, чтобы не привлечь внимания духов, говорили все наоборот. Например, если ребенок подрос, то с серьезным видом восклицали: «Ох, какой ты еще маленький!», если же он был крепким и упитанным, то: «У-у, какой ты худой да тощий!» Определяя возраст ребенка, кереки, как и ительмены, говорили, что он прожил «два лета» или же «три лета и одну зиму».

Как-то обрабатывая сказку «Игк'лаул» — «Волк-мужчина», я запутался в действиях. Сын Волка погиб, попав к ворону Кукки, но потом ожил и возвращается домой. Отец и мать встречают его радостным возгласом: «О-о, наш отец вернулся!»

— Как же так? — спросил я Хаткану. — Вернулся сын, почему же его отцом назвали?

Оказалось, что кереки родившегося сына считали отцом матери, а если же отец еще был жив, то сына называли каким-нибудь родственником по материнской линии, срнувшимся с того света. Когда же рождалась дочь, то отец говорил, что вернулась «н'авмат» — «свекровь», а мать считала, что вернулась ее «ылла» — «мать». Кереки представляли, что родившиеся дети — это их предки, которые снова возвращаются к ним. Детям давались имена предков по материнской линии. Так, Михаил Иванович Етынкеу своего сына назвал именем дяди, брата своей матери Каавыкуй'ын (по паспорту Етынкеу Николай).

Особым вниманием и уважением у кереков пользовалась беременная женщина. За ней ухаживали, готовили ей специальную питательную еду. Беременной женщине не разрешали во время сна лежа переворачиваться на другой бок: она должна была сесть и только тогда перевернуться.

Роды у керекских женщин проходили в землянке, в специально огороженном месте. После родов ей туго перевязывали бедра, стягивали живот и, в отличие от чукчей, кереки не разрешали роженице недели две ходить, выполнять тяжелые работы. Поили женщину жирным бульоном, а если было голодно, то специально берегли для нее еду, отказывая даже маленьким детям. Все повязки снимались только через месяц. Во время сна роженица находилась в полусидячем положении с подобранными под себя ногами. Груды обязательно были прижаты к мягкой подушке, голова лежала на руках. Чтобы она случайно не простудилась, ее заставляли спать одетой.

Было большим горем, если наступали преждевременные роды или дети рождались мертвыми. Считалось, что предки обиделись на живущих и прошли мимо. Таких детей хоронили прямо в стенах землянки, закладывая их группами дерном.

Обрабатывая фольклорные записи, я часто попадал в неловкое положение и допускал серьезные ошибки. Так, в сказке «Тчик'ылтчыки» — «Сова» я слово «ыттамлай» перевел как «сломала ноги», «пунтат'алнун» — как «печень болит». Когда я прочитал Хаткане обработанную сказку, она расхохоталась. Оказалось, что «сломать ноги» — это значит «родить ребенка», «болит печень» — голодать. С тех пор я считал своим долгом все тексты проверять с информатором.

Куймайаана — древнее жилище

Как-то я рассказал Хаткане о древних жилищах и нарисовал на песке их схему. Екатерина тут же объяснила мне, что такие жилища по-керекски называются «куймай-

аана», то есть жилище с углублениями. После Турылькот несколько уточнил. Раньше землянки у кереков были коллективными. В центре стояла большая общая землянка. Она имела свой выход. Рядом с ней по окружности располагались землянки меньшего размера, в которых жили отдельные семьи. Таких, как правило, было две-три. Все землянки соединялись с центральной, некоторые малые землянки имели свой отдельный выход. Дымовое отверстие — «инуйнын» не являлось выходом, как у коряков, не было в керекских жилищах и специального столба с зарубками, служившим как бы лестницей, который был типичен для корякских землянок с раструбом. Дымовое отверстие зимой покрывалось тонкой пластинкой речного льда и открывалось, когда в жилище горел очаг.

Новое слово «куймааана» навело на размышления, что название жилища «валхаан», которое соответствует чукотскому «валк'ыран», то есть «жилище из челюстей кита», видимо, заимствовано из чукотского языка и вошло в употребление, когда керекки стали жить отдельными семьями, а настоящим древним жилищем являлось «куймааана».

Основу керекской землянки составлял квадратный каркас из четырех крепких столбов, соединенных между собой толстыми балками. На каркас наваливались жерди, все это тщательно обкладывали дерном, а щели забивали песком. Сложная система жилищ представляла собой внушительное сооружение, но оно не было приметным издали, так как, покрытое дерном, сливалось с естественным ландшафтом. Возможно, по этой причине гековские чукчи называли жителей таких землянок «нутэск'ычыку валыит», то есть «под землей живущие».

Было что-то от древних жилищ и в домике самого Константина Аратовича Турылькота. Домик засыпной, размером пять на восемь, с двускатной крышей. Справа от дверей стоит железная печь, вырубленная из бочки.

С правого ската крыши, ближе к выходу, прорезано окно — «инуйын». Дальше, в глубине комнаты, натянута на растяжках полог, сшитый из прочной материи. Хозяева обычно спят в пологе, а приезжие и гости вне полога, с правой стороны. Чтобы в домик не поступал холодный воздух, пристроен небольшой тамбур, в котором хранятся сети и различные хозяйственные вещи. А когда в двери тамбура дуют сильные ветры и хлещет дождь, то Турылькот делает загородку из досок, чем-то напоминающую длинный ледяной коридор в древних землянках кереков, тоже служивший зимой заслоном от прямых ветров.

Нас заинтересовала загадочная фигурка птички с перепицей головой. Мы строили различные догадки: то ли это кайра, то ли утка-гага. Я показал эту фигурку и наконец стрелы Михаилу Ивановичу. Он долго вертел в руках фигурку, тщательно рассматривал ее и наконец уверенно сказал: «тчик'ылтчыки» — «сова». Сова — это фольклорный образ, распространенный в керекских сказках. Например, в одной из сказок объясняется, почему у совы большие глаза. Отец-сова по ошибке бросил своего сына в костер, приняв его за чужого, а когда спохватился и выгасил, то у совенка глаза опалились и стали большими и круглыми от испуга.

В Ленинграде в фондах музея антропологии и этнографии хранится коллекция предметов, собранная в самом конце XIX века управляющим Анадырской округой Н. Л. Гондатти. Среди многих предметов есть и керекские фигурки животных, вырезанные из моржового клыка. По стилю орнамента, общим очертаниям и способу изготовления фигурки собак, бурых медведей, моржей и тюленей сходны с фигуркой птички, найденной нами в бухте Гавриила. Для всех фигурок типичны две поперечные борозды с маленькими черными треугольничками с внешней стороны борозд. На фигурке совы орнамент такой же, то есть бороздки с треугольничками, но

она отличается тем, что всю фигурку пять раз опоясывают тройные бороздки, пересекающиеся двойными линиями вдоль туловища. Сомнений не было: фигурки Н. Л. Гондатти и наша принадлежат к одной и той же керекской культуре.

Аналогичный орнамент и на стреле.

— Унка чутчум. Это чутчум, — назвал наконечник стрелы Михаил Иванович.

Я удивился. Слово «чутчум» мне часто встречалось в сказках и рассказах кереков. Предположительно я отнес это древнее керекское оружие к так называемой «медвежьей дубинке». Так именуется этот вид оружия Н. Л. Гондатти. Когда я показал фотографии, сделанные мною с коллекции Н. Л. Гондатти, то Михаил Иванович и Константин Аратович в один голос назвали «медвежью дубинку» словом «калувйанан». Оказалось, что стрела — это «чутчум», а «медвежья дубинка» — «калувйанан». Так была исправлена допущенная мною ошибка.

«Калувйанан» — «медвежья дубинка» в прошлом распространённый вид оружия у кереков, которым они добывали нерцу, лахтака, убивали бурого медведя. В коллекции Н. Л. Гондатти я изучил два вида «калувйанан».

Первый «калувйанан» представлял собой древко длиной 112 сантиметров, на утолщенный (3 сантиметра) конец которого был насажен массивный кусок моржового мореного клыка, по форме похожий на прямоугольник с закругленными каменным теслом гранями и большими шипами на поперечных сторонах. Длина куска кости вместе с шипами 13 сантиметров, ширина у одного основания 5 сантиметров, у другого — 6 сантиметров, толщина — 3 сантиметра. Второй конец древка сходит почти на нет, но имеет деревянный шип, на который насажен костяной наконечник. Кусок кости с шипами служил для убоя зверя и защиты от него, а другой — опорой при ходьбе по льду, твердому насту и тундре и выполнял роль посоха.

Второй «калувйанан» тоже представлял собой древко длиной 135 сантиметров, но на утолщенной его части — уже насадка из железа, напоминающая короткое кайло или мотыгу. Для веса и увеличения убойной силы дополнительно был еще надет округленный кусок моржовой кости с высверленным отверстием по сердцевине клыка. На другом конце этого орудия имелся наконечник из оленьего рога.

По своему назначению и способу употребления керекские «калувйанан», возможно, являются древними предшественниками «томагавков» индейцев Северной Америки:

«Судя по имеющемуся сейчас археологическому материалу, предшественниками томагавков были каменные военные орудия, обнаруженные при раскопках некоторых могильников и курганов на территории Северной Америки. Встречаются, например, орудия из обтесанного камня, заостренного на одном конце с двух сторон, напоминающие мотыги. Каменное острие вставлялось в отверстие, просверленное на рукоятке из твердого дерева. Иногда вместо камня вставлялся крепкий рог оленя»¹.

В работах В. И. Иохельсона, В. Г. Богораза и современных этнографов нам не удалось обнаружить упоминаний о подобных орудиях ни у эскимосов, ни у коряков, ни у чукчей. Правда, Н. Н. Степанов, приводя «отписки» русских казаков, пишет, что «...анаулам оружием наряду с «топоры на долгие топорница сажены и ножи», служило колье нарочное»². Анаулы, как предполагают этнографы, были одним из юкагирских племен и жили в

¹ Труфанов И. П. Кенайские томагавки из этнографической коллекции И. Г. Вознесенского. — В кн.: МАЭ, XXIV, Культура и быт народов Америки. Л., 1967, с. 65—86.

² Н. Н. Степанов. Освободительная борьба народностей Северо-Востока в XVII веке. — В кн.: Памяти В. Г. Богораза. М.—Л., 1937, с. 220.

XVII веке на среднем течении реки Анадырь, а «топоры на долгие топорща сажены» похожи на керекские «калувианан».

Эныпчеран — жилище касаток

Еще в первую встречу я узнал от кереков и мейныпильгынцев, что в скалах озера Пекульнейского есть пещеры, где скрывались кереки во время межплеменных войн. Нам интересно было обследовать их. Но старики сказали, что есть пещеры и у сопки Эныпчеран — «жилище касаток». Меня заинтриговало название сопки. По древним представлениям чукчей касатка — это оборотень. Летом она, как морское животное, обитает в море, а зимой превращается в волка. Даже чукотские слова «и'ны» — «волк» и «и'ныпчик» — «касатка» имеют одну основу «и'н», а к слову «касатка» добавлена еще основа «-пчик'», что в буквальном переводе означает «волк-птица». Этот оборотень считался добрым существом. Он помогал морским охотникам подгонять к берегу китов и моржей, а в тундре — охотникам на диких оленей загонять стада в ущелья.

Мы решили осмотреть это место, тем более, что оно было недалеко. Проводником решила пойти с нами Вера Иунеут.

Отправились в путь только в восемь вечера. Еще находясь здесь в 1970 году, я хорошо изучил устье протоки, соединяющей два озера, и потому уверенно вел «Прогресс». И вдруг у самого входа в протоку лодка наскочила на отмель. Оказывается, за два года фарватер устья сместился ближе к левому берегу. Мы с Эдуардом проталили лодку по отмели и вывели ее на глубину. Через некоторое время вырвались на простор широкой излучины,

где на левом берегу стояли два домика и пять яранг, а на правом виднелись вешала с красной юколой и две большие яранги. И здесь произошли изменения. Раньше яранги Рырольтота — отца Веры Иунеут и ее дяди Рахавтагина стояли на большом холме в километре от реки, сейчас же их перенесли на высокий бугор к самому берегу. К яранге Рырольтота я и направил свой «Прогресс». У самой воды стоял высокий, жилистый старик. Это и был Рырольтот. Рядом с ним сидела на корточках мать Веры старая Гыргольнаут. Тут же бегали ребятишки и с любопытством поглядывали на красивую лодку.

— Аа-а, како-о-мэй! — удивился Рырольтот и долго тряс мне руку. — Нэмэ етий! Снова приехал!

— Ии, да-а! — ответил я и представил ему своего помощника Эдуарда.

11 августа. Суббота.

Утро выдалось пасмурное. Низкая густая облачность, мелкий морозящий дождь и юго-восточный ветер, который не менял своего направления с тех пор, как мы приехали в Мейныпильгино. Я вначале было колебался ехать в такую погоду, но мои спутники уже настроились в дорогу. Вера подбирала себе легкие торбаса, Гыргольнаут разминала после сушки мягкие чижы старику. И я стравился готовить мотор.

Двадцать минут нам хватило, чтобы пересечь озеро Ваамочка Вторая. И лишь один раз на полном ходу врезались в рощу подводных трав, после чего пришлось долго чистить винт. Рырольтот хорошо знал озеро и все устья впадающих рек и речушек, а их было множество. Не случайно это озеро названо по-чукотски Ваамьёчгын — «сборище рек». Старик уверенно показывал мне путь. Обогнув длинную узкую косу, мы наконец-то вошли в устье реки Кууль. Впоследствии выяснилось, что это не река, а протока. Она была сравнительно широкой, но так за-

росла водорослями, что трудно было понять, где русло протоки, а где старицы и озера. Даже Рырольтот удивлялся, когда, войдя в излучину, мы делали полный круг и снова выходили на протоку. Вода черная и густо насыщена гумусом. Водоросли со дна поднимаются на поверхность, цепляются за днище и большими косами наматываются на винт. Приходилось не раз глушить «Вихрь» и освобождать винт из плена. И чем дальше мы продвигались, тем чаще делали подобную процедуру. Рырольтот уверял меня, что протока везде глубокая и на веслах они еще дальше проходили.

— На «Прогрессе» идти на веслах, все равно что трепироваться в гребле на суше, — сказал я старику.

— А-а, ии! — согласился он, не поняв моей шутки. Затем Рырольтот показал на небольшую сопочку в широком распадке гор, чуть видневшуюся сквозь завесу тумана и мелко сеющего дождя.

— Очень близко отсюда, пешком дойти можно, — пояснил он.

По каменистым пологим склонам сопки идти было легко. Рырольтот прихватил с собой сумку для мухоморов и просил нас смотреть в оба. Теперь мы поняли, почему он так охотно пошел с нами. Старики еще не отвыкли от старой вредной традиции и по-прежнему жуют мухоморы, от которых потом впадают в состояние крепкого опьянения. Жуют их обязательно нечетным числом: по три, пять, семь, девять. Самая большая доза для женщины пять, а для мужчин девять мухоморов. В прошлом мухоморы жевали шаманы перед совершением какого-либо таинственного обряда, употребляли его для храбрости чукотские и корякские воины перед битвой. Так, в чукотском предании об эрмечине Лявтылевалине-Повелевающем Кивком Головы все совершают обряд поклонения духам мухоморов и после едят их, чтобы душа война стала сильной.

Хотя и была мухоморная пора, но они что-то не попадались нам. Рырольтот сразу потерял интерес к нашей экскурсии, сказал, что устал и подождет нас в распадке.

Вскоре мы увидели сопочку правильной конической формы, обильно покрытую с южной стороны ольхой. У ее подножия бежал бурный ручей, ударяясь о груды серовато-белых камней — коренные выходы небольшого поля монокварцитов. Эта сопочка и послала название Эныпчеран. Ни о каких пещерах здесь не могло быть и речи. И все же мы продолжали поиски. Осмотрели северную, более чистую от кустарника часть сопки. Каких-либо тектонических разрывов, ослабленных, легко размываемых участков пород, за счет которых могли образоваться пещеры, не обнаружили. Правда, в груды серовато-белых камней были естественные углубления, которые и могли быть пристанищем для волков. Возможно, здесь когда-то было волчье логово, но, откуда возникло название Эныпчеран, непонятно.

На обратной пути мы застали Рырольтота на прежнем месте. Старик, полулежа, курил сигарету. Присели отдохнуть и мы. Разговаривая, я невольно обратил внимание на разбросанные куски резины.

— Откуда они могли взяться? — удивился я.

Рырольтот молчал. Вера Ивановна примерила обрезки резины к сапогам старика и рассмеялась. Оказывалось, пока мы ходили, Рырольтот «совершенствовал» свои резиновые сапоги. Чтобы они стали легче, он срезал с них ранты и каблучки, отчего сапоги сделались совершенно плоскими. Но они его вполне устраивали. Мы дружно расхохотались. Рассмеялся и старик, довольный, что вызвал общее веселье.

— Почему же называют эту сопку «Эныпчеран»? — допытывался я у старика.

— Давно-давно здесь было море, и об эту скалу бились волны, — коротко объяснил мне Рырольтот.

А ведь старик прав. Вероятно, еще в эпоху голоцена, около шести тысяч лет тому назад, море затопило низменные берега и проникло к подножию гор, образовав извилистую береговую линию. Озера Пекульнейское и две Ваамочки были тогда заливами. Течение постепенно выровняло берег и образовались косы, на которых стоят сейчас рыбалки Куэт и Мейныпильгыно. Но откуда мог знать об этом старик? Видимо, его далекие предки могли сделать свои умозаключения, встречая признаки моря на земле. Возможно, не напрасно чукчи не называют озера Пекульнейское и Ваамочки словом «гыттын» — «озеро», а словом «куйым» — «залив», «бухта»...

Потомки Кунлелю

Рырольтот — потомственный чаучу-оленеvod. Он свое происхождение, возможно, ведет от известного своими подвигами чукотского богатыря Кунлелю. Правда, мейныпильгынские чукчи говорят, что в них течет и керекская кровь. «Кереки «ы'ттыётляно гитлинэт» — первыми были» — утверждают они.

Вот как об этом гласит сказание о богатыре-эрмечине Кунлелю.

«Кунлелю жил с братьями. Четверо их было: Кунлелю — Одноусый, Пикыттым — Копчик, Аковр'арки — Оленьи Постромки, Петывытычгын — Старая Камлейка. Еще двоюродные братья были — Выгыкылты — Илоская Вязанка, Эвийский — Пастбище и Вэнгий — Ездовой Олень. А произошло это, когда дружба между людьми зарождалась.

Рядом с озером Ёмрагыттын жил оленеvod Арельпыно. Войны уже кончились, но в соседстве с Арельпыно коче-

вал воинственный и коварный чукча Мотлынто. Однажды он с братьями отбил стадо у чукчи Арельпыно, перебил пастухов и зарезал всех оленей. Арельпыно с женой и дочерью на отвесных скалах сделали себе укрытие и спрятались там.

Тогда воскликнул Мотлынто:

— Осадой возьмем их! Без еды погибнут!

— Держитесь, держитесь! — шепчет своим Арельпыно. — Кунлелю с братьями придет, он выручит нас!

В это время жена Арельпыно выглянула из-за укрытия, и вдруг камень, пущенный пращой, попал ей в лоб. Она тут же упала замертво. Вскоре началась снежная пурга. Арельпыно с дочерью незаметно выбрались из крепости и стали пробираться к берегу моря. Но неожиданно поскользнулся Арельпыно и сломал руку.

— Оставь меня. Ты крепкая и ловкая. Беги к керекам, — говорит он дочери.

Целый день вдоль скал бежала дочь Арельпыно и только ночью добралась до кереков. И тут же по ее следам прибежали враги-преследователи.

— Где женщина-чукчанка?! — закричали они.

— Нет ее, — ответили кереки, а сами спрятали женщину в яме, вырытой под пологом.

Ушли враги, а на следующий день вечером Кунлелю с братьями прибыл.

— Где люди Арельпыно?!

— Погубил всех Мотлынто, — ответили кереки, — вот одна дочь его осталась.

Тут же бросился в погоню Кунлелю с братьями за коварным Мотлынто.

А кереки в жены взяли чукчанку... Многие мейныпильгынские чукчи свое происхождение ведут от дочери Арельпыно.

Сказания о Кунлелю связаны с конкретными географическими названиями, по которым и сейчас можно

определить, в каких местах он сражался. Пожалуй, сам Кунлелю не вымышленный фольклорный образ, а живой человек.

Коравье, двоюродный брат Рырольтота, который поведал мне это сказание, хорошо помнит свою родословную:

— От самого первого Эпэкэя я, от Мэлмэля я, Магчымката я, от Кытэка я, от Эвиискива я, от Авыныквына я, от Етувги я, от Тэгрына я, от Кытынкава, я сын Коравье — Евтэгин — Иван.

Девять поколений своих предков помнит Коравье и в пятом упоминает Эвиискива, двоюродного брата Кунлелю. Если принять возраст одного поколения за 25—30 лет, то пятое поколение предков Коравье падает на вторую половину XVIII века. Эти расчеты почти совпадают с предположением И. С. Вдовина: «...Так, например, можно почти точно датировать появление сказания о чукотском герое Кунлелю... Из исторических документов известно, что первая группа чукчей-оленоводов в составе 43 яранг со всем своим имуществом перешла на южный берег реки Анадырь в 1756 году. Переход этот был совершен с согласия коряков. Однако вскоре между чукчами и коряками произошло столкновение, зачинщиками которого были последние. Чукчи пострадали и с новой силой возобновили нападения на коряков. Это событие, по-видимому, и послужило основой для сказания о Кунлелю и других героях — его сподвижниках...»¹

Соседство коряков и кереков наложило свой отпечаток на жизнь мейпыльгинских чукчей. Яранга Рырольтота высокая, просторная и по типу похожа на кочевую корякскую: по форме округлая, вершина-дымоход — «рынногыргын» находится в центре, а не сдвинута вперед, как

¹ Вдовин И. С. О соотношении фольклора с историко-этнографическими данными. — В кн.: Фольклор и этнография. Л., 1970, с. 22.

это делается в северных и западных районах округа. Внутри жилища по-своему было чисто, все вещи лежали на определенных местах. Заметно влияние коряков и в чукотском языке, а в чукотском женском произношении сильно влияние керекского языка...

Пока я оформлял свои записи, Вера Ивановна Иунет готовила к предстоящему празднику осеннего забоя оленей свой бубен.

На широкий деревянный обод давно уже была натянута шкурка годовалого теленка. Она подсохла, Вера Ивановна срезала из-под обечайки лишнюю кожу, потом сделала дыры в ободке, вставила в них две скобы с навешенными погремушками, которые она сама изготовила из жести. С внутренней стороны бубна на обод натянула крест-накрест веревку и попробовала: яран — бубен глухо зарокотал в полутемной яранге, но, видимо, такой звук ее не устраивал. Она поднесла бубен к костру и долго вращала его над пламенем, подсушивая кожу. Снова постучала, и теперь уже яран зазвучал громче.

Вера Ивановна руководит поселковой национальной самодеятельностью, сама сочиняет стихи на родном языке, перекладывает их на музыку, великолепно танцует. Помню, как в 1970 году на празднике осеннего забоя оленей в заливе Коконант она своими песнями и танцами так заразила стариков, что те, выхватывая друг у друга бубны, плясали чуть ли не до самого утра. Даже наша хорошая знакомая, молчаливая и неразговорчивая жена Турьялькота Гыргольнаут, исполнила несколько танцев, спела свои личные песни, чем вызвала шумное одобрение присутствующих...

Настроив бубен, Вера Ивановна подошла ко мне.

— Владилен Вячеславович, хотите посмотреть, как танцует моя мать? — спросила она.

Я с удовольствием откликнулся на это предложение.

Когда мы зашли в ярангу, Гыргольнаут уже надела об-

рядовую праздничную куклянку с колокольчиками и разнообразными кисточками. Вот она взяла в левую руку ярар, в правую — колотушку, обтянутую заячьей шкуркой, и ударила по туго натянутой коже. Раздался глухой, рокочущий звук. Так под ритмы ярара и аккомпанемент личной песни старая Гыргольнаут начала исполнять свой танец. Она плавно приседала, нырками покачивала головой, меняя ритмы и движения. Мелодично, в такт движениям звенели колокольчики на яраре. Она настолько увлеклась танцем, что, казалось, ничего не замечала вокруг.

Внучка Надя долго с интересом и любопытством наблюдала за бабушкой. Потом она тоже в такт бубна начала покачивать головой, а тут встала рядом с бабушкой и принялась копировать все ее движения. Когда Гыргольнаут устала, то ее сменила Надя, взяв из рук бабушки бубен. Бабушка, довольная, подпевала внучке, кивая в такт бубна головой.

Вот так и передается древнее национальное искусство от поколения к поколению, сохраняются лучшие семейные традиции, уходящие своими корнями в глубокую древность...

Древний праздник «Вылгыкаанматгыргын»

Как мы и предполагали, вторая половина августа выдалась пасмурной, с нудными морозящими дождями, противным юго-восточным ветром, который обложил тучами все небо и гнал широкие волны из просторов Тихого океана к мейншильгынскому берегу.

Такая погода явно угнетает нас. Жили мы в отдельной палатке. Здесь, в уединении, мы могли спокойно обрабатывать магнитофонные записи, заполнять дневники,

никому не мешая, никого не стесняя. Но теперь в палатке сыро, спальные мешки, одежда обильно пропитаны влагой, магнитные и фотографические пленки пухнут, металлические предметы покрываются липкой ржавчиной, отсыревшие спички не зажигаются. Дрова тоже отсырели, не горят, и мы не можем на костре даже чай вскипятить и еду приготовить. Пробуем просушивать вещи и палатку паяльной лампой, которая оказалась как нельзя кстати. Но за ночь все снова сыреет. Особенно было неприятно забираться по вечерам в сырые спальные мешки. Голос у Эдуарда охрип, он все чаще и чаще стал прикладывать к носу платок, а у меня усилился от простуды кашель, начал побаливать левый бок — последствия перенесенного плеврита.

Турылькот и Николай Етынкеу всячески старались вам помочь. Константин Аратович дал доски, из которых мы сколотили низенькие топчаны, а Николай предложил накрыть сверху палатку прорезиненным тентом. Перед входом мы положили набок надувную резиновую лодку, чтобы защитить себя от ветра. Все это несколько улучшило наше положение, но сырость продолжала преследовать нас.

Из-за такой погоды пришлось оставить всякую надежду на переход морем к Хатырке. И мы решили тщательно обследовать берега озера Пекульнейского и побывать на празднике осеннего забоя оленей «Вылгыкаанматгыргын».

Еще летом 1970 года Михаил Иванович рассказывал мне:

— В скалах раньше углубления были. Они морскими волнами выскреблены. Пещеры и сейчас еще есть. Раньше во время войн кереки их как жилища использовали.

От чукчей и кереков я узнал, что такие естественные пещеры есть и на озере Пекульнейском.

20 августа. Понедельник.

Утром погода немного прояснилась. Туман поднялся вверх, открыв подножия сопок и холмов. Вскоре мы увидели горы, окаймлявшие западные и северо-западные берега озер Ваамочек и Пекульнейского. Прихватив Николая Етынкеу и Турылькота, мы на «Прогрессе» отправляемся в Мейныпильгыно.

Все жители поселка в предпраздничном настроении. В клубе звучит ярар — бубен, слышны голоса девушек — это самодетельный ансамбль «Дружба» готовится к концерту для оленеводов. У складов торгово-заготовительного пункта отбирают товары, предназначенные в тундру. У магазина толпится народ; каждый хочет взять что-то хорошее для пастухов.

Переночевали в гостинице. На следующий день только к одиннадцати удалось выехать из поселка. С нами поехал Семен Михайлович Ятгыргин, председатель сельсовета, который хотел заранее осмотреть место проведения праздника и проверить готовность к нему.

Через час выходим на просторы большого озера Пекульнейского и держим курс к высокому каменистому мысу Кытрыкай, где, сказали нам, находятся пещеры.

Семен Михайлович просит меня подойти к берегу прямо у скал, а косу обойти как можно дальше, так как там большое лежбище пестрой нерпы: гулом «Вихря» мы можем встревожить лежку. Сразу же у подножия отвесного обрыва обнаружили углубление в скале. К сожалению, пещеры оказались неглубокими и, конечно, непригодными для длительного жилья. Но как временное убежище их могли использовать. От косы Кытрыкай тянется узкий галечниковый пляж, который обнажается во время сильного отлива. В некоторых местах к этим пещерам можно пройти только вброд. Кереки рассказывали, что они уходили в убежища во время полного отлива.

Причаливаем к берегу на перевале между заливами Коконаут и Пекульвеем. На вершине холма обнаружили следы жилищ, но они не похожи на стоянки оленеводов. Возможно, здесь кереки ставили летние жилища на время промысла нерпы. Прошли дальше вдоль берега залива Коконаут, но никаких пещер больше не обнаружили. На обратном пути, выбрав самое большое углубление в скале, подходим к берегу и среди подводных окатанных камней высаживаемся в пещере. Пещера метров на пять уходит в скалу. Ширина ее три-четыре метра. Дно пещеры забито галькой, нанесенной волнами озера. Никаких следов древних стоянок не нашли. Возможно, дожди, ветры, штормы стерли память о людях, пребывавших здесь...

Праздник будет проводиться в заливе Пекульвеем. Туда мы и направляем свой «Прогресс». Снова, как можно дальше, обходим косу, которая вся усыпана нерпами с лоснящимися боками и спинами. Вот здесь, на террасе у начала косы, должны быть следы жилищ тех поселенцев, которые находили себе укрытие в скалах. Но, чтобы не спугнуть нерп, мы решили отложить обследование на следующий раз.

Стоит чудесная погода. Вода прозрачна, как слеза. Солнце приятно припекает спины. Как все-таки непостоянна погода Чукотки! Неделю назад она выматывала нам нервы, а сейчас словно хочет искупить свою вину удивительной тишиной, покоем. Разноцветные скалы, зеленые пятна травы на склонах вершин с полями красного жизнестойкого лишайника, синеющие вдали вершины Пекульнейских гор с пластами снега в ущельях — от всего этого невозможно оторвать глаз.

Но вот наконец в вершине залива Пекульвеем среди густой зелени замечаем две белеющие яранги и рядом с ними домик рыбаков. Вскоре мы причаливаем к берегу и направляемся к стойбищу.

Издревле повелось, что после отела оленей, как только телята окрепнут, оленеводы объединяют маток с молодняком прошлого года и взрослыми оленями и перекочевывают на лето куда-нибудь поближе к берегу моря, где хороший лов рыбы, удачная охота на нерпу, сочные пастбища. В стойбище остаются старики, женщины и дети. Все лето пастухи идут со стадом и только в конце августа, когда спадает жара, исчезают оводы и комары, они возвращаются к своим близким и родным. Встреча бывает радостной, особенно если выпас стада прошел хорошо. Эту добрую традицию мейныпильгынцы берегут и сейчас, справляя праздник осеннего забоя оленей — «Вылгык'аанматгыргын».

Правда, в настоящее время он лишен того религиозного назначения, какое придавалось ему в прошлом, но мейныпильгынцы по традиции продолжают соблюдать все древние ритуалы этого праздника.

В стойбище мы застали старика в черной камлейке, женщин и детей в нарядных и красивых кухляночках, ярко расшитых бисером. Рядом с домиком на вешалах вялилась юкола, у яранг стояли грузовые нарты с нехитрым кочевым скарбом. Чувствовалось всеобщее оживление, шла активная подготовка к встрече стада и пастухов. Люди уже знали, что олени где-то рядом и вот-вот должны прийти «пынлятыльыт» — гонцы с доброй вестью. Женщины из тундры приносят зеленые веточки ивы, выносят из яранг древние ритуальные принадлежности: деревянные огнивные доски, различные амулеты. Старики и дети заготовили дрова, хворост и сейчас раскладывают все это перед ярангами.

Через некоторое время раздался крик ребятишек:

— Рай-рай, пынлятыльыт! Вон гонцы бегут!

Мы поспешили наружу. Я поднес к глазам бинокль. Было хорошо видно, как по зеленому пологому склону с посохами в руках бежали двое — легко, быстро, словно

под ногами не было шатких тундровых кочек. Вот они спустились к речке.

— А-а, како! Амын еттык! О-о, что ж, прибыли вы! — расплылся в улыбке перед пастухами старик и жестом предложил им войти в ярангу.

К вечеру в долине реки показалось стадо. Его не стали на ночь подгонять к ярангам, а оставили у подножия сойки. Вскоре пришел сам бригадир Федор Вуквуье с Семеном Михайловичем. Мы долго сидели в яранге у очага и пили чай.

— Тяжело, наверно, было? — расспрашивал старик бригадира.

— Да, трудновато, лето сухое, копытка многих оленей поразила, — соглашался Вуквуье. Небольшого роста, худощавый, с потемневшим от постоянных северных ветров лицом, он был сдержан и спокоен.

— Но вы справились, олени хорошие, жирные, — хвалил старик бригадира, хотя сам прекрасно знал, что не все в порядке в стаде у Вуквуье. Около шестисот голов откололось от основного стада и сейчас выпасалось у мыса Кытрынай на другой стороне залива Пекульвеем без присмотра. Но перед праздником нельзя говорить плохое — это старик выскажет бригадиру после.

Вскоре пришли со смены два пастуха и тоже присоединились к нам.

— Да-а, что-то баржа задерживается, а без директора совхоза начинать нельзя, — высказал свое мнение Семен Михайлович.

— Если завтра не подъедут, ждать не буду, — сказал Вуквуье. — Здесь нет корма.

В бригаде ждали с нетерпением баржу, на ней должны были привезти продукты, новые товары.

На следующий день с утра пастухи ушли к стаду, с ними отправился и Семен Михайлович. Федор Вуквуье и старик остались в стойбище. Раньше праздником обыч-

но руководил хозяин стойбища, самый главный владелец стада. Сейчас же все обязанности по руководству праздником выполняет бригадир.

Вскоре из-за склона сопки показалось стадо. Жена бригадира Катя и одна старуха вынесли из яранги прокопченную дымом доску с выемками в два ряда, деревянный стержень с утончением посередине и лучок из оленьего рога с ремешком. Хотя и есть у всех спички и даже зажигалки, но по древней традиции при встрече стада первый огонь надо зажечь от древнего чукотского огнива. Я невольно подумал, сколько же времени они затратят, чтобы извлечь огонь. Но вот одна из женщин перехватила ремешком лучка стержень, вторая, зажав в руке специальную косточку, вставила стержень в углубление огнивной доски. Раздался треск, и, пока я наводил резкость фотоаппарата, из-под стержня пошел легкий дымок. Сухой мох затлеял. Его раздули и в ритуальном ковшичке перенесли к очагу перед ярангой бригадира. Вспыхнул настоящий огонь. Через некоторое время запылал огонь и у второй яранги, разведенный таким же способом, но от своего семейного огнива.

Федор Вуквуье, в нарядной и праздничной одежде, выстроил около себя все мужское население. Рядом с ним стояли его два сына, ученики первого и третьего классов, а самым главным был пятилетний мальчонка в детском керкере с клапаном. В руках у Вуквуье копые, у детей — маленькие луки. В это время стадо подошло к стойбищу. И Вуквуье с сыновьями подняли вверх свое оружие.

— Гоу-гоу! — грозно кричали мужчины. Но они пугали не оленей, а по древнему ритуалу отгоняли злых духов от беззащитных животных.

Вскоре стадо выгнали на ровное место перед ярангами, пастухи окружили его со всех сторон и сдерживали в кольце. Перед ярангой бригадира женщина вынесла поднос с маленькими кусочками мяса, сала и сухой, поджа-

ренной на костре юколой. Она разбросала кусочки в разные стороны и предложила всем жертвенной еды. Одарили и нас с Гунченко.

Баржа так и не появилась.

— Я не могу больше держать стадо, — твердо заявил Вуквуье. — Директор знает, что двадцать второго августа мы должны быть здесь. Я выполнил это.

В Беринговском районе стало традицией совмещать праздник с производственными делами. После всех ритуальных обрядов и забоя личных оленей в совхозе проводили выбраковку, забивая больных и слабых животных, годовалых телят на шкуры для одежды оленеводам и на свежее мясо для жителей поселка.

Совещались недолго. Решили провести начало праздника, отогнать стадо от яранг и ждать до вечера следующего дня. Если баржи не будет, то Вуквуье объединяет стадо, снимается с места и идет в зимний маршрут.

Олени, как в мощном водовороте, кружились на месте. Вуквуье и Катаквыргин с чаатами в руках следили за стадом и чего-то выжидали. И вдруг Вуквуье взмахнул чаатом и весь напрягся; уперся ногами в землю. Тут же подскочил Катаквыргин. На ремне метался здоровый бык-олень с ветвистыми рогами. Он делал резкие скачки, бил копытами землю, упирался так, что Вуквуье с Катаквыргиним не могли сдвинуть его с места. Подоспели на помощь еще двое и только тогда смогли подтянуть оленя к яранге.

Вуквуье взял древнее дедовское копые с остро отточенным лезвием и вместе со старшим сыном подошел к оленю. Наследник должен забить первого оленя на этом ритуальном празднике. Но он еще был мал. Поэтому Вуквуье заставил сына взяться за копые, а сам направил его и, выждав момент, всадил в левый бок оленя. Удар был точным. Животное упало на правую сторону — это хорошая, добрая примета.

— Удача тебе будет! Удача! — в один голос похвалили пастухи смущенно улыбавшегося мальчишку.

Тут же была выловлена крупная важенка. Она считается женой убитого быка-оленя. Туши забитых животных положили на подстилки из зеленых ивовых веток, заготовленных заранее. Подошли женщины, и, перед тем как свежевать, жена бригадира полила морды оленей водой из ритуального деревянного ковшичка, ткнула палец в рану и по очереди нанесла всем членам семьи свои семейные знаки на лица, затем помазала кровью передние части нарт, копылья и огнивные доски. На этом весь обряд был закончен.

К середине дня пастухи забили еще несколько годовалых телят для нужд бригады. А баржи все не было.

— Я отпускаю стадо, — сказал Вуквувье председателю сельсовета.

— Да, — согласился Семен Михайлович.

Костер, разожженный деревянным огнивом, полыхал большим пламенем. Над ним висел трехведерный котел, в который женщины опускали большие куски мяса.

И вот наконец появилась баржа. Все население стойбища хлынуло на берег встречать ее. Василий Иванович Ларин, заведующий торгово-заготовительным пунктом, прямо на берегу организовал буфет и разложил перед пастухами самые дорогие и дефицитные товары. Сделав хорошие покупки, люди, довольные и веселые, возвращались к ярангам. Там их ждало ароматное оленье мясо.

Стемнело. Берег озарился кострами. Над одними висели котлы с мясом, над другими чайники. С разных сторон доносились оживленные голоса, смех.

Я сидел у костра и беседовал с пастухами. И тут до нас донеслись звуки ярангов. Готовился к выступлению поселковый национальный ансамбль «Дружба», которым руководит Вера Ивановна Иунеут. Концерт устроили в яранге Вуквувье. Она была большой и просторной. Мы

поспешили туда. Там уже собралось много людей. Они расположились вдоль стены, кто сидя, кто лежа. Пламя очага выхватывало из темноты веселые лица зрителей. Звучали песни на чукотском и русском языках. Много было песен собственного сочинения: «Мейныпильгыно растет», «Песня о дружбе» и другие, исполнялись под звуки ярангов танцы-пантомимы «Неудачливый жених», «Штукатуры».

Концерт закончился где-то далеко за полночь...

Окончания праздника мы так и не дождались — надо было возвращаться на свою основную базу.

И вот мы опять в Куэте. Михаил Иванович Етынкеу по-прежнему чувствовал себя плохо. Я предложил отвезти его в больницу, но он категорически отказался, сказав, что теперь уже никакие врачи ему не помогут. Я поделился со стариком своими впечатлениями о празднике и спросил:

— А у кереков был такой праздник?

— Нет, — ответил Михаил Иванович. — Мы справляли большой праздник тогда, когда убивали бурого медведя. Тоже давали пищу духам, мазали кровью столбы в землянке. Но я уже подробно не помню, забыл все...

У чукчей не был распространен культ бурого медведя. Медвежьи праздники справляли нивхи, жившие на Сахалине и в устье Амура, эвены, кочевавшие в тайге Охотско-Колымского края, и некоторые группы коряков Охотского побережья. Этот факт еще раз подтверждал, что у кереков в прошлом не было оленеводства...

Снова наступили пасмурные и дождливые дни. И мы, окончательно решив отложить поездку в Хатырку, оставили продукты керекам, сняли свою базу и перебрались в поселок.

Нам повезло. В Мейныпильгыно стоял под разгрузкой теплоход «Сулу». Капитан и старший помощник согласились взять нас до Анадыря.

IV. ХАТЫРКА. ОПУКА

Четыре года подряд я пытался добраться до Хатырки, но все никак не удавалось: то мешала погода, то порою так увлекался сбором материала, что сам невольно откладывал поездку на будущее. И вот, наконец, в 1975 году мне удалось пройти маршрутом по побережью от мыса Низкого Олюторского района до Анадырского лимана.

Опыт прошлых экспедиций показал, что самое лучшее время работы на побережье — июнь и июль. В августе уже начинаются туманы, ветры и штормы. Но вся беда в том, что, когда есть возможность начать работу на побережье, Анадырский лиман еще крепко скован льдом и вскрывается только в конце июня. И тут пришла мысль: что, если начать исследование не с Анадырского лимана, чтобы не повторять уже пройденный маршрут, а с юга, с Хатырки, и двигаться вдоль берега на север. Там уже в первых числах июня вскрываются реки, море очищается ото льда, стоит ясная и устойчивая погода, а светлые ночи удлиняют рабочий день. Мысль вроде верная, но как ее осуществить? И вскоре я узнаю, что в район среднего течения реки Хатырки направляются два отряда геологов-тектонистов с двумя вездеходами. Забрасываться в тундру на вертолете более крупной партией легче и экономичнее. Геологи охотно поддержали мою идею и приняли в свой коллектив. Еще задолго до выезда в Анадырь я с началь-

ными отрядами Станиславом Бялобжеским и Леонидом Красным тщательно изучил карты, навел всевозможные справки о вскрытии рек, условиях сплава. Помог мне добрыми советами и геолог Олег Иванов, не раз сплавлявшийся по реке Хатырке.

Итак, этнографы вступили в контакт с геологами-тектонистами, хотя последние далеки от первых по характеру исследований. Они изучают строение земной коры, мы — древнюю и современную историю человеческого общества. Но начало совместного маршрута объединило нас: геологи на вездеходах пройдут по Рытгыльвээмской впадине к верховьям реки Ваамочка и дальше, мы же спустимся по Хатырке и вдоль берега пойдем по следам древних поселений, встречаясь на пути с современными обитателями этих отдаленных мест...

В Рытгыльвээмской впадине

И вот 21 мая с геологами-тектонистами, с вездеходом — второй уже был на месте — и лодкой «Прогресс» мы приземляемся в Шахтерском, бывшем районном центре Анадырского района. Как всегда, вначале обосновываемся на «мерзлотке», но постепенно весь груз перемещаем на «горку», где располагалась основная база геологов-нефтяников, которые обещали помочь нам заброситься в тундру.

Авиация — надежный и удобный вид транспорта, но и на ее пути встают иногда непредвиденные препятствия. Так случилось и на этот раз: то нет погоды там, куда нам надо лететь, то улучшится погода — нет вертолета. Две недели подряд ровно к девяти утра мы поднимаемся на «горку», сидим и терпеливо ждем в конторе геологов. И когда нам объявляют, что все рейсы на сегодня отклады-

ваются, а это всегда случалось к концу рабочего дня, мы, грустные, спускаемся вниз, в гостиницу. Нам уже стало неудобно показываться на глаза начальнику нефтеразведки, моему однофамильцу Леонтьеву Владимиру Александровичу, который и так был озабочен массой текущих и срочных дел, связанных с заброской в тундру нефтяников, оборудования, вывозом смен и всякими чрезвычайными происшествиями. Мы понимали его и старались не беспокоить, но все же иногда набирались смелости, стучали в дверь и заходили к нему.

— Ну что я могу сделать, ребята, — сочувственно вздыхал он. — Сегодня выдалась погода, но пришлось вывозить смену с отдаленной буровой — с ней больше месяца не было связи. Потерпите немного, вывезем и вас. — Мы понимающе кивали головами и возвращались в гостиницу.

И вдруг 3 июня, увидев нас в коридоре, он пригласил к себе в кабинет и весело сказал:

— Пришел Ми-6, а у нас нет для него полной загрузки. Загрузите?

— Даже с лишком, — в один голос ответили мы со Станиславом.

— Тогда быстро. Машина в вашем распоряжении.

Утомившись от безделья и ожидания, наши ребята, как подстегнутые, сорвались с места. Через полчаса весь груз был на взлетной площадке. Но и здесь возникло препятствие: вертолет планировался на буровую вышку, где была хорошая погода, мы же летели в сторону недосыгаемой Хагырки. Летчики заупрямились. Мы со Станиславом с трудом убедили командира вертолета в том, что Рытгыльвээмская впадина — это не Хатырка, не побережье, а тундра, где стоит хорошая погода, есть удобная естественная площадка для посадки.

— Смотрите! — предупредил нас командир. — Вынужденное возвращение отнесу за ваш счет.

— Согласны!

Двенадцать бочек бензина, лодка, моторы и полторы тонны продуктов были тут же погружены в чрево вертолета. Взмыленные, уставшие, но счастливые, сели и мы.

Ровно гудят над головой двигателя, машина ритмично подрагивает. Идем долиной реки Великая. Почукотски она называется Мэйи'ввээм — «большая река». Есть и другое название — Йуйапкин, но, что значит это слово и какому языку оно принадлежит, пока установить не удалось, хотя по своему морфологическому признаку оно близко к керекскому. Весна в полном разгаре. Реки пробили свои русла и, блестя извилистыми ленточками, бежали по бурой пятнистой тундре. Я с тревогой гляжу вниз. Станислав сидит по правому борту и тоже не сводит глаз с тундры. Наше беспокойство объяснимо. Ознакомившись с обстановкой полетов в Шахтерском, мы поняли, что перебросить два вездехода по воздуху к месту работ будет нелегко, поэтому решили отправить их своим ходом по весенней раскисающей тундре. Старшим пошел Леонид Красный, проводником — мой надежный и верный спутник Эдуард Гунченко. Вездеходы вышли 25 мая, но до сих пор никаких вестей от них не было. Хотя сейчас чукотская тундра — это уже не белое безмолвие с редкими отдаленными стойбищами оленеводов, а ожившая и заговорившая земля. По всей Анадырской впадине стоят буровые вышки, работают партии геологов, движутся тракторные санные поезда, режут вездеходы оленеводов, гудят в воздухе вертолеты. Но все равно на душе было тревожно.

— Кто из вас старший? — услышал я сквозь гул мотора. — Надо показать место посадки.

— Он, — кивнул я летчику на Станислава.

Станислав скрылся в кабине. Вскоре вертолет снизился и сделал разведывательный круг, выискивая точку приземления. Внизу простиралась ровная долина, бле-

стели речки Рытгылвээм, Спокойная, ярко белело еще не вскрывшееся озерко и контрастно зеленела от кедрача маленькая сопочка с ровной как стол вершиной. У ее подножия стоял длинный дом, виднелись еще какие-то постройки, а рядом с домом — вездеход. «Где же второй?» — встревожился я.

Вертолет завис и стал плавно снижаться в трехстах метрах от дома. Потоки воздуха сорвали с тундры и понесли в разные стороны засохшие кусты, траву и листья. Вдруг я увидел, как рухнул на землю остов кочевой яранги, полетели, как веточки, в разные стороны стойки и жерди, покатылся новенький эмалированный таз, подпрыгивая на кочках, понеслись кожаные сумки, меховые штаны. Ми-6 сел. Еще долго вращались лопасти винта.

Эта маленькая сценка напомнила мне чукотскую сказку про орла-великана. «Увидел орел-великан ярангу. Моржовая шкура — «репальгин» прижата ремнями и камешными отвесами. Почти до самой земли свисают большие тяжелые камни на ремнях. Подлетел орел, стал садиться и взмахами крыльев сдул ярангу. Камни-отвесы далеко в сторону отлетели вместе с крышечкой — «рете-мом». Еще в древности человек представлял себе, какая сила таится в крыльях.

— Поздравляю, — обратился к нам командир вертолета, — вы оказались правы. Место действительно хорошее для посадки. Возьмем на заметку.

— Спасибо и вам, — поблагодарили мы.

— Вот только ярангу при посадке разрушили, — сказал я.

— Так что же вы не предупредили! Мы бы сели чуть в сторонке, площадка большая, — встревожился командир.

— Да мы и сами не заметили ее сверху.

К вертолету, с подстриженной под нулевку головой, обветренный и загорелый, спешил Леня Красный, за ним шагал Эдуард, чуть дальше шли два пастуха.

— Где вездеход? — был первый вопрос Станислава.

— Там, в тундре, помогает оленеводам, — ответил Леня и крепко пожал нам руки.

На душе стало спокойно и радостно от того, что вездеходы на месте, что над нами голубое без единого облачка небо и что мы наконец-то при деле.

К нам подошли пастухи. Оказалось, что они из бригады Сергея Чейвутегина совхоза «Дружба» Мейныпильгинского сельсовета. Они узнали меня, радостно пожали руку и охотно взялись помогать нам сгружать вещи из вертолета.

— Как же быть с ярангой? — спросил я их.

— Аа, мацынан, пусть, потом соберем, — без всякой обиды сказали пастухи. Им было приятно, что прилетел вертолет, а с ним прибыли новые люди.

Снова взревели двигатели, и вертолет на некоторое время завис в воздухе, а потом поднялся ввысь синего рытгылвээмского неба. С ним улетел и Станислав Бялобжецкий за следующей партией груза и двумя геологами. Мы пошли на базу.

По-разному разрешается сейчас в округе проблема труда и быта чукотских оленеводов. На путях движения стад строятся домики, где оленеводы могли бы жить. Для перекочевков выделяют вездеходы, тракторы. На пересечении маршрутов оленеводческих бригад создаются перевалочные базы, где предусматривается большой дом с жилыми помещениями, кухней, пекарней, комнатой отдыха. Вот такую базу и создал совхоз «Дружба» в Рытгылвээмской впадине. Заведует всем этим хозяйством Сапа Рьянов, который живет здесь с женой и сыном Маратом.

Дом расположился у подножия маленькой сопочки Рытгыл, что значит «переносица». Склоны ее густо поросли кедровым стлаником, который служит ценным топливом для оленеводов. От этой сопочки получили свои названия река Рытгылвээм, приток Хатырки, и сама впа-

дна. Рядом с домом стоял склад для продуктов и чуть в стороне — гараж для тракторов и вездеходов, прибывающих из поселка. Дальше у обрывистого берега чистого глубокого озера виднелась небольшая баня. Совхоз очень удачно выбрал место для перевалочной базы. Долина окружена высокими сопками, большую часть года здесь стоит хорошая солнечная погода, а зимой почти не бывает пург.

Когда прибыли вездеходы, то на базе, кроме семьи Рьянова, никто не жил. Саша с радушием встретил геологов и разместил их в пустующем доме. Сами же оленеводы жили в трех ярангах, стоявших на сухом бугорке, в одном километре от базы. Невольно задумываешься. Ведь сделано большое и нужное дело, созданы все условия для оленеводов, выстроен хороший добротный дом со всеми удобствами, но пастухи предпочитают жить в ярангах, где тот же кочевой чукотский быт. Значит, дома и базы строятся пока без учета производственных и бытовых особенностей оленеводческого хозяйства. Пастухи по-прежнему пользуются своей чукотской меховой одеждой и обувью, из продымленных оленьих шкур шьют носки непромокаемые штаны и кухлянки, вялят мясо, изготавливают ремни, выделывают традиционным способом шкуры для пошива одежды пастухам.

На современных же базах условия для всех этих бытовых занятий не предусмотрены, к тому же старый уклад, связанный с кочевым образом жизни, консервативен и меняется не так-то быстро, нужна привычка, адаптация к новому быту.

С бригадиром Сергеем Чейвутегиным я познакомился еще летом 1971 года на озере Ваамочка. Он ежегодно в этой впадине выпасает стадо в период отела. Места эти ему хорошо знакомы с детства.

Сергей худощавый, небольшого роста, очень подвижный. Неутомимый ходок, как о нем говорят. Не зря отец

Вагры дал ему имя Чейвутегин, что значит — «ходящий». «В стаде руки не нужны — нужны ноги» — говорит чукотская поговорка. Это так. Но без рук в стаде тоже плохо. А у Сергея и ноги быстрые, и руки ловкие, и к тому же богатый опыт, унаследованный от отца.

Зима 1971 года в Беринговском районе выдалась с сильными гололедами. На помощь была брошена вся техника округа. Вертолеты разведывали свободные от гололеда пастбища, пробовали забрасывать сено и биокорма, вездеходы помогали оленеводам делать дальние перекочевки. Но природа оказалась сильнее. Совхозные стада понесли тогда значительные потери. Олени не могли пробить копытами крепкую ледовую корку, разбивали ноги, падали от истощения и погибали. Однако Чейвутегин сумел в ту страшную зиму вывести свое стадо на хорошие пастбища и сохранить основное поголовье. С этого года он постоянно держал первенство среди совхозных бригад. Труд бригадира был оценен высокой наградой — орденом Ленина и орденом «Знак Почета».

Мы прибыли в самое трудное для пастухов время, когда важеньки с новорожденными телятами выпасались отдельно от всего стада. Бригада была разбита на две группы, и пастухам приходилось дежурить и в том и в другом стаде.

На базу, к своим ярангам, они приходили на отдых. Отдохнут сутки и снова к стаду.

— Трудно сейчас вам на два фронта работать? — спросил я Сергея.

— Конечно, тяжело, но продержимся. Дня через два три объединим стадо, больше сил будет, а кончатся занятия в школах — ученики подъедут. Хорошая помощь будет...

Я не знал тогда, что беседую с будущим делегатом XXV съезда Коммунистической партии Сергеем Ивановичем Чейвутегиным.

Вниз по реке Хатырке

Не успел скрыться из виду вертолет, как мы с Эдуардом Гунченко и Александром Ореховым, моим новым помощником, взялись за монтаж лодки, расконсервацию моторов. Так как нас было трое, то я решил соединить два мотора. Целую неделю с помощью Гунченко, Орехова и Саши Рьянова мы монтировали лодку, опробовали в бочках новые двадцатисильные «Вихри». В Анадыре на лимане еще крепко стоял лед, а здесь уже бурлили реки, вскрылась и сама Хатырка. Мы спешили. Работали с вдохновением, готовясь к большому серьезному маршруту. Угнетало лишь то, что опытного полевика Эдуарда Гунченко надо было отпускать в Магадан. Его назначили начальником полевого геологического отряда в Чаунский район, совершенно противоположную от нас сторону. Со мной оставался Александр Орехов, аспирант-археолог. Парень он молодой, крепкий и сильный, но на Чукотке впервые, не имел еще опыта работы в поле, а тем более на побережье. Геологи пока совершали лишь небольшие пешие маршруты, ожидая второго рейса вертолета с горючим и остальными членами экспедиции. К 10 июня мы были готовы к выходу.

Речка Рытгыльвээм у базы мелкая и бурная, с частыми перекатами, и Леонид предложил подтащить на санях вездехода «Прогресс» к слиянию Рытгыльвээм с речкой Спокойной и оттуда уже идти сплавом до реки Хатырки. Так и решили.

И вот 13 июня в семь часов утра от Рытгыльвээмской базы отошел странный поезд: впереди вездеход с геологами, за ним на жесткой сцепке волокуша с лодкой «Прогресс», на которой восседали мы с Ореховым. Утро было солнечное, теплое. Вездеход, оглашая своим гулом тихую тундру, легко шел по мягким кочкам, пробирался сквозь

густые заросли низкорослого кустарника, вспугивая куропаток, сидевших на голых ветках. Как и договорились, у слияния двух речек мы сгрузили лодку и пошли сплавом.

Река Рытгыльвээм сравнительно спокойная, но все же часто встречались перекаты, приходилось несколько раз вброд протаскивать лодку. Вскоре мы дошли до впадения в Рытгыльвээм еще двух речек, и она стала глубже и шире — сплавиться было спокойнее.

Леонид сидит на корме, а мы с Ореховым с веслами впереди. Солнце поднялось. Жарко. Леонид снял рубашку и майку — решил позагорать. Но вскоре подул встречный резковатый ветер, пришлось взяться за весла. Река становилась все шире и шире. Правый берег обрывистый, левый — низкий и болотистый. Несколько раз перед нами взлетали парами гуси, на еще голых ветках, как белые комья снега, торчали куропатки. Иногда, азартно вкоча, они пролетали над самой лодкой. В два часа дня подошли к месту впадения реки Рытгыльвээм в Хатырку.

15 июня. Еще ночью небо заволокло тучами. С утра заморосил дождь. Стало сыро и холодно. Прощаемся с геологами и отчаливаем.

Хатырка — бурная и быстрая. На наше счастье, нет на ней каменистых перекатов. Река, зажата с двух сторон сопками, идет одним руслом. Не заметили, как прошли ущелье, а километров через пятьдесят вышли в широкую долину. Здесь Хатырка разделилась на множество русл. Стали блуждать, садиться на мели на перекатах. Сломался первый винт. Решили идти сплавом, но вскоре снова пришлось запустить моторы, так как управлять «Прогрессом» на веслах трудно. Там, где русло глубокое, мчимся с такой скоростью, что обгоняем взлетающих с островков гусей, которых здесь великое множество. Местами к берегу реки подходят террасы, но никаких следов поселений не заметно, да и мелкий селящий

дождь скрывает видимость. Промокли насквозь. Пришлось приткнуться в протоке к небольшому островку и под кустами разбить палатку. Хорошо поев и напившись чаю, мы под гогот гусей, часто пролетавших над нами, заснули крепким сном.

Проснулся от шума дождя, капли которого дробно та-рабанили по палатке. Саша безмятежно спит в спальном мешке, закутавшись с головой. Все вещи влажны. Тент на лодке натянулся, как струна. Сложить его сырым — значит больше не натянуть. Под тентом спускаться по реке нельзя: кругом косы, отмели, быстрое течение. Решили сначала хорошо его просушить. Накрыли лодку брезентом, а внутри разожгли примус «Турист». В «Прогрессе» стало жарко, как в бане. Через три часа снова по-шли сплавом по реке, подрабатывая моторами. Вскоре Хатырка слилась с рекой Инесвеем. Русло стало шире и спокойнее, берега пошли илистые. Нас по-прежнему сопровождает дождь. Никаких признаков присутствия человека не видно. Река кажется безжизненной. Может быть, такое впечатление сложилось оттого, что погода пасмурная, сырая и мерзкая, как осенью. У подножия горы Тымлын'ай, что в переводе значит «прижатая», «плоская», на террасе показались домики — пионерский лагерь хатырских ребят, о котором нам рассказывали Чей-вутегин и Рьянов.

Домики аккуратненькие, дачного типа, и жить в них можно только летом.

Нам показалось, что место для лагеря выбрано не совсем удачно. Берега реки обрывистые, глинистые, значит, часто происходит обвалы. На террасе растет кустарник выше человеческого роста, но место все-таки болотистое и комарья, видимо, множество. Не особенно уютно, вероятно, здесь ребятам. Невольно думаешь, почему бы округу не организовать пионерские лагеря именно в тех местах, где проводят летовку оленеводы, где стоят рыбалки.

Тогда детский отдых сочетался бы с посильным полезным трудом, с традиционными занятиями коренных жителей Севера.

В двух километрах от лагеря за поворотом реки увидели первую хатырскую рыбалку. Здесь рыбачит чукча Коравье с женой Марфой и двумя детьми — мальчиком и девочкой. Встретили они нас приветливо. Особое гостеприимство проявила Марфа, которая верещала без умолку. А Коравье, бывший оленевод, прокочевавший большую часть жизни в верховьях рек Ваеги, Великая и Хатырка, оказался угрюмым и несловоохотливым. Рыбачить он начал, когда здоровье не позволило ему выпасать стада. По существу и всеми рыбачьими делами руководила Марфа. Она считала себя лучшей икрянщицей в совхозе, хвалилась, что очень ловко пластует рыбу.

В Анадыре еще только составляли план на рыбную путину, распределяли участки, а здесь уже полным ходом шла нерка и чавыча. На кустах вялилась юкола, две большие бочки были заполнены рыбой, а для совхоза Марфа изготовила первую чавычью икру, крупную, как горошины. При нас Коравье вытащил из сетей одиннадцать нерок и две чавычи. Я много слышал об этой рыбе, но видел ее впервые. В отличие от кеты и нерки, чавыча поразила меня размерами и мощностью своего тела.

Рыбаки мне сказали, что до Хатырки уже близко. Коравье объяснил, как проходит фарватер. Мне не хотелось ехать в дождь на ночь, но Саша уговорил, и мы тронулись в путь по приливу. Ветер встречный, в лодку хлещет дождь и волна, но глубина большая, идем на двух моторах. Через 45 минут, в одиннадцать часов вечера, мы были у Хатырки, пристали у лодочного причала. Кругом никого, пусто, и лишь светятся в домиках окна. Спросили в первом домике, где живет директор совхоза. Мне показали. Роман Николаевич Бойко, с которым я был знаком еще по Анадырю, встретил приветливо, накормил и на-

поил нас чаем и устроил на ночлег в пустующей квартире.

Первый этап маршрута прошли благополучно. В этнографическом и археологическом планах он нам почти ничего не дал, но все еще было впереди...

Долина реки Хатгырки и особенно ее верховья, где сходятся своими истоками реки Великая, Ваеги и Майна, была местом встречи племен Северо-Востока. Отсюда недалеко до богатой ягелем Парапольской долины, в которой еще в давние времена устраивался великий обмен, и люди на время забывали о боевых копьях, пращах и луках. Из глубины тундры с легкими обозами и небольшими отборными стадами прикочевывали гордые оленеводы — «чавчывав» и привозили с собой шкуры молодых оленей, готовую одежду и крепкую обувь. Приморские жители «эльутэльыт» — аллюторцы приезжали на собачьих упряжках с тяжело нагруженными нартами, на которых были плотно увязаны шкуры нерп и лахтаков, подошвы, моржовые ремни и огромные, наполненные салом морских животных мешки из тюленьей кожи. Из лесных таежных дебрей на гладких лыжах, обшитых шкурами и скользящих по снегу как по маслу, волоча за собой легкие санки, приходили «этэльыт» — юкагиры. Они приносили лосиную шерсть для вышивок, легкие стрелы и огромные луки, мастерски склеенные из двойных деревянных полос¹. Верхом на оленях являлись подвижные «к'орарамкыт» — оленные люди и почему-то становились отдельным лагерем в стороне от всех: видимо, считали себя пришельцами в этих краях и побаивались коренных обитателей. С безлюдного, сурового и далекого побережья в одеждах из шкур евражек, подшитых собачьим мехом, в штанах из нерпы приходили низкорослые керекки. При-

¹ Богораз В. Г. Восемь племен. Чукотские рассказы. М., 1962, с. 37.

бывали и другие племена с далекого южного мыса Камчатки и сурового северного мыса Пээк. Говорили на разных языках и наречиях, но великий обмен сближал людей, и они понимали друг друга, на время забывая о войнах и грабежах.

Известно, что чукчи и коряки по своему происхождению, обычаям и верованиям — родственные народности. Но первые имеют общее название «лыг'оравэтлыат» — «настоящие люди», вторые же называют себя «чавчывав» — чавчуваны или же «нымыльу» — нымыланы. Чавчуваны — истинные оленеводы, с гордым сознанием своего экономического превосходства; нымыланы — оседлые жители рек и морского побережья. У чукчей тоже есть разделение: оленеводов называют «чавчыв» — чаучу, а приморских оседлых чукчей «ан'к'альыт» — береговые, приморские, но как те, так и другие сохранили свое общее название «лыг'оравэтлыат» до настоящих дней. И сознание своего общего происхождения у приморских чукчей и чукчей оленеводов значительно сильнее, чем у коряков. «Интересно отметить», — писал С. Н. Стебницкий, — что в сознании нымыланов резко проводится эта грань, выделяющая чавчуванов из среды остальных групп оседлых, точнее, полuosедлых нымыланов. Ни сами чавчуваны, ни нымыланы никогда не объединяют их с прочими группами общим самоназванием «нымыльу» — «поселяне», «жители». Говоря о чавчуванах, нымыланы всегда называют их (так же как и чавчуваны сами себя) — «чавчывав»¹.

Более близки друг другу как по языку, так и по хозяйственным занятиям и верованиям корякские чавчуваны и чукотские чаучу. Видимо, разделение когда-то одной народности произошло сравнительно недавно. Как

¹ Стебницкий С. Н. Фонетические различия диалектов нымыланского языка. — В кн.: Памяти В. Г. Богораза. М.—Л., 1937, с. 286—287.

предполагает И. С. Вдовин, случилось это примерно в XIV—XV веках, когда юкагирские племена, теснимые воинственными якутами и тунгусами, вошли в долину реки Анадырь и разъединили общих предков коряков и чукчей¹.

С того времени и стали самостоятельно развиваться эти две народности, потеряв между собой постоянные связи. Чукчи на Севере живут по соседству с полярными эскимосами и ведут комплексное хозяйство, занимаясь мелкотабунным оленеводством, которое имело полувольный выпас, охотой на морского зверя и диких оленей. Эскимосы оказали большое влияние на чукчей, оседавших на побережье и переходивших к морскому промыслу. Последние восприняли эскимосскую морскую культуру и к приходу русских землепроходцев уже были хорошими мореходами. Плавали на реку Анадырь, где били диких оленей при переправе, совершали военные экспедиции к берегам Аляски.

Коряки на юге живут по соседству с ительменами-рыболовами, исконными обитателями Камчатки, береговыми жителями и тунгусскими племенами. У коряков-чавчуенов интенсивно развивается оленеводство, они становятся обладателями больших оленьих стад.

До XVIII века на неуютных берегах керекской земли оседали коряки. Безусловно, они оказали свое влияние на кереков как в языке, так и в культуре. Но есть сведения, что керекки поддерживали связи с береговыми чукчами. «У приморских чукчей побережья Берингова пролива до сих пор сохранились предания о том, как их предки плавали в залив Мейн'ыпильгын, к устью реки Хатырки, где вели обмен с коряками»². Существовавшие связи кереков

¹ Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. Л., 1973, с. 257.

² Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.—Л., 1965, с. 62.

с приморскими чукчами подтверждает и словарь кереков, в котором есть лексические заимствования из говора приморских чукчей и совпадающие по этимологическому значению слова. Так, например, по-керекски «вайн'ак» означает «гаснуть», «тухнуть» огню, на говоре приморских чукчей гаснуть — «вайн'ык», на анадырском, ближайших современных соседей кереков, — «пинкук»; по-керекски — «в'ак» — «умирать», на говоре приморских чукчей — «в'ык», на анадырском — «вайн'ык». Итак, в прошлом ближайшими соседями кереков на севере были приморские чукчи, на юге у мыса Олюторского коряки алюторцы, по тундре же в верховьях рек Хатырка, Укаляят, Опука кочевали коряки апукинцы и чавчуены.

В середине XVIII века на этой территории происходит интенсивное перемещение племен. Возобновляются связи чукчей с коряками, но они уже носят совершенно иной характер. Отряды воинственных чукчей совершают набеги на юкагиров, коряков, отбирают у них оленей и пополняют свой стада. Часто отряды коряков или чукчей нападали на береговые поселения кереков, сжигали их огромные землянки, отбирали запасы пищи, шкуры оленей, ремни, убивали взрослых мужчин, а детей и женщин уводили в плен. Не этим ли объясняется возникновение в чукотском языке особого женского говора, в котором нет звука «р», типичного для чукотского языка и отсутствующего в керекском и в языке коряков-чавчуенов. Пленные женщины и дети, которые использовались оленеводами как «выёльыт» — рабы, могли создать свой особый говор, находясь в униженном положении у богатых и сильных «чаучу». Возникновение особого женского говора у чукчей еще подтверждается тем, что он существовал лишь только у тех групп чукчей, которые, видимо, в те времена входили в непосредственное соприкосновение с коряками, керекками и эскимосами. У более отдаленных чукотских групп этого не наблюдалось. Так, не было

женского говора у тойгуненских чукчей, живших в северной части Чукотского полуострова на восточном берегу Колочинской губы, у чукчей, кочевавших в верховьях рек Малый Анюй и Равчува.

В середине XIX века одна из чукотских групп переходит на правый берег реки Анадырь и обосновывается в долинах рек Туманская, Хатырка, Великая. Чукчи быстро умножают свои стада. С этого времени на кереков, живших на побережье от Анадырского залива до реки Опука, оказывается сильное чукотское воздействие, возникают новые формы социальных отношений. Производительные силы чукотских оленеводов были значительно выше в сравнении с примитивным хозяйством кереков, которые испытывали большую нужду в шкурах для одежды, сухожилиях для сетей, оленьем мясе и русских товарах. В связи с этим кереки попадают в полную экономическую зависимость к чукчам, среди которых начинают выделяться богатые оленеводы, возникает патриархальное рабство. У кереков в конце XIX века даже стало входить в обычай отдавать своих детей в услужение оленеводам, а когда они не отдавали добровольно, то богатый чаучу забирал их насильно.

Вот что рассказал мне старый пастух Айгынто — свидетель этих событий.

В рабстве у богатого чаучу

Когда-то давно жил в устье одной протоки керек Икматуя с семьей. Было у него два взрослых сына Вытвей, Кечия и дочь Ютвааль. Старый Икматуя был рад, что сыновья стали настоящими помощниками, а Ютвааль хорошей хозяйкой. Весной и летом жили сравнительно сытно, а зимой, когда исчезали запасы пищи, ели кислую ры-

бу, выдалбливая ее костяными пешнями из промерзших ям, варили, чтобы легче было разжевать, нерпичьи и лах-тачьи ремни, приправляя их прогорклым жиром. Но вот дни начинали удлиняться, солнце стало дольше задерживаться на небе, и все с нетерпением ждали наступления «месяца евражки», когда можно будет выкапывать из нор толстых сусликов и мышей — это уже сытная еда, а потом придет «месяц птиц»¹, и для кереков наступит блаженство.

Однажды сидели изможденные и исхудавшие от голода кереки у костра в главной землянке и жадно следили, как помешивает в котле варево из изношенных подошв торбасов старушка Апикуя. Старый Икматуя, чтобы отвлечь голодных родственников от мыслей о еде, рассказывал про смешные похождения хитрой, пронырливой лисы Яючанакут. Говорил он тихо, размеренно и очень здорово передавал речь лисы, которая, чтобы обмануть мудрого ворона Кукки, изменила свой голос, прикинувшись богатым чаучу-оленеводом. На лицах слушателей появилась улыбка, и Икматуя был доволен, что немножко развлеч их.

Вдруг в гулкой морозной тишине раздался скрип полозьев нарты.

— Маки?! Кто такие?! — удивились кереки.

И не успел ловкий и быстрый Вытвей вскочить на ноги, как в узком проеме землянки показалась огромная фигура чаучу Пыле. Он как хозяин прошел на почетное место и сел у задней стены землянки, заняв в своей пуши-

¹ Название месяцев у кереков, как и у других северных народов, связано с промыслами. В «месяц евражки» — «чикакайиллын» начиналась весенняя охота на мелких грызунов, в «месяц птиц» — «галгайиллын» — охота на птицу. Эти весенние месяцы соответствуют примерно апрелю и маю. Керекские названия месяцев совершенно отличны от чукотских, последние связаны с оленеводческим хозяйственным укладом.

стой и нарядной меховой одежде половину маленького полога. Следом за ним вошел и его рослый сын Аненто.

Наступило длительное молчание, и наконец Икматуя робким голосом произнес:

— Иаттык! Пришли!

Но Пыле даже не удостоил его ответом, вытащил из-за пазухи длинную толстую, разукрашенную инкрустациями трубку, приобретенную им у алюторских коряков, не спеша достал спички, прикурил и с наслаждением затянулся.

Икматуя с трудом проглотил слюну: он был единственным среди кереков, пристрастившимся к куреву.

После второй затяжки Пыле выдавил из себя:

— Чем-то кислым у вас пахнет? Аненто, — обратился он к сыну, — ну-ка, принеси!

Аненто проворно вскочил, выбежал из землянки и тут же вернулся, держа в руках целый бок оленьей туши.

— Возьмите, — кивнул Пыле.

Старушка Апикуя засуетилась, вытащила огромный медный котел и повесила над костром. К ней подошли еще две женщины и стали бережно рубить мороженое оленье мясо и большими кусками опускать в котел. Керек молча следили за движениями женщин. Неожиданное появление чаучу напугало их. Из двух боковых проходов соседних землянок протиснулись еще люди. Сложив мясо в котел, Апикуя собрала на деревянный поднос мерзлые крошки и небольшие кусочки мяса и обнесла всех детей.

Пыле не начинал разговора. Выкурив свою трубку, он привалился на шкуру, услужливо подложенную ему Икматуей, и, казалось, задремал.

Через час в землянке раздалось аппетитное чавканье. Керек, беря с подноса большие куски душистого мяса, отхватывали ножами перед самым носом маленькие кусочки и, не пережевывая, проглатывали их. Старая Апикуя следила, чтобы в первую очередь насытились дети, и

откладывала им лучшие куски, сама же собирала щепоткой остатки.

Пыле, пока длилась трапеза, не сводил пристального взгляда с Вытвея. Ему нравилась его подвижная и мускулистая фигура. Хотя Вытвей ростом был на две головы ниже Аненто, но видно, что он не уступит в выносливости и беге любому пастуху. Ел он быстро, но не с жадностью, хотя и был сильно голоден. «Кто быстро ест, тот хорошо работает», — подумал Пыле.

Когда все наелись и в сытом блаженстве откинулись на шкуры, Пыле процедил сквозь зубы, указав пальцем на Вытвея:

— Этот с нами поедет.

— Кийман! Ни за что! — крикнул, быстро вскочив на ноги, Вытвей.

Икматуя растерялся. Он ждал чего угодно от богатого чаучу, но только не этого. Вытвей смелый и ловкий охотник.

Если заберут Вытвея, то им вдвоем с Кечия не прокормить всех, а ведь в соседней землянке живет еще двоюродный брат с маленькими детьми.

— Возьми Ютвааль, мою дочь, она ловкая и быстрая, нужна будет в хозяйстве, — робко предложил Икматуя. Старик боялся ссоры с богатым оленеводом. — Женщина выносливее, она легче переносит невзгоды. Возьми Ютвааль!

— Кырым! Нет! — не сдавался упрямый Пыле и крикнул Аненто. — Бери Вытвея!

Аненто бросился к Вытвею, хотел было связать его чаутом, но тот в своей облезлой кухлянке ловко вывернулся из могучих рук чаучу и юркнул в низкий выход из землянки. Аненто бросился за ним, но так сильно стукнулся лбом о бревно над дверным проемом, что упал на спину. Когда он пришел в себя и выскочил наружу, то Вытвей уже скрылся в торогах припая. Аненто, вернувшись

в землянку, от злости готов был передупить всех керек-ков.

— Вытвей бешеный. Тебе трудно будет с ним. Возьми Ютвааль, и женщина может быть пастухом, — властным жестом остановил его Пыле, встал и не спеша направился к выходу.

Даже в страшном гневе Аненто слушался отца. Он направился к девушке. Ютвааль, дрожа от страха, забилась в угол землянки.

— Кийман! Нет-нет! Не хочу! — испуганно кричала она.

Кечия хотел заступиться за сестру, но Икматуя молча кивнул ему, мол, пусть так будет.

Аненто, как щенка, вытащил из угла Ютвааль, обмотал ее чаатом, вынес из землянки и бросил на нарты.

— На, возьми это, — сказал Аненто Икматуе и пул ногой с нарты две оленьи шкуры-постели и кусок мяса. Не говоря больше ни слова перепуганным керекам, он вскочил на нарты и понесся вслед за Пыле.

Аненто недавно отделился от отца и со своим трехтысячным стадом кочевал в верховьях рек у озера Алягыт-гын. Теперь он стал настоящим чаучу. Вот только пастухов не хватало, а бедные родичи не хотели идти от отца к нему, зная крутой нрав старшего сына.

— Ну и пусть, — скрипел зубами Аненто. — Все равно возьму в пастухи Вытвея, голод заставит его прийти ко мне. — И чаучу с силой стукнул длинным шестом — тины оленей; вспомнив строптивного Вытвея.

Жена Аненто чукчанка Омрына оказалась доброй женщиной. Она успокоила прижавшуюся к стене чоттагина маленькую Ютвааль, дала ей свой новый меховой керкер, в котором та чуть не утонула, отогрела ее, наполнила чаем.

— Ничего, согрейся сначала, а потом мы перешьем его.

Ютвааль несколько пришла в себя после пережитого ужаса, успокоилась. Потом она подружилась с Омрыной и, как могла, помогала ей по хозяйству. Ели они всегда вместе, после Аненто. Омрына старалась каждый раз подложить девушке лучшие куски мяса. И все было бы хорошо, но однажды случилось событие, которое изменило судьбу Ютвааль.

Икматуя, отдавая Ютвааль Аненто, надеялся, что она станет ему второй женой. Неплохо было бы бедному кереку породниться с богатым чаучу. Но Аненто взял еще в жены молодую чукчанку Экенны и поставил ей отдельную ярангу рядом со своей.

Омрына внешне спокойно отнеслась к этому, хотя в душе затаила ревность, ведь Аненто был отцом ее первенца.

Как-то Аненто велел Омрыне сварить кашу — «рил-кырил» из соевого оленьего желудка.

— Позови-ка всех соседей, пусть поедят с нами, — сказал он.

— Разве у нас нет мяса? — спросила Омрына. — Мне стыдно угощать такой едой односельчан.

— Я сказал, позови! — властно повторил Аненто.

— Не пойду! Мне стыдно! — заплакала Омрына.

Разозленный Аненто вскочил с места и с силой толкнул Омрыну к выходу из полога.

— Все равно пойдешь! — прошипел он.

Падая, Омрына задела котел с горячей кашей, висевший над очагом. Каша опрокинулась на малыша, которого держала на руках Ютвааль, тот сильно обжегся и на следующий день умер.

Омрына после смерти сына не захотела здесь больше оставаться и ушла от Аненто к своим родственникам. Экенны тут же переселилась в первую ярангу и стала полновластной хозяйкой стойбища. Она была такой же жестокой, как и Аненто. Для Ютвааль наступили тяжелые дни. Злая Экенны кормила ее только объедками, в

полог не пускала, и бедная керечка спала в холодном чоттагине.

Аненго считал Ютвааль виновной в смерти сына и еще больше возненавидел ее, заставлял все время дежурить у стада. Маленькая керечка, похожая в своем изодранном керкере на лохматого медвежонка, уставала до изнеможения, бегая за оленями.

Однажды на стадо напала стая волков. Перепуганная Ютвааль с винчестером за спиной прибежала к Аненго.

— Ок-ой! Там волки!

— Почему же ты не стреляла из винчестера?! — кричал Аненго и хлестнул ее чаатом по голове.

Много оленей зарезали волки. Кое-как удалось оленеводам собрать обезумевших от страха животных. Жестоко избил тогда бедную Ютвааль Аненго.

— Это ты порчу на оленей наслала! — кричал он.

А весной, когда вскрылись реки и в тундре появилась первая зелень, не усмотрела Ютвааль, как олени кинулись к реке и поплыли на другую сторону. Попыталась она сдержать их, но где маленькой женщине управиться со стадом. Река быстрая, глубокая. И тут как раз пришел Аненго стадо проверить.

— Олени на другую сторону переплыли, — чуть слышно сказала она ему.

— А-а, чекалван валегыт! — досадливая ты! — вскричал Аненго и со злости толкнул Ютвааль в холодную воду.

Хорошо, меховой керкер не дал утонуть женщине. Поднесло ее течением к берегу, схватилась она за кусты и с трудом выбралась на сушу.

В отчаянии пыталась Ютвааль покончить жизнь самоубийством, но каждый раз ей что-то мешало. «Не хотят моей смерти духи — «кала». Видно, судьба моя такая», — смирилась она со своей горькой участью.

И снова целыми днями пропадала в стаде. Соседи по стойбищу стали упрекать Аненго и Экенны, что они пло-

хо обращаются с керечкой. Советовали бежать Ютвааль. А куда бежать?

Наступило лето. Ярко светило солнце, кругом зелене-ла трава. Хорошо стало в тундре. Стойбище пережочевало на летовку ближе к морю. И вот однажды, когда Аненго не было дома, подошел к Ютвааль пастух чукча Айгынто и сказал:

— Так тебе больше жить нельзя.

— Что же делать? — спросила бедная женщина.

— Спрячься в кустах, я помогу тебе.

Нашли они в самом густом кедровнике ямку, забралась в нее Ютвааль, закидал ее ветками пастух.

Забеспокоился Аненго, когда на второй день не вернулась Ютвааль. А тут еще жена кричит:

— Кто воду принесет?! Кто дрова нарубит?! Кто чай поставит, еду сварит?!

«Не могла же она убежать?» — размышлял чаучу, разыскивая женщину.

— Ютва-аль! Где ты? — кричал он и колот в кусты копьём. Кто-то из пастухов сказал ему, что здесь, в кустах у речки, последний раз видел ее.

Притихла в страхе Ютвааль в кедровнике, сжалась в комок. И казалось, что копьё вот-вот вонзится в нее. Два дня подряд обшаривал Аненго кусты. И однажды копьё коснулось своим лезвием плеча Ютвааль, но она сдержалась и не вскрикнула.

В это время уже рыба в реке пла. Айгынто, который помог ей спрятаться, рядом сетку поставил. И, чтобы не заметил Аненго, тайком ей свежие рыбы головки принесил, а сам же притворялся, что помогает чаучу искать керечку.

— Ох, и перепуталась я! — созналась потом Ютвааль. — Вот только плечо поранил.

— Мачынан! Пусть, это заживет! — улыбнулся пастух, и Ютвааль стало радостно.

Однажды, когда Аненто не было в стойбище, объяснил ей Айгынто, куда бежать надо.

— Там, в бухте Келинейкуйым, кереки живут, — сказал Айгынто и показал, каким распадком надо идти. — Подойдешь к лагуне, увидишь на другой стороне жилища. Походи по берегу, чтобы тебя заметили, и за тобой приедут.

Принес ей пастух старенькую кухлянку вместо ее изорванного керкера, летние торбаса, и отправилась Ютвааль в путь. Через день подошла она к лагуне и стала ходить по берегу. Увидели ее с той стороны. Кто-то взял байдарку, спустил на воду и переправился к ней. Испугалась было Ютвааль, побежала по косе, но вдруг слышит родную речь:

— Маки! Кто ты? Не бойся — иди сюда! Меня звать Юкавав.

Успокоилась Ютвааль и пошла вслед за юношей к байдарке.

Старушка Ульнаут, мать Юкавава, приветливо встретила женщину, накормила ее и уложила спать.

Но слухи как ветер разносятся. Узнал брат Вытвей, что сбежала Ютвааль от чаучу, и тут же с односельчанами приехал на байдаре. Узнал и Аненто. Собрал он свою сильную родню и тоже приехал на байдаре. Юкавав просит Вытвею оставить сестру у них.

— В жены возьму, — говорит он.

Подумал Вытвей и согласился. Он хорошо знал Юкавава и верил, что тот не даст сестру в обиду.

Но Аненто считал Ютвааль своей собственностью. Ведь не зря же он кормил столько времени керечку, да еще выкуп оставил тогда за нее родственникам. И поэтому он требовал вернуть ему Ютвааль.

— Нет, — вдруг грозно сказал Вытвей и на глазах у всех поднял коротенькую кухлянку на сестре. — Посмотри, что ты сделал с ней! — И все увидели глубокие шрамы

на спине молодой женщины. — Разве так обращаются с человеком!

— У нас она всегда сытой была! — кричал Аненто. — У вас с голоду сдохнет.

— Лучше голодным быть, чем так жить! — осмелел Вытвей и крепко сжал в руках винчестер.

Удивился Аненто неожиданной смелости робких керекеров и даже оторопел. До него уже дошли слухи о какой-то новой власти, но не знал он, что эта власть помогла им и сетями и оружием.

Пожалел Аненто, что не взял с собой оружие, думал одними угрозами забрать Ютвааль, но ничего не вышло, и недовольный уехал он к себе. А Юкавав взял Ютвааль в жены. Через год у них родилась дочь.

Вскоре сбежал от Аненто и пастух Айгынто и поселился с семьей рядом с кереками...

У горы Камакыннот

Спускаясь по реке Хатырке, мы не обнаружили следов старых поселений, зато в устье они явно заметны. Видимо, устье было обжито с древних времен. На ровной вершине горы Камакыннот, протянувшейся к самому берегу моря, был древний жертвенник, представлявший собой скопление моржовых голов. К сожалению, жертвенник основательно разрушен, черепа раскиданы по крутому склону. На этом жертвеннике хатырские школьники находили своеобразные наконечники стрел, копий и другие древние предметы. Мы встретили несколько железных, сильно проржавевших пластин панцирей, больше нам ничего интересного не попало. У самого берега моря на небольших буграх этой горы, обильно заросших травой,

когда-то стояли землянки. А основное поселение располагалось у подножия, на правом берегу устья, на галечниковой косе. Сверху хорошо заметны воронкообразные углубления, и по своему расположению некоторые из них сходны с древним поселением местечка Этчун на Мейны-пильгынской косе. Старые хатырчане еще помнят землянки, стоявшие здесь до строительства Вилюнейской культбазы, которая положила начало современному поселку. В прошлом коса с правой стороны устья была намного длиннее, шире и выше, но, так как устье реки постепенно смещается к югу, она была размита и древние жилища разрушены водой.

Второе старое поселение располагалось в полутора километрах от устья, на правом берегу, на террасе, идущей от горы Камакынгот, но она сейчас застроена современными зданиями.

До начала коллективизации керекские жилища сохранялись в устье Хатырки, на косе у лагуны Опука, мысах Лагунном и Рифовом. Чукчи же обосновывались на холме Четкин, расположенном на правом берегу реки Хатырка, в пятидесяти километрах от устья, в местечке Элган'ын на реке Мыллывээм (на картах она почему-то названа Опукой) и в бухте Аннушка, которая находится между лагунами Маллен и Опука. Аннушка — это не имя русской женщины, а искаженное чукотско-корякское слово «эннун» — «холм», «бугор».

На карте издания 1943 года, найденной нами в архивах, от современной Хатырки на юг обозначены населенные пункты Хатынь, рядом с Вилюнейской культбазой, Мелювеем, Хатына в лагуне Опука, Укэлаят в бухте Дежнева, Ильпи и Омэлэут в бухте Анастасии, Ватына в бухте Наталии, Мачевна, Тапан и на южной стороне мыса Олюторского Ковача. Сейчас этих поселений уже нет. Их жители переселились одни в Апуку и Пахачи Корякского национального округа, другие — в Хатырку. Воз-

можно, что на местах старых поселений живут еще в уединении старички.

Основу современному поселку дала культбаза, которая в 1934 году была построена на берегу моря рядом с поселением Хатынь, но через некоторое время ее перенесли на правый берег реки. Наименование Вилюнейская дано по названию кочевавшей в долине реки Хатырка группе чукчей. Первым начальником культбазы, как вспоминает бывший председатель Хатырского сельсовета, ныне пенсионер Кергитагин, был Иван Петрович Юдочкин. Отсюда, с культбазы, и начиналась новая культура в отдаленном районе Чукотского национального округа.

В 1936 году в Хатырке организовывается первое товарищество «Торвагыргын»¹ — «Новая жизнь», в которое вступили хатырские кереки и чукчи, осевшие на побережье, и небольшая часть бедняков-оленоводо-в. Основной отраслью товарищества было рыболовство, морской промысел и подсобным — оленеводство. Рядом с Хатыркой не было постоянных моржовых лежбищ, поэтому промышляли моржа на весеннем плавучем льду. В июне, когда вскрывались реки, начиналась ловля рыбы.

В 1937 году на реке Опука у озера Элган'ын было создано второе товарищество — «Красная звезда». Основу хозяйства составили рыболовство и оленеводство. Членами товарищества стали чукчи и опукинские кереки, продолжавшие жить на косе у лагуны Опука. Постепенно в эти два товарищества начинают вступать олениводы. Хозяйства крепнут экономически, и в 1940 году организовывается третье оленеводческое товарищество «Красный оленевод» с центральной усадьбой в среднем течении реки Хатырки, у холма Четкин. К 1949 году эти товари-

¹ В архивах товарищество пишется «Турваургин», мы же это название воспроизводим в соответствии с нормами чукотского языка.

щества, относившиеся к Хатырскому сельсовету, имели следующее количество оленей:

Товарищество	Общественное поголовье	В личном пользовании	Всего
«Торвагыргын», пос. Хатырка	2 722	860	3 582
«Красная звезда», местечко Элган'ын	740	240	980
«Красный оленевод», холм Четкин	219	1 460	1 679
Всего...	3 681	2 560	6 241

Как видно из таблицы, сектор личного пользования составлял тогда пятьдесят процентов всего поголовья оленей. В тундре же по-прежнему продолжали кочевать богатые оленеводы Тагрынват, Ровтыгыргын, Рытэгрэв и середняк Ранавтагын. И лишь в конце 50-х годов они вступили в колхозы: первые двое в колхоз «Дружба», остальные в колхоз имени Жданова.

28 июня 1949 года сессия Хатырского сельского Совета депутатов трудящихся приняла решение об объединении двух колхозов «Красная звезда» и «Красный оленевод» с оседанием на реке Опуке у озера Элган'ын. Новый колхоз был назван именем Жданова. Укрупненное централизованное хозяйство быстро доказало свою целесообразность. Поэтому 22 июня 1951 года было снова принято решение о слиянии колхозов имени Жданова и «Торвагыргын» с центральной усадьбой в поселке Хатырка. С этого времени колхоз быстро растет, набирает силу, в него вступают последние единоличники. В 1967 году колхоз имени Жданова реорганизуется в совхоз. Такова краткая история этого хозяйства.

В настоящее время совхоз имени Жданова крупное, экономически крепкое хозяйство. Основную отрасль его

составляет оленеводство, с поголовьем около 20 тысяч оленей. Имеется богатая техника, в тундре стоят перевалочные базы, на маршрутах выстроены дома для оленеводов.

До слияния хозяйств Хатырка была небольшим поселком. Из похозяйственной книги сельсовета: в 1945 году в Хатырке проживало всего 23 семьи с населением 71 человек, из них 34 мужчины и 37 женщин. По национальности все числились чукчами, хотя в поселке жили и кереки.

Сейчас Хатырка — современный поселок с хорошими, добротными домами, которые выстроились ровными рядами до самого подножия горы Камакыннот. Землянки и яранги ушли в далекое прошлое. И сохранились они лишь в воспоминаниях стариков. Да иногда напоминают о нем древние вещи, что попадают при закладке фундаментов новых зданий. Украшением поселка является большая двухэтажная школа. Руководит ею уроженец Хатырки, сын оленевода Дмитрий Петрович Кораев. Он окончил Ленинградский педагогический институт имени А. И. Герцена и приехал в родные места учительствовать.

Дмитрий Петрович любезно провел нас с Александром Ореховым по школе, по светлым, уютным классам — ученики уже уехали в тундру к родителям. Затем мы вместе с ним прошли по берегу реки к устью, осмотрели старое поселение и поднялись на гору Камакыннот. Само название сопки говорит о древности этих мест. Словом «камак» мейныпильгынские и хатырские чукчи называли жертвенное место, куда сносились головы моржей, тюленей, медведей. У коряков аляutorцев «камак» — вредоносное существо в облике жука. Этот жук будто бы живет в земле. Человеку он вреда не приносит. Но зато он может создавать землетрясение, извергать дым и лаву из вулканов¹. У чукчей тоже было подобное представление о ка-

¹ Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. Л., 1973, с. 94.

маке, как страшном чудовище, которое ходит по ночам и оставляет большие следы, похожие на человеческие. Вторая часть слова «нот» восходит к основе «-нут-/-нота-»/«земля», «камакская земля». Видимо, эта сопка была так названа по имеющемуся на ней жертвеннику.

Вернувшись, мы еще долго сидели в кабинете у Дмитрия Петровича и говорили о проблемах обучения и воспитания в чукотских школах, о загадочных кереках. После он показал мне интересный и оригинальный колчан с комплектом стрел с костяными и железными наконечниками. По богатой вышивке и орнаменту было видно, что это корякская работа. Хранился он у чукчи Коровье, однофамильце директора, жившего в верхних реках Хатырки, как семейная реликвия и память тех времен, когда только начинали налаживаться хорошие отношения чукчей с коряками. В колчане находилось двадцать стрел, пятнадцать с сохранившимися наконечниками. Два наконечника были сделаны целиком из оленьего рога, три комбинированные из железа и кости и остальные железные. Наконечники имеют различную форму. Одни четырехгранные, другие листовидные, с острым режущим металлическим вкладышем, и совершенно тупые, закругленные. Назначение многих стрел было непонятным. Чтобы наконечники не тупились и не прорезали колчан, для них спиты аккуратные чехольчики. По материалу, из которого был изготовлен колчан, и наличию в орнаменте шелковых ниток и бус можно предположить, что он относится примерно к середине XIX века, когда к чукчам и корякам стали поступать русские товары. Дмитрий Петрович подарил колчан нашему институту. И вообще он с большим интересом отнесся к нашим поискам, старался помочь. Так, он выделил нам в проводники керек Ивана Уваыргина — школьного кочегара.

По документам сельского Совета я не смог выявить точную численность кереков, все были записаны чукча-

ми, и лишь с помощью Дмитрия Петровича, местных учителей мне удалось записать десять имен. А вообще в Хатырке кереки настолько ассимилировались, что память о них становится легендой, преданием.

В местечке Тымлыяргын

Мелкие морозящие дожди прошли. Тундра и склоны сопки сменили цвет: на буром и сером фоне появились зеленые пятна травы, кустарника. Настали теплые солнечные дни. Шла нерка, чавыча. Сельский Совет выделил участки для личного лова рыбы. Часть людей рыбачила между поселком и устьем, другая — вверх по реке на правом берегу. Старики-пенсионеры на время хода рыбы перебрались на свои участки и жили в палатках или избушках. Рыбу они ловили ставными сетями, сталкивая их в воду длинными шестами.

От Ивана Уваыргина я узнал, что его отец, самый старший керек Турэрэт, рыбачит в местечке Тымлыяргын в девяти километрах от поселка, у подножия горы Тымлын'ай. Мне захотелось поближе познакомиться со стариком.

Утром 22 июня Сапа Орехов отправился к устью делать разведывательные раскопы, а мы с Иваном Уваыргиним, закупив продукты, на «Прогрессе» пошли на рыбалку.

Название Тымлыяргын произошло от горы Тымлын'ай, а слово «яргын» означает «сухое место». И действительно, подножие горы, покрытое зеленым низкорослым кустарником и высокой травой, было сухим и удобным для жилья. По левому склону горы протекал веселый ручеек с чистой и прозрачной водой.

На рыбалке находились старик чукча Етаквыргин, его жена старая Кеунеут, керек Турэрэт и одинокая старушка Атчуны. Чета Етаквыргиных жила в зеленой двухместной палатке, Турэрэт обосновался в маленькой избушке, стоявшей недалеко от берега, и в отдалении устроила себе жильё Атчуны. Когда мы причалили к берегу, то у костра, с висевшим над ним чайником, сидели Етаквыргин и Кеунеут. Турэрэт, дежуривший всю ночь у сеток, еще спал.

— Как раз приехали, чай готов, — приветливо встретил нас Етаквыргин.

Мы присели у костра. Кеунеут, протерев полотенцем кружки, поставила их перед нами.

— Рыба есть, — сказал старик, кивнув в сторону палатки головой, — правда, красная идет плохо, но сиг попадается.

Кеунеут пододвинула нам эмалированное блюдо с вареной рыбой. Сиг был жирным и вкусным. Так же, как и в других местах, рыба была сварена с чешуей.

— Ведь удобнее есть, когда с рыбы снята чешуя? — спросил я.

— Ээ, нет, так она вкуснее, — возразил мне старик.

— Пойду-ка посмотрю, как там отец, — сказал Уваыргин.

Пока Уваыргин будил Турэрэта, я достал колчан со стрелами и стал расспрашивать старика. Как выяснилось, это были в основном боевые и охотничьи стрелы. Етаквыргин сразу определил работу и сказал, что эти наконечники корякские, и лишь только два тупых наконечника из оленьего рога, предназначенные для охоты на птиц и зайцев, были чукотской работы. Комбинированные же наконечники листовидной формы с плоскими металлическими вкладышами предназначались не для охоты на морского зверя, как я думал вначале, а для расшивания боевых панцирей, металлические или костяные пластин-

ки которых связывали оленьими жилками или тонкими ремешками.

Вскоре из домика показались Турэрэт и Иван Уваыргин. Турэрэт шел, заложив руки за спину, как Турылькот. Но в отличие от мейныпильгынских кереков Турэрэт был несколько крупнее и шире в плечах. На нем была телогрейка и ватные брюки, на ногах длинные резиновые сапоги.

— Еттык! — приветствовали мы подошедших.

— Аии, — ответил Турэрэт, и приятная улыбка расплылась по его широкому лицу.

Турэрэт оказался неразговорчивым и осторожным, на мои вопросы отвечал нехотя, очень кратко и все время как-то загадочно улыбался, словно знал какую-то тайну и не хотел о ней говорить. Я сразу подумал, что работать с ним будет трудно, но все же мне удалось кое-что узнать от него.

Родился Турэрэт на Опуке. Но неудачные промысловые годы, сопровождавшиеся голодовками и болезнями, часто заставляли его менять свое жильё. Жил он в устье реки Хатырки, на мысе Рифовом — по-керекски Ягнагынун, был на реке Укеляят, впадающей в бухту Дежнева, хорошо знал мейныпильгынских кереков, но родным местом считал Опуку. Раньше керекские землянки были в устье Хатырки, на берегу недоступной лагуны Аннушка, вход в которую загромождают каменные пороги, на лагуне и реке Опуке, мысах Рифовом и Лагунном. Во всех этих землянках жили опукинские керекы, представлявшие, видимо, один род, старшим в котором был старик Упынит. Умер он в начале 30-х годов.

— Раньше много кереков было, но все умерли. — И Турэрэт рассказал, что в левом углу лагуны Опука даже сохранилась еще целая землянка, в которой так и остались лежать керекы, умершие от какой-то страшной болезни.

В прошлом люди разными способами пытались оградить себя от эпидемий. Например, оленеводы-чаучу, когда узнавали, что в соседнем стойбище появилась какая-то болезнь, выставляли вокруг охраны и угрозой оружия никого не выпускали и не выпускали из стойбища, даже если человек был в бедственном положении. Приморские чукчи сжигали жилища умерших от эпидемии. Кереки же в ужасе покидали все поселение, проклинали это место, считая, что там поселился дух заразы.

Из беседы с Етаквыргиным и Турэрэтом выяснилось, что среди хатырчан как чукчей, так и кереков не бытует название «Опука». Лагуну они называют К'итан'а, что значит «промерзающая», а реку — Мыллывээм. Лагуна действительно настолько мелководна, что промерзает до дна. Откуда появился топоним «Опука», для меня осталось загадкой. Видимо, допущена какая-то географическая ошибка.

После беседы с Турэрэтом и Етаквыргиным я твердо решил сходить на Опуку и обследовать все места, осмотреть местечко Эльган'ын и попытаться вскрыть землянку с умершими кереками.

Пока я занимался с кереками и чукчами, Саша Орехов сделал разведывательный раскоп одной землянки в устье реки. Интересных вещей он не обнаружил, хотя и попадались предметы из кости, но от сырости они сгнили, превратились в труху и даже при легком прикосновении тут же рассыпались. На глубине около метра он откопал очаговые камни и вскрыл большую часть пола землянки, выложенного плоскими плитами песчаника, которые были так плотно подогнаны, что создавалось впечатление единого целого.

Мейныпильгинские кереки обычно пол в землянке, чтобы не было сырости, засыпали галькой. Возможно, что в этих же целях хатырские кереки устилали пол плитами песчаника.

Мыс Ыллавиан

Погода установилась. Было ясно и солнечно. Ничто не предвещало сильного ветра, туманов или дождей. Да и старики Етаквыргин и Турэрэт, проследив за движением высоких облаков и окинув взглядом синее море, дали гор, уверенно сказали:

— Нымэлк'ин, хорошо. Море будет ровным, как лед на реке.

По традиции, сложившейся у нас за время предыдущих экспедиций, мы вышли в маршрут 23 июня в час ночи. Обычно в полночь и до самого утра на море всегда затишье, а часов в восемь-девять начинается бриз, который постепенно набирает силу, пятнит море, ерошит воду. Днем лучше всего сиди на берегу.

Наш экипаж пополнился. Проводником с нами пошел керек Иван Уваыргин. Родился он на Опуке, хорошо знал окрестности и поэтому с удовольствием согласился посетить родные места. Общительный, жизнерадостный, Уваыргин постоянно шутил, вспоминал свои путешествия на катерах, когда работал матросом, сообщал нам ценные сведения о жизни кереков на этих берегах. В лодке он сразу оказался при деле. Перед выходом уложил как следует снаряжение, чтобы ничего не мешало, привел в порядок якорный и береговой койцы, смотав их в бухты, проверил, все ли на месте. По той уверенности, с которой держался Уваыргин в лодке, было видно, что он хорошо знает морские законы.

Море ровное, спокойное. На востоке показался красный диск восходящего солнца. Плавное покачивание на волнах действует успокаивающе. Километров через пять поравнялись с высоким квадратным камнем у скалистого берега. На картах у этого камня загадочное название — Явдал-умен.

— Как называется этот камень?— спросил я Уваыргина.

— Янрэнмын, — ответил он по-чукотски.

— А по-керекски?

— Коо, не знаю.

«Янрэнмын» означает «отдельная скала». Откуда же могло появиться название «Яндал-умен» и какому из палеоазиатских языков принадлежит это слово? Я задумался и попробовал реконструировать этот топоним. Известны многочисленные случаи, когда топографы, неудачно уловив местное произношение, сильно искажали слова. Подобные искажения имеют место в топонимах Беринговского района. Так, гора, озеро и река, текущая от горы и впадающая в море недалеко от Мейныпильгыно, на картах называются Хайидин. По морфологическому оформлению его нельзя отнести ни к палеоазиатским языкам, ни к эскимосско-алеутским. При опросе чукчей и кереков выяснилось правильное произношение топонима: «К'айгытгын» — «маленькое озеро». Видимо, название горы и реки местными жителями было дано по озеру, расположенному у подножия одноименной горы. В палеоазиатских языках нет звонкого согласного «Д». В топониме «К'айгытгын» палеоазиатский звук «К'» заменен русским «Х», а звук «Г» — русским «Д». Я мысленно сделал соответствующую замену звуков в топониме «Яндал-умен» и получилось «Янга-умен». В практике у топографов принято палеоазиатский носовой согласный «Н'» обозначать сочетанием звуков «НГ». Первая часть слова «янга» соответствует керекскому «ян'яа» — «отдельный», вторая «умен» — керекскому «умын» — «толстый» или, точнее, сильно искаженному слову «инмын» — «скала». Правильная реконструкция топонима будет звучать по-керекски «Ян'яаинмын». В керекском языке, в отличие от чукотского, отсутствует звук «Р», ему соответствует звук «ЙА». Керекский топоним «Ян'яаинмын» был, видимо, адапти-

рован чукотским языком и стал произноситься «Янрэнмын».

Я поделился своими размышлениями с Уваыргинным.

— А ведь верно! — удивился он и, немного помолчав, добавил: — Здесь очень много птиц. Раньше мы во время отлива переходили по камням и собирали яйца кайры, бакланов, чаек. Сейчас яйца собирать запретили. Привозят куриные.

Вскоре поравнялись с острием высокого обрывистого мыса Хатырка. Берем мористее, так как у самого мыса торчат из-под воды плешины камней, покрытые по краям зелеными водорослями. Дальше берег стал понижаться, его небольшие обрывы прорезаны глубокими оврагами, по которым текут ручьи и речушки. Через час 10 минут оказались на траверзе мыса Рубикон, образованного пологими склонами горы Маллен. У самого моря две вершины.

— Вот на этой горе, — показал на южную, более высокую вершину Уваыргин, — похоронена наша опукинская бабушка.

— Что же ее так высоко вознесли? — пошутил я, с удивлением разглядывая крутые склоны вершин.

— Перед смертью она сказала, чтобы ее похоронили на этой вершине.

— Как же туда забрались? Налегке и то, пожалуй, не сразу поднимешься.

— Желание покойницы нельзя отменить, — серьезно сказал Уваыргин. — Да и бабушка была самой старшей среди нас, и хоронили ее с почетом.

У северного подножия горы Маллен простирается одноименная лагуна с широкой и глубокой горловиной, но заходить не стали — надо было спешить в Опуку, пока чистое, спокойное море. Взяли курс на мыс Пятнистый, за которым есть небольшой заливчик Аннушка и одноименная лагуна. Уваыргин сказал, что в заливчике мож-

но найти хорошую стоянку, а если нет прибоа, то вести лодку в лагуну. Но сильный накат после длительного юго-восточного ветра помешал высадиться на берег, а в узкой горловине вода бурлила, как в котле, перекатываясь по острым камням. Недалеко от подводных камней бросили якорь. С лодки хорошо были видны на террасе правого берега лагуны следы старого большого поселения, какие-то стойки и высокий столб на левом берегу, на косе. Возможно, это и был жертвенный столб-охранитель, который обычно ставился на окраине поселения. Очень соблазнительно осмотреть его, но рисковать не стали и, заполнив бачки бензином, пошли к мысу Опукинскому. Пройдя 90 километров, при полном штиле вошли в горловину лагуны Опука и приткнулись у небольшого, подмытого водой обрыва. Не успели сойти на берег, как сразу же в обнажении обнаружили культурный слой, угли очагов. Еще в 1943 году здесь было керекское поселение, обозначавшееся на старых картах именем Мадлен. Сейчас это место пустынное, и о прошлом напоминали лишь котлованы землянок, поросшие травой.

От морского влажного воздуха и утренней прохлады мы сильно продрогли и потому решили немного отдохнуть и согреться чаем. Пока разжигали костер и кипятили чай, Саша разведаль обнажение, нашел несколько каменных наконечников, остатки очагов и кости морских животных и птиц.

— Начался отлив,— заметил Уваыргин.— Лагуна очень мелкая. Надо торопиться.

Не прошли мы и полкилометра по лагуне в левый угол, как винт стал мутить воду и цепляться за илистое дно. Пришлось заглушить мотор и бечевою тащить лодку вдоль косы. И только через четыре часа, пройдя около девяти километров, мы добрались до основания косы, примыкавшей к пологим тундровым холмам, тянувшимся от мыса Опукинского.

Несмотря на усталость и бессонную ночь, мы тут же на сухом бугорке поставили палатку, подтянули к берегу «Прогресс» и сразу же пошли в пеший разведывательный маршрут к мысу Опука. В пятистах метрах от нашей стоянки обнаружили жертвенник с воткнутой огромной челюстью гренландского кита. На косе и дальше были заметны остатки жилищ различных времен. Вскоре подошли к избушке, где в сороковых годах жил Уваыргин. Она разрушилась, стены из дерна обвалились, но еще стояли основные столбики.

— Последний раз я был здесь в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году,— задумчиво сказал Уваыргин.

Я осмотрел жилище. У входа, в левом углу, стояла железная печь, стены с внутренней стороны обшиты досками, а снаружи обложены дерном. Пустота между досками и дерном была засыпана песком. Это был переходный тип жилища — от старого традиционного к новому современному.

По своему плану оно напоминало жилище Турьялькота из Мейныпильгыно.

Осмотрев жилище Уваыргина, прошли дальше к маленькому мыску Ыллавианан, от которого, примерно, на километр в море тянулась каменная гряда.

— Во время отлива здесь много лежит нерпы. Раньше мы охотились на них с дубинками или же с «калувйанан»,— рассказывал мне Уваыргин и ловко изображал, как это делалось.

Все эти скупые сведения об охоте на морских животных, полученные от мейныпильгынских кереков и от Уваыргина, создавали впечатление, что кереки не были настоящими морскими охотниками, как, например, приморские чукчи и эскимосы, техника промысла у них была крайне примитивной: дубинка, «калувйанан» да копыя, и ни одного упоминания о поворотных гарпунах. И уже не первый раз обращаем внимание на то, что в прошлом ке-

реки обычно селились рядом с нерпичьими лежками, расположенными на рифовых отмелях. В таких местах невозможно плавать на байдарках даже в тихую погоду. Поэтому нерп и лахтаки они добывали сухопутным путем, подкрадываясь во время отлива к спящим животным.

От землянок начался обрыв, постепенно повышающийся к мыску Ыллавианан. И вдруг у самого скалистого обрыва на твердом грунте мы встретили странные следы. Я тут же их замерил. Длина следа оказалась 40 сантиметров, ширина — 24, глубина его 10 сантиметров, размер шага 1 метр 28 сантиметров. След почти прямой, но носки чуть-чуть направлены вовнутрь. Следы видны только на твердом грунте. Об этих следах я много слышал от чукчей и кереков, но сам увидел их впервые.

— Кыйте, смотри-ка! При мне этих следов не было, — удивился Уваыргин.

У нас не оказалось с собой гипса, и мы не смогли сделать слепки. Как сумели, зарисовали, сфотографировали следы.

На вершине мыска Ыллавианан обнаружили жертвенник «камак». Но и здесь порядок расположения черепов был нарушен. Саша копнул в нескольких местах лопатой, но ничего интересного не нашел.

— Вот там, на склоне мыса, похоронен старик Упынит. Умер он примерно в 1932 или 1934 году. Это был самый старший среди наших кереков, его все слушались и подчинялись ему, потому что он очень много знал.

— Пойдем поищем, — попросил я Уваыргина. Мы еще ни разу не встречали керекской могилы на суше.

Уваыргин без колебаний, уверенно повел нас. Захоронение находилось у начала крутого склона мыса Опукинского, у подножия большого, отдельно торчащего камня. Могила сверху напоминала удлиненный холмик из мелких плоских каменных плиток, которых множество на склоне. Уваыргин не стал возражать против вскрытия мо-

гилы. Он понимал, что это очень важно для нас. Могила оказалась неглубокой, сантиметров 10—15. Местами из-под камней виднелись кости. Череп был кем-то выбит и лежал в стороне без нижней челюсти, которую я нашел с другой стороны камня. Саша стал аккуратно вскрывать могилу. Меховая одежда вся сопрела от сырости и от легкого прикосновения расплзалась. В могиле рядом с покойником находились серая эмалированная кружка с белыми крапинками, имитированный кнутик, которым покойник на том свете должен отгонять злых собак, колокольчик, недалеко от могилы лежали остатки разбитой нарты.

— Не все вещи сохранились. У Упынита был красивый, хороший нож, — сказал Уваыргин. — Наверно, кто-то взял его.

Пока Саша зачищал могилу, мы беседовали с Уваыргиним. От него я узнал, что у опукинских кереков, так же как и у мейныпильгинских, было два способа погребения: в море и на суше. Предпочтение отдавалось погребению в море. Совершались точно такие же обряды, как и у мейныпильгинцев. Если покойник перед смертью не высказывал пожелания, где он должен быть погребен, то определяли путем гадания. Часто случалось, что покойник, опущенный в море, по воле течения делал круг и снова возвращался на то же место. Тогда кереки говорили, что он не хочет уходить один, ждет товарища, попутчика. Это означало, что кто-то еще должен умереть. При погребении в земле совершались те же обряды, что и при погребении в море. У кереков не было постоянных родовых кладбищ, как у эскимосов и приморских чукчей. Покойников хоронили обычно на склонах гор, вершинах или сухих холмах. Могилу выкапывали неглубокую и по размеру тела покойника. На покойника надевали меховую куклянку с пришитым капюшоном, который затягивали так, что оставался открытым только нос. Затем тело креп-

но опутывали по рукам и ногам ремнями. В могилу клали любимые вещи покойника, а при погребении в море привязывали обязательно к поясу деревянную лодочку. Сверху могилу засыпали, делая небольшой удлиненный холмик, и в головах втыкали палочку в виде лопатки или весла.

Так же, как и мейныпильгынские кереки, опукинские не пускали близких родственников на похороны.

— Смотри-ка, Уваыргин, и здесь эти странные следы, — прервал я нашу беседу, увидев вмятины в щебенке.

— Ии, я уже давно их заметил, — закивал головой Уваыргин.

Следы шли от мыска Ыллавинаан. На тундре они не видны и обнаруживаются лишь на твердом грунте. Я попробовал пройти, ступая след в след. С усилием делая огромные шаги, я подошел к могиле и, расставив широко ноги, встал. Здесь, по-видимому, загадочное существо долго стояло, затем, сделав поворот, который я не смог повторить, и нарушая обычный шаг, обошло полукругом могилу.

Странно. У обрыва следы идут, как медвежья тропа, здесь же если это медведь, то он топтался на месте на задних лапах. Но почему же у могилы не истоптано, а остались такие отпечатки, словно это загадочное существо ступало точно след в след.

— Посмотрите, — сказал я Уваыргину и Сапе, — мы с вами ходим и после нас никаких следов на этом грунте не остается. Видимо, у обладателя этих следов был огромный вес.

Потрясенный Уваыргин лишь с трудом смог выдать из себя:

— Это камак!

И затем в течение всего времени, пока мы работали на косе лагуны Опука, в его поведении чувствовалось какое-то беспокойство.

«Тэрык'ы» — дикий человек

Зимой, когда после долгой южной пурги на склоне уэленской сопки утрамбовывался наст, хорошо было кататься на чукотских санках — «к'энрэт», с полозьями из распиленного вдоль моржового клыка, а у кого их не было, то просто на коленках в нерпичьих штанах, которые скользили ничуть не хуже костяных санок. Но штаны очень быстро протирались, на коленках появлялись плешины, за что нам, детишкам, сильно доставалось от родителей.

В декабре — январе светало всего часа на два, на три и опять быстро темнело. Особенно весело было, когда ярко светила луна, полыхало северное сияние, которое после нашего оглушительного свиста, казалось, начинало колыхаться еще сильнее. Было светло, как днем. Катались с горы в одиночку и вереницей, уцепившись друг за друга, а когда налетали у спуска на твердый, как лед, заструт, то с хохотом валились, устраивая кучу малу. Тихие морозные дни были редкими, и нам не хотелось уходить домой. Но вот из поселка раздавался протяжный крик.

— Энмы-чайв-о-он! К'ыраг-ты-гье-э! Энмычайвын! Иди домой!

Не успевал смолкнуть этот зов, за ним следовал второй, третий, а иногда кричали и хором. Но разве легко звать домой разыгравшуюся детвору! Тогда папы и мамы прибегали к испытанному способу. Они подсылали к нам на сопку старших ребят, учеников шестого, седьмого классов, некоторые из них были уже настоящими охотниками. Мы, конечно, ничего не подозревали. И вдруг в нашу детскую возню врывался крик:

— Тэ-э-ры-ы-к'ы!

Вереница санок, мчавшаяся с сопки, тут же распадала-

лась, и мы, ребяташки, в страхе, спотыкаясь и падая, без оглядки неслись к ярангам. Склон сопки и ее подножие быстро пустели, напоминая поле битвы. По инерции продолжали еще катиться санки без седоков, по всему склону валялись шапки, рукавицы, шарфы. За этими трофеями выходили потом родители, а мы, обласканные бабушками, влезали в теплые пологи и засыпали. А довольные подростки спускались с сопки и расходились по домам.

Мне с детства запомнилось слово «тэрык'ы». Его проносили обычно шепотом. Так чукчи называли загадочное существо. О нем рассказывали страшные истории, им пугали непослушных детей.

В детском воображении возникал образ огромного, заросшего шерстью человека, который так быстро бегал, что свободно мог догнать дикого оленя. Делал он широкие шаги и оставлял на снегу следы голой ступни, которая была намного крупнее настоящей человеческой. Бывали случаи, по рассказам стариков, что «тэрык'ы» по ночам забирался в мясные ямы — «увэран», воровал мясо, а летом угонял байдары.

Когда я стал взрослым, меня заинтересовали легенды о «тэрык'ы», некоторые из них были уж очень реальны.

В 1959 году, будучи в командировке в родном Уэлене, я стал расспрашивать известного уэленского певца и танцора Атыка о «тэрык'ы». Он сказал, что действительно существовал «тэрык'ы», и вспомнил случай, как однажды дед его соседа Памье даже поймал такого «тэрык'ы», когда тот пытался из мясной ямы — «увэран» утащить кусок моржового мяса. По словам старика Памье, «тэрык'ы» был страшен. Длинные косматые волосы его спускались до плеч, на теле и на ногах были обрывки одежды. Вначале старик испугался, приняв его за духа, но, когда глаза привыкли к полутемноте, он разглядел, что это человек. «Тэрык'ы» набросился на старика, но оказался настолько обессиленным, что тут же был связан. Уэ-

ленцы ничего не могли от него узнать, так как он не понимал чукотского языка. И тогда одна старушка, которая еще девочкой была привезена в Уэлен с Аляски, заговорила с ним на своем языке. Услышав родную речь, «тэрык'ы» обрадовался и все рассказал о себе. И уэленцы узнали, что он эскимос из племени тыкэлыт, которое обитало на Аляске у мыса Хоп. Их, четверых охотников, унесло на льду в море и прибило к чукотскому берегу. И сейчас они тайком пробирались к проливу, откуда было легче вернуться в родные места. Боясь заходить в селения, охотники прятались у вершины сопки, напротив скалы Сенлюквин. Летом они хотели украсть байдару и перебраться на другую сторону пролива. Уэленцы тут же отправились за остальными, но те, встревоженные отсутствием товарища, куда-то сбежали. Больше о них уэленцы ничего не слышали.

Подобный случай рассказал мне в Анадыре старожил Чукотки Иван Васильевич Поломошнов, который услышал эту историю от оленевода Мымлея.

Было это примерно в 1925—1930 годах. Однажды летом Мымлей рыбачил в вершине залива Лаврентия на реке Мамка. Вдруг сверху послышался грохот, посыпалась лавина камней. Мымлей вовремя успел отскочить, и камни не задело его. Мымлей подумал, что это проделки буроного медведя, но вскоре заметил голову человека, выплывшего из-за скалы. Мымлей окликнул его, но тот в ответ стал метко швырять в него камни. Вначале Мымлей увертывался, а потом вынужден был выстрелить из винчестера. «Тэрык'ы» был убит. Один Мымлей побоялся подойти к нему, и только вместе с сородичами осмотрел убитого. Это был голый человек, обросший шерстью, с косматой головой. По всему телу шла сплошная татуировка, на ногах не было обуви...

«Тэрык'ы» был похоронен по чукотскому обычаю: унесен в тундру и оставлен на холме...

Легенды о «тэрык'ы» имели реальную основу, поводом для которой служили существовавшие в прошлом отношения между племенами, связанные с родовой мезтью, а также религиозные представления.

В прошлом считалось, что пришедший с моря — это не человек, а душа, злой дух, и его надо убить. Поэтому эскимосы, случайно попавшие на Азиатский берег, старались не появляться в селениях приморских чукчей. В поисках пищи они тайком по ночам забирались в мясные ямы, воровали с вешал шкуры и даже забирались в чоттагины, если в ярангах не было собак. Иногда угоняли байдары.

Вот тогда-то и распространялся слух о «тэрык'ы» — диком человеке.

В таком же положении оказывались и приморские чукчи, случайно попавшие на Американский берег. Такая же участь ожидала и тех, кого уносило в море. Когда по гаданию шамана выходило, что человек погиб, то по всему побережью быстро разносился слух, что пропал такой-то. И уже считалось, что этого человека нет. Если же ему удавалось спастись, где-то высадиться на берег, то все равно он не мог нигде найти себе приюта и тоже становился «тэрык'ы». Но в отличие от эскимосов, попавших на наш берег, чукчам, унесенным в море и сошедшим на сушу, было легче. Они могли вернуться в свою семью, в свое селение. Для этого они должны были совершить определенный обряд на берегу моря, одним из элементов которого являлось исполнение семейной песни предков и смена прозвища-имени. И этого человека уже называли именем того предка, песню которого он исполнил. Возвращение предка считалось естественным и обычным, ведь не случайно родившимся детям присваивали их имена.

Позже я пришел к выводу, что легенды о «тэрык'ы» связаны с морским образом жизни, с бытом морских охот-

ников. И был крайне удивлен, когда о «тэрык'ы» услышал от потомственных оленеводов.

Как-то в 1971 году в Мейныпильгыно мы сидели с Виктором Тынетегиним, заведующим красной ярангой, и оживленно беседовали. Я рассказал ему о том, как нас пугали в детстве «тэрык'ы». Он удивленно посмотрел на меня и сказал:

— А у нас тоже есть «тэрык'ы», только его называют «камак». Вот совсем недавно в верховьях реки Ваамочка пастухи обнаружили следы, они похожи на человеческие, но больше напоминают медвежьи.

— Но как же они могли сохраниться? Шли дожди, выпадали снега, — еще больше удивился я.

— А они отпечатались на камнях.

Я достал подробную карту, и мы с Тынетегиним вскоре нашли место, где обнаружены следы загадочного «тэрык'ы». На лодке с мотором можно было пройти по озеру Ваамочка Первая до устья одноименной реки. Дальше надо было идти в горы пешком километров двадцать.

— Давай сходим, — сказал Тынетегин.

Предложение заманчивое, но у меня еще было много дел в Мейныпильгыно, и мы отложили поход на будущее.

В 1973 году, когда мы с Эдуардом Гунченко появились в Мейныпильгыно, снова зашел разговор о загадочных следах. Вера Ивановна Иунгут сказала, что такие следы есть на склоне одной сопки, недалеко от реки К'айгыттын, которая на картах носит название Хайидин. Просмотрев с Эдуардом карту, мы убедились, что эти места вполне доступные и посещение их не займет много времени. Решили, что по пути в Хатырку обязательно сделаем остановку в устье этой реки. Но погода не дала нам возможности осуществить задуманное.

И вот эти следы встретились нам на Опуке. Я стою у могилы и размышляю. Следы у обрыва напоминают медвежью тропу. Да и место здесь удобное для медведя: свер-

ху хорошо виден берег, ветер с моря доносит все запахи, и если есть падаль или лежит на камнях нерпа, то медведь тут же учует добычу. По тропе вдоль обрыва медведь мог совершать свою постоянную промысловую разведку. Но почему же вмятины следов у могилы расположены так, словно он каждый раз, посещая ее, ступал след в след. Обнаружив могилу и убедившись, что ничего съестного здесь нет, он мог проложить тропу рядом.

После я много беседовал с опытными геологами, прошедшими всю Чукотку и Колыму, а когда показал слайды со снимками следов, то они уверенно сказали, что это тропа очень большого медведя. Биологи подтвердили, что есть особь крупного бурого медведя, который называется камчатским, и он крайне редко встречается людям. Слухи об огромном медведе распространены и у чукчей. Пытался обнаружить подобного медведя и писатель Олег Куваев в горах у озера Эльгытгын, но поиски его не увенчались успехом. Возможно, что в природе существует медведь-великан, а так как он встречается редко, то рассказы о нем обросли легендами и аборигены связали эти легенды со злым духом «камак».

У вымершей землянки

В Хатырке знали, что мы собираемся на Опуку, где нас интересует сохранившаяся землянка с умершими в ней кереками. Отношение к этому у всех было разное. Чукчи и кереки робко и осторожно советовали не трогать ее, другие настаивали обязательно вскрыть и даже предлагали свою помощь. Поселковый врач Лидия Моисеевна Кильдюшова посоветовала нам быть осторожными, так как если люди погибли от эпидемии, то инфекция способна сохраниться в мерзлоте. Мы и сами знали об этом, но

не предусмотрели, что нам может встретиться подобный случай раскопок, и, конечно, никаких дезинфекционных средств у нас не было. Но Лидия Моисеевна изыскала возможность и выделила нам один литр чистого спирта, снабдила резиновыми перчатками, а также дала много полезных советов.

И вот 24 июня, нарядившись в старье, которое не жалко было сжечь, с лопатами, топориком и дезинфекционными средствами мы двинулись к землянке, которая располагалась в километре от нашей палатки.

Землянка представляла собой сравнительно высокий холм, обильно поросший зеленой травой, однако на вершине его растительность почему-то была очень редкой. Рядом вплотную к первой, только чуть ниже, примыкала вторая землянка с провалившейся вершиной.

— А может, и в этой землянке погибли люди? — спросил я Увайргина.

— Нет. Когда умерли кереки, то люди в страхе убежали, — ответил он.

Я обошел первую землянку кругом и насчитал примерно 85 метровых шагов.

— Что-то землянка вроде бы ниже стала, — заметил Увайргин. — Когда я был здесь последний раз, она мне казалась высокой.

Я забрался на землянку, и все стало понятным: ее вершина несколько запала, но еще не обвалилась совсем. Спустившись, мы долго сидели, рассматривая землянку и советуясь, откуда начинать раскоп. Нас охватило тревожное чувство: какую трагедию предстоит нам увидеть там, внутри этого холма. Но стремление заглянуть в керекский быт XIX века было сильнее.

— Ну что ж, начнем, Саша! — сказал я Орехову. — Пожалуйста, попробуем прокопать вход в землянку, — я встал и показал место, где надо копать.

Саша вонзил лопату в мягкую землю.

— Ук-куй! — в ужасе вскрикнул Уваыргин, вскочил и отбежал метров за сто.

— Что это он? — удивился Саша.

Я рассмеялся:

— Бойтся, что сейчас выскочит дух камак! — И крикнул Уваыргину: — Да нет никакого духа! Иди сюда! — Но он молча уселся на камень и не проявлял никакого желания приблизиться к нам. И лишь примерно через час, когда мы пробили квадратную нишу, убедившись, что никто из землянки не выскакивает, Уваыргин подошел к нам. Вначале он наблюдал за нашими действиями, а после взял у меня из рук лопату и стал помогать Саше. Черная земля нарушила естественный покров холма землянки и резко выделялась на веселом зеленом фоне.

Вскоре Саша выкинул небольшой плоский камень, обожженный огнем. Попалось еще несколько. Казалось, вот-вот мы вкопаемся в землянку. Но нас ждало разочарование. На глубине 60 сантиметров пошла твердая, как камень, мерзлота. Стали подрубать грунт топориком, но это ничего не дало. Тогда расширили раскоп, натаскали плавника и разожгли костер.

— Сейчас сгорит твой камак, — пошутил я, обращаясь к Уваыргину.

— Пускай горит, — рассмеялся он.

Но, к нашему огорчению, и оттайка нисколько не углубила раскоп: грунт оттаял сантиметров на пять, образовалась грязь, слякоть. Сделали попытку пробиться в землянку с вершины, где лежали два больших камня, закрывших дымовое отверстие. Но и здесь уже через 20 сантиметров пошла мерзлота. Вся землянка, видимо, представляла собой глыбу льда, разбить которую нам было не по силам. Пришлось отложить нашу попытку до будущих времен.

На обратном пути мы остановились у жертвенника. Он расположен на галечниковой косе недалеко от холмов,

идущих от мыса Опукинского. Жертвенник представляет собой большое скопление моржовых черепов с торчащей в наклонном положении огромной челюстью гренландского кита. Челюсть обломилась от ветхости, верхняя ее часть лежала на земле рядом. Саша окопал кругом всю челюсть, вскрыл местами дерн, но ничего не нашел.

— Раньше челюсть целой была, — заметил Уваыргин. — Эта половина упала при нас, когда мы еще здесь жили. Посмотри-ка! — подозвал он меня.

В трещинках пустой полости челюсти на краю излома лежало несколько голубых и красных бусинок.

— Саша, может, там, внутри, есть что-нибудь? Попробуй-ка вскрыть топориком, — сказал я.

Кость была ноздреватой, от времени сделалась хрупкой. Она легко крошилась под ударами топорика. Мы с Уваыргиним оставили Сашу за этим занятием и пошли к палатке готовить ужин.

Ощипывая утку-гагу, Уваыргин вдруг с серьезным видом произнес по-кереки:

— Итъам пык'аатык амн'аанматык, люматчи лукка-лук мынынмын.

Я расхохотался. Фраза означала: «Если не можем убить гагу, тогда давайте уьем чайку». Зачем тратить время и подкрадываться к осторожной и пугливой гаге, когда можно, не тратя сил, добыть доверчивую чайку. Так смеялись кереки над ленивыми и неудачливыми охотниками.

Уже давно был сварен суп из гаги, вскипячен чай, а Саша все не шел. От палатки было хорошо видно, как он копошится около челюсти.

— Схожу-ка за ним, — сказал я Уваыргину.

Еще издали я увидел улыбающееся лицо Саши.

— Владилен Вячеславович, смотрите! — крикнул он.

На ровном сухом месте лежало около 30 наконечников стрел, некоторые из них были с сохранившимися древка-

ми и оперением. Я наклонился и стал рассматривать находки. Мне много приходилось работать с моржовой костью, обрабатывать ее, и я знал, как она со временем меняет свой цвет. Среди наконечников, сделанных из моржового клыка, были совершенно новые, изготовленные лет пять-шесть тому назад, а один из них, видимо, был положен совсем недавно. Это свидетельствовало о том, что жертвенник почитаем и в настоящее время.

Вечером мы тщательно изучали наши находки. По способу крепления к древку здесь были втульчатые и черенковые наконечники. В первых высверливается отверстие в самом наконечнике и он насаживается на древко; вторые имеют острый черенок и вставляются в древко. Чтобы наконечники крепко держались, их у шейки обматывали тонкими жилками. Втульчатые наконечники стрел крайне разнообразны по форме, конфигурации и размерам. Тупые короткие наконечники, как сказал Уваыргин (после это подтвердили и старики), предназначались для охоты на сусликов, зайцев (в науке они называются «томары») и находили широкое применение у кереков в птичьем промысле. Более массивные и удлиненные наконечники использовались в охоте на крупных животных: горных баранов, диких оленей. Такое же назначение имели и черенковые наконечники.

Удача подняла наше настроение. Мы решили утром сходить по реке Опуке к местечку Эльганын, где была раньше центральная усадьба колхоза имени Жданова.

Выждав, когда наступит прилив, мы пошли по мелководной лагуне к устью Опуки. Даже при полной воде мы часто наскakивали на мели. Фарватер, который хорошо знал когда-то Уваыргин, изменился, и мы проблуждали по отмелям несколько часов, пока не вошли в реку.

В своем нижнем течении река Опука глубокая, быстрая, часто мы пересекали широкие плесы. В пять часов утра из-за крутого поворота реки показались на бутре яр-

ко-красные палатки. Это прибыли сюда на вездеходе из Хатырки рыбаки на время хода рыбы. Отдохнув несколько часов, мы спустились немного по Опуке и пошли по узкой, но глубокой и спокойной речушке Ван'эвам к подножию гор, где были нерестовые озера. Не доходя до гор километров пять, речушка делала крутой поворот и уходила в широкую долину. Мы пошли пешком. Целый день лазили по камням, исследовали весь южный склон, но никаких жертвенников так и не обнаружили.

У подножия гор находилось несколько небольших, но глубоких озер с кристально чистой водой. Одно из них называется по-чукотски Кыплён, что значит «бить», «ударять».

— Интересное название, — сказал я Уваыргину.

— Будем возвращаться, я тебе покажу одно место, тогда ты поймешь, почему оно так называется.

Обратно мы шли вдоль протока, соединявших озера. Они мелкие, но местами встречаются глубокие заводи.

— По этим протокам подымается нерка на нерест, — пояснил Уваыргин. — А теперь посмотри вот туда, — и он показал мне на проточку, вытекающую из озера Кыплён. На мелком перекате протока была перегорожена большими неокатанными камнями. Камни были плотно подогнаны друг к другу, от времени они обросли речной тиной. Ширина плотины 40—60 сантиметров, длина около 10 метров. Ближе к правому берегу плотина несколько понижается, и через нее перекачивается вода, падая в глубокую заводь.

— Вот в этом месте мы били дубинками нерку. Она крутится в глубоком месте, а потом делает большой скачок и перепрыгивает через эти камни. Тут мы и ударяли ее по голове. Вот почему называется это место Кыплён — «ударять», «бить».

Так Уваыргин помог мне раскрыть еще один древний способ добычи рыбы.

На следующий день мы снова были в лагуне Опука у вымершей землянки. Раскоп наш по-прежнему оставался ледяным. Даже теплые солнечные дни не помогли.

Предсказание стариков оправдывалось: погода стояла отличная. Мы решили воспользоваться этим и сходить к мысам Лагунному и Рифовому, на которых тоже были керекские поселения. Одно время там жил Турэрэт.

Вышли ночью. В сумерках проскочили мыс Рифовый, поравнялись с острием мыса Низменного и вошли было в бухту Дежнева. Может быть, пошли бы и дальше, но запас горючего заставил нас вернуться.

Мыс Рифовый оправдывает свое название. Чуть ли не на километр от него тянется в море гряда подводных камней. Даже при полном штиле над рифами вспыхивают буруны. Но камни и отмели хорошо были заметны с лодки, и мы, лавируя между ними, спокойно вошли в узкое каменное устье речушки.

На мысах Лагунном и Рифовом, расстояние между которыми около двух километров, обнаружили следы старых поселений, особенно большое поселение было на мысе Лагунном, по-керекски Ягнагунун.

На мысе Рифовом на вершине каменистого холма у самого устья нашли жертвенник, но кто-то изрядно перевернул его. По следам раскопок было видно, что работали не археологи. Нашли лишь имитированные стрелки, сделанные из дерева, да Саша выкопал несколько наконецников стрел, очень похожих на опукинские. На правом берегу речушки обнаружили сохранившийся остов керекской землянки. Примечательно, что по способу построения она полностью совпадает с реконструированной мною, по рассказам кереков, землянкой, небольшие различия имеются лишь в деталях.

Я все время чувствовал себя беспокойно. Вся местность и прибрежные воды с торчащими камнями показывали, что, задул хоть небольшой восток, и мы застрянем

в этом глухом и, казалось, безжизненном месте. Поэтому я поторапливал своих попугачиков. В четыре часа утра мы снова были в горловине лагуны Опука, откуда пошли в Хатырку.

Погода пока держалась, но тревога не проходила. Окоченев в лодке, зашли в лагуну Маллен. На косах и террасе этой лагуны мы не обнаружили постоянных поселений, кроме временных стоянок. Кереки приезжали сюда с Опуки и Хатырки только весной и осенью для сбора яиц и ловли птиц на мысе Рубикон и промысла гольца. Как говорит Уваыргин, это место очень ветреное, холодное зимой, потому здесь и не селились люди.

Через час мы вошли в устье Хатырки. Моя тревога оправдалась — к вечеру задул сильный юго-восточный ветер.

Снова губа Гавриила и Земля Гека

Всю неделю дули ветры с моря. Саша продолжал свои археологические поиски, я же ходил на «Прогрессе» на рыбалки, с Андреем Коравье подымался вверх по Хатырке чуть ли не до реки Йомраутваам, где совершал свои подвиги чукотский богатырь — эрмечин Кунлелю — Одноусый, уточнял и дополнял с информаторами этнографические сведения. Между делом готовились к выходу в Мейныпильгыно.

4 июля наступило затишье. Погода, казалось, установилась. В 10 часов утра вышли из устья и взяли курс на мыс Хайидин. Но не прошли и пяти километров, как нас встретила сильная отливная волна. Вынуждены были вернуться. Я не люблю после всех прощаний со знакомыми и друзьями снова возвращаться в поселок, поэтому пристали на другом берегу реки, откуда с косы можно было

хорошо наблюдать за морем. К вечеру стало стихать, накат уменьшился. Снова вышли в море. На этот раз оно было гладким и совершенно спокойным.

Впереди слева по борту синела гора Тэлилеут, что по-чукотски означает «сплетенная голова». Так она называется потому, что от нее, как женские косы, отходят многочисленные отроги гор. Часто на ровной глади моря вспыхивают фонтаны китов, высовываются из воды любопытные головы нерп. Вскоре поравнялись с устьем реки Ныкыйпыйпэляк. На картах эта река не имеет одного, установившегося написания. Правильно по-чукотски это название реки звучит Ныкэпэкыл — «ночной треск», «стук». Здесь чукчи в зимнее время и весной часто слышат оглушительный, наводящий страх и ужас треск льда. Отсюда и название реки. Думали зайти в устье и обследовать косы, но горловина оказалась очень узкой да и фарватер почти не прослеживался, потому решили идти дальше. В 12 часов ночи прошли мыс Хайидин и поравнялись с холмами Янкинан, откуда начинается Мейныпильгинская коса. Подул сильный ветер с моря, к тому же встал один мотор, резко упала скорость. В сумерках и на волне было невозможно прочистить карбюратор, так и шли на одном моторе. Через час, избегая встреч с бурунами и вынырывающими рядом кашалотами, которых я видел впервые, вошли в Мейныпильгинскую горловину. От Хатырки до Мейныпильгыно шли четыре часа, преодолев расстояние 120 километров. С моря не заметили каких-либо следов древних поселений, хотя чукчи говорили, что «ралк'анын» — стоянка есть в устье реки Ныкэпэкыл.

В Мейныпильгыно, в местечке Этчун и Янкинан, Орехов с помощью учеников старших классов сделал разведывательные раскопы. Находки не очень богатые, но загадочные: обнаружены, кроме других предметов, китовые ребра с петроглифами. Пока Саша занимался раскопками, я собрал дополнительные сведения о кереках, уточнил

данные прошлых экспедиций. После мы очень тщательно обследовали озеро Пекульнейское, снова побывали в пещерах-нишах, но никаких следов пребывания в них людей так и не обнаружили. Мои старички-информаторы Михаил Иванович Етынкеу и Кежгынто умерли в конце 1973 года, не удалось в этот раз поработать и с Турылькотом.

19 июля пошли маршрутом Мейныпильгыно — лагуна К'эйпилгын — губа Гавриила (расстояние 135 километров). Это для нас был самый опасный перегон. Так же, как и в Хатырке, пришлось вначале вернуться в устье: навстречу шел сильный приливной накат. В устье лагуны Кайпилгукуй, называемой чукчами К'эйпилгын — «маленькая горловина» или Вэлк'ылвээмкуйым — «реки Челюсть залив», а кереками — Йыйн'ышил — «горловинка», — войти не смогли: помешали густой туман, буруны, отсутствие видимости. Прошли дальше. Вскоре туман рассеялся. Слева по борту потянулся однообразный осыпной обрывистый берег, образованный пологими склонами гор. Берег местами прорезан оврагами, по которым текли мутные ручьи. Все время нас сопровождают киты, выныривая у самых берегов. У устья реки Пика прихватила сильнейшая волна, которая дала понять, что дальше идти нельзя. Недалеко от устья удачно выбросились на песчаный берег, оттащили лодку за прибойную полосу.

Река Пика имеет несколько названий. На картах она обозначена как Айин или Пика, чукчи же именуют ее Вааквэт и Эйин. Какое из них истинное название, установить пока не удалось. Слово Айин, возможно, керекское. Этот топоним, обозначающий реку, есть на южной стороне мыса Олюторского. Долина реки Пика небольшая, лагуна мелкая. С левой стороны возвышается гора Морская, справа, за мысом, виднеется плоская вершина горы Плац. Горы серые, хмурые и лишены всякой растительности. Никаких следов древних поселений мы не обнаружили.

Место кажется безжизненным, лишь несметные стаи уток-гаг пролетают над косой и усаживаются на островках лагуны да выныривают у самого устья киты, высовывают голову нерпы. Вечером к нам на дымок костра приплыли четыре отбившихся оленя. Они долго стояли метрах в двухстах от нас, найдя спасение от гнуса.

Пять дней просидели без дела из-за штормовой погоды. Меня беспокоило лишь одно: как мы спустимся на воду. К вечеру 24 июля стало стихать, и утром следующего дня мы отгреблись на вслах от негостеприимного берега.

Вначале шли при штиле, затем у горы Плац нас встретил сильный бриз. У острия мыса Наварин столкнулись с сулоем, бурным встречным течением. Пришлось прижаться к самому берегу и идти среди рифов. За мысом Чесма вздохнули свободно. Прошли берегом бухты Грейга, обогнули мыс Безымянный, со скал которого спугнули стадо сивучей, и вошли в губу Гавриила. На метеостанции из старых знакомых застали только Валентина Ивановича Копкова.

Губа Гавриила — Каныйун с древних времен была удобным местом для поселений. На всех косах видны следы землянок, старые жертвенники с прогнившими моржовыми черепами. Снова повторили раскопки в устье горловины. Очень тщательно очистили очаг, раскопанный нами в 1973 году. В десяти метрах от этого очага я обнаружил второй, в два раза больше первого. Очаги состоят из целых каменных плит толщиной от 10 до 15 сантиметров. Таких плит, как сказал нам радист метеостанции Володя Федосеев, очень много на склоне мыса Басова. Удивляло лишь, как это маленькие керекки могли переносить такие плиты, особенно огромными они оказались у второго очага. Длина очага 99 сантиметров, ширина 82 сантиметра, высота плит 58 сантиметров. Дно сильно обожжено и естественно зацементировалось. У задней северной стенки пристроен дополнительный маленький очаг, который сверху был на-

крыт небольшой каменной плитой. Все камни внутри сильно окалены и покрыты сажей. Как выяснилось при дальнейшем исследовании, подобных очагов на этом поселении было много, так как их основания вымыты водой из обнажения и лежат прямо на гальке. Мы, видимо, раскапывали самый край когда-то большого поселения. Раньше горловина была намного южнее, но под влиянием сильных штормов и приливных течений устье все время смещается на север, размывая древние жилища, а со временем вода может снести и все поселение. Даже по сравнению с 1973 годом видно, что устье сместилось метров на десять.

В одном километре от метеостанции Саша вскрыл дерн на жертвеннике и нашел около двухсот наконечников стрел и копий. По своей форме и орнаменту они схожи с опукинскими и хатырскими, но массивнее. Озадачило то, что мы не нашли ни одного поворотного гарпуна, который был незаменим в морском промысле, а черепа моржей, кости китов свидетельствовали, что продукты морского зверя занимали большое место в жизни кереков.

1 августа вышли из губы Гавриила. Решили обследовать лагуну Амаамым, примыкающую к бухте Ушакова. Но при всем старании не могли втянуть лодку в горловину, на море вставать на якорь было опасно. Пришлось снова отложить исследование этого интересного места. В тот же день мы пришли в Беринговский. К нашему огорчению, древняя стоянка, обнаруженная в 1973 году, была разорена окончательно. В устье лагуны Лахтина, по рассказам Екатерины Хатканы, искали керекскую могилу, но не нашли.

8 августа мы снова были на Земле Гека. Прошли по всей косе, осмотрели жертвенники, остатки землянки Нигрина и 10 августа были в Анадыре, решив снова вернуться на Землю Гека и поработать там по-настоящему.

Размышления и догадки

15 августа, взяв с собой в помощь прилетевшего к нам из Магадана студента пединститута Сапу Симукова, мы снова вернулись на Землю Гека. Я чувствовал себя неважно, сказывалось напряжение всего пройденного пути. Поэтому я не пошел с ребятами вскрывать землянку Нигрина, раскапывать жертвенники, а остался в избушке рыбака Юры Кутынкеу, занялся мелкими хозяйственными делами, заполнением дневника. Просмотрев судовой журнал, я подсчитал — и оказалось, что мы прошли по рекам и берегу моря 1 694 километра.

На этот раз были сделаны интересные находки: обнаружены жертвенники, собрано более пятисот предметов промыслового и бытового инвентаря. Все это хорошо дополняло те сведения, которые удалось мне собрать у кереков и чукчей. Теперь уже появилась возможность поразмыслить о загадке побережья Берингова моря и его обитателях. Правда, все сведения, промысловый и бытовой инвентарь пока еще не позволяют сделать конкретные исчерпывающие выводы по происхождению и этнической истории этой загадочной народности. Археологический материал, собранный в обнажениях, на жертвенных местах и при разведывательных раскопах, не раскрывает еще всего комплекса культуры древнего населения побережья Берингова моря от Анадыря до мыса Олюторский. Совершенно отсутствует антропологический материал, который

помог бы разрешить керекскую проблему. В связи с этим наши рассуждения и догадки будут предположительными и еще не окончательными.

Весь уклад жизни приближает кереков к неолитическим охотникам и собирателям, жившим на берегу моря, где было больше возможностей для существования человека с примитивной культурой в северных условиях. Море, особенно его побережье, круглый год дает пищу человеку, которую можно добыть самым примитивным способом. В сильные штормы на берег выбрасывает морскую капусту, рыбу уёк, навагу, треску, разные моллюски, прибывает к берегу раненых и погибших животных, а на отмелях и рифах богаты лежбища тюленей, моржей, которых можно было бить дубинками и керекскими орудиями типа «калувйанаана».

Отсутствие гарпузного комплекса показывает на некоторые особенности в хозяйственной направленности кереков.

На первом месте у кереков стояла охота на птиц и мелких грызунов, которых добывали различными способами. Приемы ловли птиц и их обработки оригинальны, архаичны и не находят аналогий в занятиях соседних палеоазиатских народностей, кроме ительменов. Правда, научный сотрудник нашего института этнограф Ульяна Григорьевна Попова заметила, что такие охотничьи приспособления, простейшие по устройству, сохранились до наших дней только у кереков, и добавила, что охотой на птиц как на море, так и на птичьих базарах в XVIII столетии занимались так называемые «пешие тунгусы» Охотского побережья. Последние, как и керекы, тоже являются загадкой в науке. Возможно, что есть какая-то связь кереков с «пешими тунгусами». Помимо силков и сетей, керекы промыслили мелких грызунов и птиц с помощью специальных стрел с тупыми концами, которые называются «томары». Эта сторона хозяйственной деятельности

нашла отражение и в языке кереков. Так, у кереков названия месяцев, времен года связаны с промыслами. В «месяц евражки» — «чикакайиллын» начиналась охота на мелких грызунов, в «месяц птиц» — «галгайиллын» — охота на дичь.

Большое место в жизни кереков занимало также рыболовство, но и оно имело свои отличительные особенности. В керекском языке отсутствует специальная терминология рыболовных орудий, она заимствована из корякского или чукотского языков. Это говорит о том, что более современные орудия лова появились у кереков, видимо, недавно, в конце XIX — начале XX веков. Рыбу в прошлом они ловили с помощью острог «атчина» и специальных стрел. В протоках, по которым подымалась рыба на перест, строились специальные плотины с узким мелким проходом. Чтобы пройти на нерестовое озеро, рыба вынуждена была совершать прыжок, и вот в этот момент кереки глушили ее специальными дубинками. Строились также запоры на реках.

Не меньшее место в жизни кереков имело собирательство на берегу моря и в тундре. Этот вид занятий давал обильную растительную пищу и материал для изготовления многих бытовых предметов. Собирательство на берегу моря называлось «йумэйчитык», тогда как по-чукотски оно называется «араттак».

Морской промысел у кереков ограничивался добычей животных на лежбищах с помощью дубинок и орудий типа «калувианана». На китов они охотились со стрелами, возможно, отравленными, и били их тогда, когда киты кормились в устьях горловин. А большей частью, видимо, обрабатывали тех животных, которых выгоняли на отмели касатки или выбрасывало море.

Можно предположить, что кереки были более древними поселенцами на Северо-Востоке, чем коряки и чукчи. В керекской культуре прослеживаются четкие связи с

древнекорякской культурой Охотского побережья и побережья Западной Камчатки, которые обнаруживаются в комплексе жилищ, очагах, промысловом инвентаре и топониимике. Однако кереки впитали в себя элементы ительменской, корякской и чукотской культур. Более раннее и сильное воздействие оказала на кереков ительменская культура. Это прослеживается в близости фольклора, в самом характере кереков, в способах приготовления пищи, в приемах промысла птиц. Затем большое воздействие на кереков оказывают коряки, а в последние два столетия — чукчи, которые окончательно ассимилируют кереков.

Чукчи, возможно и коряки, признают, что «кэрэки ыттынёльиано питлинэт» — «кереки первыми были». До настоящего времени у них сохранились обрядовые праздники с жертвоприношениями рекам и морю. Можно предположить, что так они почитают древних поселенцев на Северо-Востоке.

И все же, несмотря на активную ассимиляцию со стороны коряков и чукчей, кереки сохранили свои этнические признаки. Физический тип кереков отличает их от чукчей и коряков: они низкого роста (140—150 сантиметров), подвижны и быстры. Видимо, не случайно в чукотском фольклоре «старушка из племени кэрэк величиной с палец». В языке сохранились слова, не встречающиеся в других палеоазиатских языках. Керекский обряд погребения в море не находит аналогии у других племен Северо-Востока. Отличные от других народов семейный и общественный уклады.

Возможно, в далеком прошлом кереки расселялись по всему побережью от Анадырского залива до перешейка Камчатского полуострова и далее на юг по берегу Охотского моря. Но постепенно ассимилируемые и теснимые более сильными племенами кереки отошли в северные районы побережья. Несколько изолированное расселение

сохранившейся группы кереков на труднодоступной территории лишило их тесных контактов с ближайшими соседями, что сдержало развитие их культуры. С русским народом по существу они вошли в непосредственный контакт лишь с приходом Советской власти.

Конечно, на этом исследование кереков нельзя считать законченным. Новые археологические, антропологические, этнографические и языковые поиски помогут разрешить проблему происхождения древних народов и формирования современных народностей на Северо-Востоке, живущих в новом советском обществе.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАГАДКА ПОБЕРЕЖЬЯ БЕРИНГОВА МОРЯ	5
I. ЗЕМЛЯ ГЕКА	15
Анадьрский лиман	15
Жилища Нигрина	25
По следам Семена Дежнева	29
«Камак» — жертвенное место	31
Вынужденное возвращение	39
II. СТРАНА ТУМАНСКАЯ	45
У разбитой лодки	45
Испытание «Прогресса»	53
Первый перегон	56
Кто такие тэлк'эпылыт?	62
Келевги и его бригада	67
Алькатваамцы	73
III. ПО ЗЕМЛЕ ДРЕВНИХ КЕРЕКОВ	81
Стоянка в бухте Угольной	81
Упанкинмын — мыс Отвесный	85
Как керекы птиц добывали	89
Мегеостанция в губе Гавриила	99
Обнажение на косе	104
«Тайник» поселения Каньйун	107
Вокруг мыса Наварин	112
Строитель полярных станций	115
Мейныпильгыңцы	121
На рыбалке Куэт	125
Екатерина Хаткана	137
Куймайаана — древнее жилище	143
Эныпчеран — жилище касаток	148
Потомки Кунделю	152
Древний праздник «Вылгыкаанматгыргын»	156
IV. ХАТЫРКА. ОПУКА	166
В Рытгылвээмской впадине	167
Вниз по реке Хатырке	174
В рабстве у богатого чаучу	182
У горы Камакыннот	191
В местечке Тымлыяргын	197
Мыс Ыллавианан	201
«Тэрык'ы» — дикий человек	209
У вымершей землянки	214
Снова губа Гавриила и Земля Гека	221
Размышления и догадки	226

Леонтьев В. В.

**Л47 По земле древних кереков. Записки этнографа.
Магадан, Кн. изд-во, 1976.**

231 с., 24 л. ил.

Ученый и писатель В. В. Леонтьев на основании многолетних исследований делает попытку раскрыть загадку происхождения малоизвестной народности Севера — кереков. Автор также в живой научно-популярной форме описывает современную Чукотку, ее природу, животный мир и, самое главное, рассказывает о встречах с интересными людьми, населяющими этот суровый и труднодоступный уголок земли.

Л 0162—034 31—76
М — 149(03) — 76

902.7

Владилен Вячеславович Леонтьев

ПО ЗЕМЛЕ ДРЕВНИХ КЕРЕКОВ

Записки этнографа

Редактор *Л. А. Савельева*
Художественный редактор *Д. Д. Власенко*
Фотографии автора
Технический редактор *В. В. Плоская*
Корректор *Г. А. Козеева*

Сдано в набор 31/V 1976 г. Подписано к печати 10/XI 1976 г. АХ — 01174.
Формат 70×108/32. Бум. тип. № 2, мел., офс. № 1. Объем 7,25 физ. п. л. +
+0,75 физ. п. л. вкладки, 10,15 усл. п. л. +1,05 усл. п. л. вкладки,
11,23 уч.-изд. л. Тираж 15 000. Заказ 3766. Цена 59 коп.

Магаданское книжное издательство, 685000, г. Магадан, ул. Пролетарская, 15.

Областная типография Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Магаданского облисполкома, г. Магадан, пл. Горького, 9.